Владимир

ШМОРГУН

Красный сокол

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга впервые рассказывает об удивительной судьбе великого летчика Ивана Евграфовича Федорова, имя которого было рассекречено совсем недавно. Еще до войны он получил Гитлеровский Железный крест Рыцаря за испытание новых немецких самолетов. Ведь в те времена Россия и Германия дружили. Во время войны он неоднократно был награжден званием Героя Советского Союза, но всегда это звание у летчика-хулигана отбирало правительство СССР. За что и почему — вы узнаете из этой книги. Во время войны он сбил больше самолетов, чем Покрышкин и Кожедуб. Это он, Иван Федоров, впервые сбрасывал с самолета советскую атомную бомбу во время испытаний. Именно он первым в мире преодолел на самолете звуковой барьер. Сколько еще тайн хранит XX век! Какие судьбы! Какие великие люди живут среди нас!

- Владимир Шморгун
  - От автора
  - Карандаш Геринга (прелюдия)
  - Часть 1
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
  - Часть 2
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
  - Часть 3
    - Глава 1

- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9

- Часть 4
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
- Иллюстрации

Владимир Шморгун
Красный сокол: Сверхсекретный супер-ас истребительной авиации

От автора

Все закрутилось в уме, всколыхнулось в душе от публикации в маленькой скромной газете «Рассвет», перепечатавшей очерк гвардии майора истребительной авиации в отставке Ивана Шевалева из подшефной газеты «Красной Звезды» — «Достоинство».

Их редакторы: Николай Замковой и Александр Богомолов, всегда отдавали предпочтение животрепещущим темам большого патриотического накала. Да и сейчас чутко держат руку на пульсе нравственных интересов нашего общества. Поэтому и появилась там сногсшибательная публикация о засекреченном советском летчике, сбившем вражеских самолетов больше, чем трижды Герой Иван Кожедуб и Александр Покрышкин вместе взятые. Только он так и не был удостоен этого звания.

Вместо шести золотых медалей Героя его наградили (в насмешку, что ли?) шестью орденами Отечественной войны. От седьмого ордена, которым награждали уже всех «участников войны» (в связи с 50-летием Победы), даже всю войну просидевших на складах в глубоком тылу или чистивших сапоги в штабах фронта, он отказался.

Этого супер-аса истребительной авиации я ставлю выше Покрышкина и Кожедуба не для того, чтобы умалить доброе имя прославленных летчиков и значение их подвига. Счет сбитых самолетов в годы Отечественной войны в каждой воздушной армии велся по-разному. Да и сбитый на вражеской стороне самолет часто не засчитывался из-за отсутствия существенных подтверждений. Тот же Покрышкин, по данным одного из его биографов В. Шумилова, фактически одержал 116 побед над врагом.

Воевали тогда многие, в том числе и мой герой, не ради наград. По таланту пилотирования в бою я ставлю Ивана Евграфовича выше известных всему миру летчиков-истребителей. Его заслуги перед отечеством тщательно засекречены и не были своевременно оценены, а потом и забыты.

Знаю, некоторые ретивые апостолы советско-партийной системы прошлого ринутся в бой на меня: «Враньё!», «Не может этого быть!», «Клевета!»

Успокойтесь, господа присяжные скоротечного суда по схеме военно-полевого трибунала! Было! И пока есть. Даже то, что нигде, никогда не могло быть.

Очерк о летчике-истребителе завершил переворот моих представлений о философских мерках жизни вообще и о

нравственных принципах властвующих структур, в частности. Я имею в виду реальную власть, а не бутафорскую. Власть, которая может давать и отнимать, казнить и миловать за одну и ту же провинность. Высшим мерилом справедливости для меня с отроческих лет был Виктор Гюго. Точнее, описанный им в романе «93-й год» принцип отношения к поступку, к провинности человека по библейской схеме: «Кесарю — кесарево, Богу — Богово».

В романе события развиваются следующим образом. В шторм огромная бочка с песком сорвалась с креплений и начала кататься по палубе корабля, сокрушая всё на своем пути: мачты, снасти, людей. Все попытки команды утихомирить ее, закрепить на месте и тем самым избавиться от неминуемой гибели заканчивались ничем. Но вот она при качке случайно накренилась, как бы желая встать «на попа». Боцман, рискуя быть раздавленным, подставил свою могучую спину под наклонившуюся бочку. Люди бросились ему на помощь. Общими усилиями бочку укротили. Когда шторм стих, маркиз снял с груди свой высший орден и приколол его на грудь боцману за мужество и героизм, проявленные в борьбе со стихией. Потом повернулся к капитану: «А теперь расстреляйте его за халатность, из-за которой корабль подвергся смертельной опасности».

Это поистине соломоново решение гениальный писатель мудро обыгрывает при такой же сюжетной ситуации и в романе «96-й год», когда корабль возвращался к родным берегам. Только теперь уже срывается с креплений тяжелая пушка. Видимо, для писателя такой подход к тем или иным заслугам человека представлялся высшим эталоном справедливости: Кесарю — кесарево, Богу — Богово.

С этих позиций «провинность» Александра Маринеско просматривается как образец надругательства над справедливостью. Вспомним еще раз об асе-подводнике номер один.

За то, что Маринеско переспал с финкой на базе стоянки кораблей и вовремя не явился по вызову, его арестовывают и отстраняют от командования подлодкой, понижают в звании.

Экипаж отказывается выходить в море с другим командиром. Один за всех и все за одного. Разве не этому веками учили моряков выдающиеся флотоводцы России и корабельные уставы?

В походе командир проявляет невиданный героизм и мужество в неравной битве с врагом. Топит целую дивизию отборных войск и гражданских чинуш из высшего эшелона. Экипаж в одиночку сражается с целой эскадрой военных кораблей, сопровождающих супер-лайнер «Адольф Густлов», и

выходит победителем. По пути на базу командир отправляет на дно вспомогательный крейсер «Штойбен», также набитый отступающими войсками. Гитлер объявляет в Германии траур на три дня, а Маринеско своим личным врагом номер один. Такой чести удостаивалась за всю Вторую мировую войну только трагедия немецких войск под Сталинградом. А что получил непревзойденный ас, потопивший больше всех надводных кораблей по суммарному тоннажу от Родины, которая сузилась для него до политического отдела Балтийского флота и конъюктурных органов госбезопасности? Разжалование, недоверие, слежку и… три года тюрьмы за бескорыстие. Хотя другие капитаны, менее удачливые в бою, дважды награждались золотой медалью Героя.

Нет, не похожа судьба Ивана Федорова на судьбу Александра Маринеско. И характеры их несхожи. Но во многом она переплетается с выдающимся асом подводной войны. Особенно в главном: в предвзятости органов власти, в грубом вмешательстве в его боевую жизнь бездарных завистников, перестраховщиков, карьеристов и прочих себялюбцев на гребне войны. Слишком часто амбициозными, мелочными принципами руководствовались наши заполитизированные конструкторы коммунистической нравственности при решении тех или иных проблем в годы войны.

Да и до нее.

Праведников расстреливали грешники. Тружеников раскулачивали бездельники. Талантливых давили бездари. Гордых и чистых судили скользкие и грязные корыстолюбцы.

Много еще белых пятен в истории Великой Отечественной.

Вот и Федоров, сбил 134 вражеских самолета и… канул в омут беспамятства. Почему? Неужели беспамятство мы превращаем в принцип? Неужели Правда может помешать жизни?

Я рискнул заглянуть в пропасть людского забвения и хоть что-то извлечь на свет Божий из судьбы засекреченного аса, одного из самых талантливых летчиков советской эпохи.

Владимир Шморгун

Карандаш Геринга (прелюдия)

Прочитав очерк о советском асе, награжденном немецким «Железным крестом», я загорелся: во что бы то ни стало узнать какие-нибудь подробности из жизни летчика сталинской гвардии, если не от него самого, на что очень мало надеялся, то хотя бы от его детей или знакомых, уцелевших в огне Второй мировой войны и доживших до моего весьма преклонного возраста, несмотря на мощнейший морально-психологический удар в связи с развалом Советского Союза. С этой целью я отправился в Москву искать правду, зарытую в недрах столичной осведомленности под гнетом давности исчезнувших архивов, умерших свидетелей, засекреченных учреждений и несохранившихся реликвий.

Прежде всего я «раскопал» своих сослуживцев по Днепровской военной флотилии, иногда тусующихся в кулуарах Московского комитета ветеранов войны, что недалеко от станции метро «Смоленская» на Арбате. Но они ничего конкретного не дали моему страждущему уму, кроме общеукрепляющих пилюль: «Ищите и обрящете!» за рюмкой водки в дешевой забегаловке. Но председатель Совета ветеранов Волжско-Днепровской флотилии полковник Седышев оказался настолько в доску своим, что свел меня с ветеранами подкомитета Военно-воздушных сил, которые показали мне краткий автобиографический словарь в красном переплете «Герои Советского Союза», изданный еще до перестройки. И…

О, счастье бескорыстного правдоискателя! Вот она, таинственная жар-птица запоздалого изыскателя сермяжной правды! Надо хватать ее хотя бы за хвост. Тогда в руках может оказаться, по меньшей мере, хоть одно перышко, по которому нетрудно восстановить, как по черепу неандертальца, скелет даже несохранившегося подвида воздушного аса времен двухлопастных пропеллеров и деревянных крыльев. Главное — скелет. Остальное, перья там или мясо — плод писательского воображения. Дело рук мастера художественного авантюризма.

По моему запросу городское справочное бюро выдало мне… Ах, это смутное время дефолта! Падения стоимости денежных знаков, ценных бумаг, нравственных устоев и бюрократической ответственности! Набор еле распознаваемых слов и цифр: дом 1, корпус 2, квартира 183 на Кутузовском проспекте подвигнул меня на героические муки в крещенские морозы. Отыскав дом, я потратил целый день, звоня по домофону второго, а потом седьмого корпуса огромного дома, пытаясь выяснить охрипшим голосом у соседей: кто хозяин абсолютно глухого жилища, не

реагирующего на вопль моего осевшего горла? Куда он запропастился? Когда бывает дома? Какого возраста и пола? Но никто ничего вразумительного не мог мне ответить, а, следовательно, и открыть дверь подъезда, чтобы оставить в замочной скважине записку снисходительного содержания.

Вечером дочь, глядя на мой приунывший лик исследователя московских дебрей, поинтересовалась результатами поисков жар-птицы. Я обрисовал ей все свои постыдные потуги в попытке добиться домовой правды.

— Не переехал ли он к сыну или дочери? — проронила Наташа, наставляя внучку искусству шинкования капусты для борща. — Вот она и пустует.

— Или давно умер, а данные в справочном бюро устарели, — поразмыслил я вслух.

— Это исключено. В случае смерти паспорт изымается и всё такое меняется. Скорее всего, в справке что-то напутали. Выдали однофамильца-двойника или корпус дома указали неверно. При таком всеобщем обвале всё возможно, — пояснила ситуацию наследница моего литературного права. Остальных наследников мой бесценный труд сочинителя не интересует. Она меня поддерживает во всех литературных предприятиях сомнительного толка. Без нее я бы не утвердился в московской богеме новой формации. Полина тоже мне как будто сочувствует. Да что толку от внучки-попрыгучки? Дедушка точно ведает, где внучка обедает, а поститься ей и без него несложно. Одним словом, Наташа не дала погаснуть малюсенькой искорке в моей порядком остывшей душе: — Эх, ты, археолог фамильных раскопок! Копай глубже!

На следующий день, прихватив на всякий случай бутылочку кубанского коньяка, я разыскал жилищно-эксплуатационный отдел этого дома. Увы! И там никто не смог внести ясность на счет легендарного обладателя «Железного креста».

Выйдя на свежий воздух, я пошевелил мозгами и пригляделся к цифрам. В самом деле, может быть, ларчик просто открывается? Что если переставить первые две цифры? Это же совсем рядом! Перейти лишь улицу и дом перед тобой, как пень перед травой. Попыток — не убыток. Я ударился на другую сторону проспекта.

Захожу во двор. Встретившийся абориген дома объясняет: «С торца — вход в гостиницу «Украина». А крыло вдоль проспекта и есть первый корпус».

Пытаюсь пробиться внутрь дома через один, другой, третий подъезд — не тут-то было. То квартиры такой нет, то фирма какая-то в подъезде, то дверь, окованная железом, не подает признаков жизни, то вход закрыт на ремонт, то… Наконец в

пятом или седьмом дежурный пояснил, что нужная мне квартира располагается в соседнем подъезде. Подхожу к высокой массивной двери с толстой деревянной ручкой средневековой выделки. Стучу, дергаю за рукоятку. Появляется вахтер. Спрашиваю: «Не здесь ли живет полковник в отставке Федоров?»

— Здесь, — отвечает пожилой охранник полутемного тамбура.

— Дома он? Можно к нему пройти?

— Сейчас узнаю. Кто вы?

— Скажите: сослуживец с презентом.

Немногословный портье высоких хором удалился к телефону в глубине коридорчика, оставив меня перед второй дверью, такой же высокой, но менее представительной. Через некоторое время возвратился, промычал равнодушно: «Дома. Проходи». Открыл вторую дверь, пропустил вперед. «Вот лифт. Восьмой этаж. По коридору прямо. Сами сможете?»

Поднимаюсь. Нахожу дверь с табличкой священного номера. Нажимаю на звонок. Слышу кто-то шурудит за дверью. Женский голос спрашивает:

— Кто там?

В сотый раз проворачиваю мозги так, чтобы не оплошать при ответе: лишь бы открыли дверь, а там всё образуется. Горький опыт достучаться к кому-нибудь в доме подсказывал: нужно отвечать витиевато, интригующе, не лгать, но в то же время и обмануть бдительную москвичку, запуганную бандитами «из горгаза» и пресловутой Чечни.

Как можно спокойнее отвечаю:

— Сослуживец Ивана Евграфовича по фронту.

Думаю, на каком-нибудь из фронтов: Кавказском, Украинском или Белорусском и он воевал. Не может быть, чтобы такой летчик не побывал хотя бы на одном из этих направлений.

Женщина, наверное, поверила и приоткрыла дверь, удерживая ее на цепочке. Убедившись, что я не тяну на бандита-домушника, смело оборачивается ко мне спиной и кричит:

— Ваня, к тебе! — Сбрасывает цепочку и удаляется.

Смотрю: из боковой комнаты выходит бодрый, раскованный в походке старик, широко расставляет руки и радушно обнимает, приветствуя по-братски:

— А-а что это ты так нежданно-негаданно без…

Дрожа от волнения и радости лицезрения, я что-то лепечу в ответ, целую в щеки, похлопываю, как и он, по спине и, наконец, размыкаю объятия, рассматривая приплюснутый нос боксера.

— Ты кто? Что-то я не узнаю. В каком полку воевал? — спрашивает гостеприимный хозяин.

Вижу: слово «сослуживец» подействовало на него магически, и… святая простота очаровала меня с первой минуты объятий до, возможно, последней капли крови истекающей жизни.

— Иван Евграфович, простите, но я… моряк с печки бряк, — пытаюсь как-то представиться с выгодной стороны.

— О! Все равно. Я люблю моряков. Встречался с ними на Ленинградском фронте. Ты Жору Костылева знал? Нету его. Мы все теперь летаем с лежанки на полати. Счастливчик — кто имеет печку. Вышла из моды. Газ и водяная батарея не каждому по душе. Да что мы стоим? Раздевайся, проходи. Аля! Ты нам приготовь хабур-чабур с прицепом, пока мы тут будем выяснять точки соприкосновений на море и на суше.

— Иван Евграфович, дорогой, вы меня не знаете. Я не авиатор, а дохлый литератор. Знаю вас заочно через вот эту газету с грифом «Красной Звезды». И пришел к вам, честно говоря, не как сослуживец, хотя на каком-то фронте наверняка воевали вместе. Хочу написать о вас очерк, может быть, повесть. Вы не против?

— Д-а-а-а, нет, — как-то сник мой герой. — Только что рассказывать? Что вас интересует? — перешел с доверительного «ты» на официальное «вы» мой сослуживец по фронту. Вижу: дело — швах. Как же вернуть ушедшую доверчивость ребенка в угасшие глаза старика? Как раскрутить на откровенность? Решил взять быка за рога. Достаю газету:

— Вот здесь гвардии инвалид авиации пишет о вашем «Железном кресте» от Гитлера Можно посмотреть его? Как это было?

— А-а, чего хорошего? Об этой железяке мне…

Тут вошла с подносом Аля, миловидная круглолицая женщина пожилого возраста, но по-прежнему удивительно красивая своими большими глазами и благородными чертами белого лица царицы Нефертити русского происхождения. Я невольно залюбовался немеркнувшим благолепием пожилой представительницы московских красавиц с Поклонной горы.

— Во! Как всегда кстати, — воспрянул духом мой собеседник, узрев на подносе рюмки и бутылку «Белоголовки». — Сначала ударим по нашей, фронтовой, а потом уж о крестах поведем тары-бары растабары.

Я запротестовал: «Нет! Я приехал за полторы тысячи километров не за этим. У меня в Москве время рассчитано не по дням, а по минутам». Одним глазом замечаю: мой летун сталинской эпохи пригорюнился. Соображаю: переборщил. Иду на попятную. Достаю из портфеля свою бутылку, магнитофон, тетрадь. Вздыхаю: «Сдаюсь. При условии: не насиловать — раз, не

молчать — два, не…»

— Не стоять — три! — подправляет мой дурацкий диктат хозяин положения, тактично напоминая незваному гостю — кто есть кто в частной квартире.

Сели. Хозяйка извинилась, что не может составить нам компанию, и уплыла на кухню. Я подумал: «Баба с воза — нам любо». Вот и райская обстановка для беседы без помех. Вслух мы «пожалели» об отсутствии прекрасного пола за столом, а мысленно возрадовались и с налета, с анекдота про пилота-идиота и банкрота из Морфлота пошли-поехали вспоминать молодые годы, невозвратные, неповторимые, трудные, ненасытные.

Улучив момент, я включил магнитофон и развернул газету на странице с громким заглавием «Железный крест советскому асу». Ткнул пальцем в заголовок: «Иван Евграфович, при каких обстоятельствах награждали?»

Вместо рассказа он стал рыться в шкафу, достал коробочку, раскрыл и швырнул на стол почерневший крест с белой эмалевой окантовкой по краям:

— Из-за этого ё… креста меня всю войну ущемляли. Запрещали летать в одиночку, вступать в поединки. Приходилось ловчить, скрывать, что — то одного, то другого фрица грохнул.

— А за что дали-то?

— Да я… это самое — испытывал их самолеты перед войной.

— Вон как…

Повертев в руках железный символ храбрости, я обратил внимание на обрубины, выступающие на конце одного из четырех раструбов.

— Тут крепилась лента с дубовыми листьями, мечами или заколка с бриллиантами. По степеням, значит. Обломились. На прощанье нас тогда щедро обложили знаками внимания. Золотыми монетами, часами. Мне Геббельс подарил серебряный портсигар, с помощью которого можно было фотографировать. А Геринг — секретный карандаш. С близкого расстояния он мог покалечить, ну, там ранить и даже убить человека.

— Сохранился? Покажите! — задрожал я, как охотничий пес перед выстрелом хозяина.

Иван Евграфович снова порылся в нижних ящиках шкафа и вытащил массивный желто-коричневый карандаш, толщиной с палец. Металлический стержень пишущего инструмента походил на толстый карандаш для пометок и резолюций, который мне удалось однажды увидеть на столе у командующего Днепровской флотилии. Таких размеров карандаш является гордостью и столяра-краснодеревщика. Настораживал только металлический

корпус его и кнопка-пупырышек на нем.

— А он пишет? — Как лезвие опасной бритвы, возвратил я пишущее устройство в руки обладателя диковинной штучки-дрючки.

— А как же? Вот смотри, — повел он заостренным кончиком в моей записной книжечке.

— А стреляет чем? — не в силах отвести глаз от тайной принадлежности секретного агента допытывался я, как маленький ребенок в доме заморских игрушек.

— Да вот этим же заточенным наконечником! Стоит сдвинуть эту кнопку и нажать на торцевой выступ — как глаза нет, — деловито объяснил технологию выведения из строя любого собеседника подвыпивший ас.

— Занятная вещь. Вот бы проверить ее в деле!

— Нет проблем. Нужен пистон. Любой. Бумажный для детского пистолета тоже подойдет. Когда-то у меня их было навалом. Чем больше пороха засыпать и забить пыжом, тем выше убойная сила. Сейчас я проверю: нет ли заряда? Давненько не заглядывал сюда, давненько, — бормотал седовласый испытатель семейных реликвий, снимая колпачок и заглядывая в зубы дареному коньку-карандашу. Не обнаружив внутри ничего подозрительного, Иван Евграфович потряс, постукал трубочкой об стол, но из нее не выпало ни крошки от былых зарядов.

— Да, хитрая штука, а действует примитивно, как пугач. Я на этом деле собаку съел, когда подручным у слесаря на заводе мантулил. Меня пацаны «профессором» окрестили за это. Видишь, — раскрыл он рот, намереваясь дунуть в сопло стержня. Выстрел не то что оглушил, а просто отбросил мою голову назад, так как дым, искры и какие-то огарки неожиданно брызнули из «карандаша» в лицо онемевшего «профессора».

Я вскочил, закричал в проем между комнатами: «Аля! Иди сюда, с Ваней плохо! Скорее!»

Дым немножко рассеялся, и моему взору представилась закопченная, с черными пятнами на лбу кислая физиономия стрелка с выпученными глазами.

Вбежала Аля:

— Что у вас случилось? Почему дым? О, боже! Что с тобой? — кинулась она к супругу.

— Бэ-э, бба… уу гад… кара… Геринг, блин, — протирая кулаком глаза, бубнил очухавшийся маэстро убойных сил.

— Карандаш невзначай пальнул, — пояснил я встревоженной женщине, спешно оторванной от газовой плиты с бурлящей сковородкой.

— Он как ребенок. Вечно с ним что-нибудь случается, —

пожаловалась женщина, убедившись, что муж цел и даже подает признаки натурального оживления. — Пойдем умоемся, — подняла она его со стула и потащила на кухню.

И я понял: Иван Евграфович не только заворожил меня на всю оставшуюся жизнь, но и затронул мою писательскую жилку исследователя человеческого легкомыслия.

Часть 1
Барьеры на пути к звездам

Глава 1
Испытание водой

Вечером 23 февраля 1914 года в одном неказистом доме на окраине Харькова раздался крик новорожденного. Тихая бездонная ночь за окном поглотила этот одиночный крик, не предвещая никому ничего сверхъестественного, кроме рождения в глубинах солнечной галактики новой звезды. Собравшиеся вокруг роженицы родные и повитуха с любопытством уставились на увесистый розоватый комок с морщинистым личиком и дрожащими ручонками, пытавшимися за что-то ухватиться, чтобы то ли подняться, подтянуться вверх, то ли перевернуться на бочок, свернуться в калачик, как он привычно лежал до этого часа в утробе матери.

Отец вложил ему в правую ладошку свой заветренный на морозе, задубелый в работе указательный палец, и малец ощутимо уцепился за этот спасительный перст судьбы, перестал кричать, таращить глазенки, успокоился, прикрыл веки.

— Уснул. Ишь, как намаялся, пока вылезал на свет Божий. Эдакий бутуз — хоть сейчас слесарем представляй, — вполголоса пояснила акушерка. — Ты за ним присмотри, Евграф, а я матушку ублажу. Она, сердешная, тоже намучилась, дай Боже.

Евграф попытался нежно отнять свой палец, но не тут-то было. Дитя конвульсивно скрючило свои пальчики вокруг первого объекта познаваемого мира, беспокойно шевельнулось и молча потянуло добычу в рот.

— Такой не пропадет, — промолвила соседка, залюбовавшаяся тесной связкой между отцом и сыном.

Через две недели, когда мать полностью оклемалась, дитё решили окрестить в церкви. Стать кумой согласилась акушерка, а вот приличного кума найти было труднее. В конце концов, подыскать удалось на заводе, где работал Евграф. Втроем они и отправились в местный приход исполнить христианский долг перед пришедшим в этот мир человеком, а мать оставили дома готовить праздничный обед.

В церкви им указали на дверь, за которой совершалось крещение. В боковом приделе, поджидая священника, уже стояли молодые люди с ребенком на руках.

Батюшка появился в черной повседневной рясе с белым посеребренным крестом, свисающим на цепочке. Все обступили кадку с водой. Дамочка распеленала ребенка и подала его батюшке. Поп обхватил дитя двумя руками и опустил в воду.

Ребенок испугался, заплакал. Тогда поп выпустил его из рук, и он столбиком пошел на дно, повалился на бочок, забулькал. Дамочка всплеснула руками, тревожно запричитала: «Ой, что с ним? Может, вода холодная? Скорее хватайте, а то захлебнется!» — и сама потянулась к посудине. Поп степенно отстранил ее:

— Не лезь поперед батюшки в воду! — и проворно подхватил дергающееся на дне тельце мальчика. Передавая суматошно ревущего дрожащего ребенка крестной, поп заметил: — Растерялся. С ним нужно осторожно. В трудную минуту может оплошать.

Отойдя от купели, молодые люди начали тайком шептаться с попом, указывая на ведерко с яйцами. Евграф опустил руку в кадку. «Да нет. Нормальная вода», — обронил он, поворачиваясь к обеспокоенной куме, мурлыкающей над младенцем. Вызванный послушник ведерко с яйцами куда-то унес, и молодые люди, оживленно перешептываясь, подались на выход.

Поп возвратился на место и жадно воззрился на раскрасневшиеся щеки очередной матери в окружении двух мужчин. Спросил:

— Ты кто, голубушка?

— Крестная, — подняла глаза понятая мать, и тут же опять обратила их на распеленатого ребенка, дрыгающего ножками.

— Ну-тко, ну-тко, что у вас за пупъянок? Славно разыгрался! Посмотрим, посмотрим, на что он горазд, — принимая ребенка из рук молодайки, рокотал батюшка. — Ого! Три с полтиной! Не меньше. Довольны? — обвел понимающим взглядом всех троих упитанный батюшка, погружая младенца в воду.

Пупъянок на «три с полтиной», как только окунулся с головой, свернулся калачиком и лег на дно.

— О, боже! Он что, утонул? — вытаращила очи приемная мать. У Евграфа тоже дрогнуло сердце. Сын покоился на дне как усопший. Руки невольно потянулись к водной колыбели.

— Удачно родился, а в миру не прижился, — не сдержался от неуместной реплики молодой, да ранний бригадир, успевший повидать на своем коротком веку не одну смерть.

— Кто из вас восприемник? Забирайте своего богатыря, — повернулся поп к оторопевшим мужикам, осеняя крестом кадку. — Не тогда человек рождается, когда на свет появляется, а когда крестится!

Бригадир поспешно выхватил безжизненное тельце из кадки и досадливо встряхнул его, как встряхивают сильно провинившегося мальца, съевшего чужой кусок пирога. «Усопший» неожиданно скривился, разлепил свой беззубый рот до ушей и разразился захлебывающимся криком на весь приход.

— Свят! Свят! Неужто и впрямь второй раз на свет появился? — радостно залепетала новоявленная мать, принимая малютку под крестное знамение. Но он пуще прежнего залился истошным воплем, чем-то недовольный. Даже засучил ручонками, цепляясь за что попало.

Поп неистово, уже в который раз, осенил его крестом, а он все не унимался и рьяно требовал свое.

— Вот чудеса! Как его ни крести, а он все кричит: пусти! — опять не утерпел от замечания взвеселившийся кум после того, как поп окропил их всех вместе своим веничком, смоченным в крестильнице.

Евграф сунул орущему сыночку в рот свой указательный палец, попусту. Тот рычал, пытаясь освободиться от кляпа во рту, извиваясь на руках у кумы, как змееныш в сачке рыболова.

— Вот гаденыш! Не понимает отцовского указа, — беззлобно ругнулся довольный продолжатель рода Денисовых.

— Да ты ему сунь сбитень в рот, он и умолкнет, — подал совет приосанившийся кум.

Евграф торопливо вытащил из кармана приготовленную дома крестильную кашку, узелком затянутую в марлю, и впихнул ее в рот крикуну. Дитё принялось сосать хлебную окрошку и постепенно умолкло, закрыв глазки от удовольствия, но все еще совершая ручонками какие-то замысловатые движения вокруг хлебной жвачки. Тогда крестная достала из-за пазухи заранее приготовленную бутылочку с подслащенной водичкой и, улучив момент, когда крестник вытолкнул обсосанный узелочек вон, сунула ему в ротик подменную соску. Жадно захватив благодатный резиновый сосок деснами, дате враз обмякло, угомонилось, засопело от благости.

— Во! Его крестом да пестом не усмиришь, только разозлишь, — довольно ухмыльнулся кум. — Хлеб батюшки да водица матушки хоть кому обломают рога.

— А какое имя в метрики запишете, святой отец? — обратилась к батюшке похорошевшая восприемница.

— Пуд! — не отводя глаз от смазливой матушки, ударил, как обухом по голове, нежданным словом батюшка. — Пуд! В самый раз ему такое прозвище. По комплекции, — слегка кивнул подбородком служитель храма господнего в подтверждение своего решения, внимательно изучая недоуменные глаза вопрошающей. И по тому, как он это сказал — весомо и грубо, — сбитая с панталыка мать принялась городить чушь несусветную во имя отца и сына и святого деда Ивана.

— Да, как же я… Вот отец его родной… Мы хотели Ваней прозвать его. По деду, царство ему небесное. Святой человек был

— работник неутомимый. Вы уж его не обижайте. Сделайте милость. Мы в долгу не останемся. Вот я вам и мзду припасла. Не откажите только живым и умершим по воле Божьей! Прошу…

— Сколько? — перебил тот перепуганную просительницу.

— Полтораста гривен, святой отец, — радостно встрепенулась женщина, лихорадочно вынимая из-за пазухи узелок с монетами, собранными догадливыми родителями на всякий пожарный случай.

— Мало! Я сказал: три с полтиной. Пуд — тоже доброе имя, — непоколебимо стоял на своем обладатель всемогущего креста на серебряной цепочке, но принял подаяние как подобает духовному сану — спокойно, как ни в чем не бывало. Осенил крестом узелочек и спрятал на груди под ризой.

— Да что вы, батюшка! Побойтесь Бога. Где я возьму три с полтиной, коли сама жую хлеб с мякиной?

— Я слов непотребных на ветер не бросаю, как ты, матушка. И не забываю, где нахожусь, милая. А мужики чем промышляют? — сказал рассерженный, но выдержанный мздоимец набыченным свидетелям священного таинства.

— Железками, — тяжко вздохнул Евграф, все еще не веря, что его сына нельзя назвать в честь деда, а нарекать странным неблагопристойным именем Пуд вполне прилично.

— Это хорошо. Вон видите окованную железом дверь, ведущую в подалтарник? Осела, сердешная, от трудов праведных. Не закрывается, петли проржавели. Подновить сумеете?

— Это можно, — взбодрился бригадир. — Когда прикажете? Но…

— Знаю. Когда приму работу, тогда и метрики выправлю. Идите с миром, — еще раз осенил пастырь тяжелым крестом стадо Божье и отвернулся.

Глава 2
Испытание голодом

Детство Ванюши пришлось на все годы большой войны. Сначала — германской, потом — гражданской. Ничем оно примечательным, а тем более счастливым, не отличалось от детства тысяч и тысяч таких же карапузов, брошенных на произвол судьбы ушедшими на войну отцами, старшими братьями и равнодушной властью, пекущейся только о себе.

Любая власть, как и человек, хочет лишь одного: перемены в лучшую сторону. То есть получить возможность безнаказанно грабить. Или трудиться во имя собственного благополучия и процветания. В трудный час ей наплевать на миллионы обездоленных, униженных и ограбленных.

Ваня мечтал лишь о том, как утолить постоянный голод хотя бы ломтем черствого хлеба, а лучше — пшенной кашей, заправленной желтоватой мякотью тыквы. Существование маленького, на диво крепкого и моторного отпрыска Денисовых свелось к постоянному поиску пищи. Вначале хоть какой-нибудь, лишь бы унять нудную пустоту желудка, а когда голод чем-то притуплялся, поиски съестного облекались в творческие планы изобретательства скатерти-самобранки с лакомыми кусочками сахара или кренделечка. И хотя эти созидательские способности грубо и часто в самый неподходящий момент пресекались матерью, постоянно недовольной жизнью, малыш снова и снова совал нос не в свое дело. Неосторожно влезал то в огонь, то в лужу, то в драгоценный короб отца, с которым тот ходил по окрестным хуторам — кому ручку к тазику припаять, кому дно кастрюльки залудить, а кому и зубья в бороне переклепать. После таких, чаще всего воскресных, походов в доме таинственно появлялась долгожданная мука, а то и сладости.

Короб стоял на полке в темной кладовке и постоянно манил к себе интересными железками, с помощью которых можно, по словам отца, добыть крупы, муки, сала и даже заветный полтинник серебром. На него-то немудрено выменять все что угодно: леденцы, халву, свистульку, настоящий ремень или настоящий пугач с пружинкой и с курком. Но фанерный короб с лямками стоял на полке высоко, и, чтобы добраться до него, пришлось подставить скамейку, а на скамейку взгромоздить еще и ведро вверх дном.

Придерживаясь за стену, Ваня исхитрился встать на ведро и запустить руку в ящик, потянуть что-то тяжелое: то ли паяльную

лампу, то ли коловорот с набалдашником. Когда орудие труда достигло верхнего края и готово было перевалиться в руки исследователя отцовских премудростей, ведро предательски покачнулось. Вместо того чтобы выпустить трофей из рук и легко свалиться на землю, не солоно хлебавши, искатель кладов, пытаясь удержаться от падения, еще крепче вцепился пальцами в заповедную железку. Короб наклонился, и все сооружение рухнуло вниз.

Очнулся он от щемящих ожогов на затылке и руках, но долго не мог сообразить, где находится, почему вокруг темно и что навалилось на него сверху. На грохот прибежал братишка, рванул прикрытую дверь и завопил не своим голосом:

— Ванька уби-ился!

Пока тот звал на помощь, Ванька выбрался из завала и, как ни в чем не бывало, предстал перед перепуганной тетей Варей, из-за широкой юбки которой выглядывал обескураженный брат.

Все бы прошло незаметно, скрытно до прихода родителей, да сильно жгло руки и затылок. Поэтому кулаки, приготовленные для брата, он отвел назад и тем вызвал у тети сильное подозрение в нечистоплотности этих рук.

— А ну, покажи ладони! Что прячешь?

Кулаки пришлось разжать. И тут обнаружились страшные волдыри на руках. Заодно раскрылась тайна дырочек и желтоватых пятен на пальтишке, кое-где прожженном почти насквозь. Тетя смазала пострадавшие руки и шею простоквашей, а возвратившаяся с работы мать отстегала ремнем так, что пришедший к вечеру батяня только крякнул, выслушав скорбную повесть мальца, но за ремень не взялся. Только объявил, что теперь придется потуже затянуть поясок на животе, потому что пузырек с кислотой для лужения посуды вдребезги разбился и нечем теперь паять соседям домашнюю утварь.

В другой раз, уже без отца, ушедшего в армию Буденного, не в меру любопытный, к тому же голодный «разбойник», по выражению матери, решил основательно освоить примус, который магнитом притягивал его к себе. Как подкачивать керосин помпой, он уже знал. Но разжигать ему пока не доверяли из-за какой-то иголки. А тут подоспел непредвиденный случай. Мечтая об яичнице, догадливый мастер как бы чего пожрать собрал под стрехами воробьиные яйца, разбил на противень и дерзнул зажарить на плите. Но поленился канителиться с дровами. Хотелось по-быстрому. А вышло наоборот. Полдня провозился с заартачившимся аппаратом. Вымазался керосином, испортил коробок спичек, припрятанный матерью, да так и не зажег. Яичницу пришлось разогревать во дворе на костре. Как

выяснилось потом, сломалась иголка на зажигательной головке.

В сараюшке для дров и всякой рухляди был у него свой угол, смахивающий на берлогу медвежонка. Здесь он хранил разные драгоценности, растерянные отступающими и наступающими войсками белых, красных, зеленых и просто вооруженных людей: искореженный приклад от винтовки, проржавевший маятник от часов, сломанный штык, стреляные гильзы, гвозди, камушки, пуговицы, пряжки, шпульки и прочие сокровища побежденных и победителей. Там он эти драгоценности перекладывал, чистил, сортировал, ремонтировал, а порой и сооружал из них какое-нибудь подобие пушки, крепости или поезда. До ракеты его фантазия не доходила, так как книг не читал, хотя и знал до поступления в школу все буквы и умел считать по пальцам до десяти.

Иногда он брал некоторые вещи с собой и показывал их друзьям, придумывая страшные истории их появления, ибо уже не помнил, где, когда и как находил ту или иную штуковину. В его кармане всегда можно было обнаружить все что угодно: от пульки до шнурка без металлической наковки. Он никогда не скучал, не слонялся по улицам от безделья. А все его лучшие помыслы были направлены на то, как быстрее научиться зарабатывать деньги. Много денег, чтобы досыта напиться сладкого чаю, отведать настоящих конфет в красивой обертке или купить упругий резиновый мяч, а не футболить по двору тряпочный.

Однажды на праздник после обеда мать поставила детям граненые стаканы с чаем и рядом положила по две грудочки пиленого сахара. В будни сахар выдавался по одному кусочку. Девочки выпили свой чай и ушли, а мальчики задержались. Договорились попросить еще по стакану.

Ваня на правах старшего взял инициативу на себя:

— Мам, можно выпить еще по стакану? Ради праздника?

Мать налила: — Пейте без сахара.

Ребята сникли. Ваня обиженно пробормотал:

— Какой же чай без сахара?

Сердце матери екнуло от жалости:

— Ну, хорошо. Пейте с сахаром. — И выдала еще по одной грудочке. Когда выпили, спросила:

— Ну, что, напились?

Младший замотал головой: «Нет». Старший грустно признался:

— Нисколечко. Хоть бы раз вволю напиться. Потом… хоть целый год не пить.

— А просить будете?

— И просить не будем.

— Ну, проказники! Ну, паршивцы! Никакой помощи от вас. Одна шкода. И за что бог послал мне таких обжор-истязателей?

— Мам, мы ж не нарошно. Вправду хочется. Мы все, что скажешь, будем делать. Честное слово. Правда, Сема?

— Правда, — поддакнул Семен, привыкший подчиняться брату.

— А-ах, ладно! Пейте, сколько влезет. Потом целый год не просите, — махнула рукой родительница.

Воспользовавшись заминкой, братья друг за дружкой сбегали на двор по-легкому и приступили к царскому чаепитию, ибо по их понятию только царь мог пить чай вволю. Единственное, что огорчало веселье за столом, так это строгая разнарядка на сахар: по одной грудочке на стакан. Однако каждый новый стакан давался все тяжелее и тяжелее. Жарко. Рубашки полетели под скамейку. Семен обмяк уже после третьей порции и никак не мог задрать ноги через лавку, чтобы выбраться из-за стола. Подошла мать:

— Ну, что? Довольны?

— Нет. Мне еще, — попросил Ваня, а сам подумал: «Куда бы незаметно вылить чай, а сахар прикарманить?» Но как ни велик был соблазн, а добрые правила игры взяли верх. И не потому, что вылить было практически некуда. Просто чувство достоинства звало к честному преодолению трудностей на пути к рекорду, которым хотелось похвастаться перед друзьями.

Самовар почти остыл. Мать налила четвертый. Ворчливо застрекотала свое, наболевшее за все годы лихолетья:

— У-у, ненасытная утроба. Когда тебя Бог образумит? Большой, а ума с наперсток. Весь в отца-расстебая. Бросил дом на произвол судьбы, и будь здоров. Выкручивайся как хочешь.

Ваня скривился:

— Холодный. Треба подогреть. — Пустился на хитрость: — Я сбегаю на двор, позову Семена. — И вылез из-за стола.

Мать взорвалась не на шутку:

— Ах, паразит! Не выйдет! Так ты будешь пить до вечера: наливать да выливать. Пей, не отходя от самовара! Должен же быть предел желанию!

Пить расхотелось.

Предел. Что это такое? Впервые он услышал это слово. И, не осознавая смысл его до конца, понял: все. Кончился праздник утробы. День опять завершится думой о новых способах добывания пищи.

Глава 3
Ум и сила

Безотцовщина — что палка о двух концах. С одной стороны понуждала самостоятельно заботиться о себе, не надеяться на дядю, а с другой — учила здраво осознавать ущербность чувств полусиротского существования, а потому и высоко ценить отца после его возвращения к детям.

Отсутствие главного кормильца семьи подстегивало к смелости и дерзости при изыскании источников питания. Подножный корм стал основным средством пополнения витаминной недостаточности.

Летом братья охаживали все доступные в округе деревья шелковицы, лесные угодья по берегам Луги, терновники, заброшенные сады и подворья, а зиму переживали подачками деда по материнской линии, очень благоволившего к ребятам. Богатый набор фруктов, потребляемых часто в недозрелом виде, да тыквенная каша на пшенке, порой замешанная и на макухе, помогли сохранить мальчикам отменное здоровье, несмотря на постоянное недоедание.

В эти трудные годы не раз приходилось отстаивать свою независимость от посягательств старших ребят на добытые трофеи, будь то «цацки», по выражению матери, всегда хранимые в кармане, или лакомые кусочки от свадебных пиршеств и воровских набегов на сад.

Чаще всего покушались на его добычу те, кто не знал его силу и норов, надеясь на легкий успех, но получали такой отпор, что потом их гонора хватало только на то, чтобы издали угрожать и обзывать несуразными словами, которые отскакивали от Ваниного добродушия, как горох от стены. Пацанва помоложе тянулась к нему по законам дружбы с младшим братом, чувствуя силу и благородство, не способные обидеть слабого. Сверстников привлекала не столько сила его, сколько изворотливость ума по части обнаружения вожделенной жратвы.

Однако, в один прекрасный день эта необходимость повседневно заботиться о хлебе насущном отступила на задний план: нашелся отец. Правда, лишь для того, чтобы забрать сыновей в другую семью. Ребята от этого нисколько не огорчились. Главное — батяня с ними, а остальное — трын-трава. Досадную ущербность перед другими мальчишками, хвастающими своими отцами, как рукой сняло.

По совету отца Ваня записался в школу фабрично-заводского

обучения под другой фамилией.

Дело в том, что Ваня до десяти лет вообще нигде не учился. Не до учебы было без отца в голодные годы после Гражданской смуты. Если не считать кузницу по соседству с домом, где мастерил всякие привлекательные штуковины дед Федор, на плечах которого держалась и многодетная семья Артема Бабенко. Самая старшая дочь Аня была под стать Ивану: симпатичная, добрая, не гнушающаяся никакой черновой работы и готовая кинуться в огонь и воду по знаку своего кумира, в которого тайно была влюблена с детских лет.

После того как отгремела братоубийственная война, два закадычных друга, ушедшие в Армию Буденного: Артем и Евграф вернулись в Луганск. Евграф не стал объявляться, как Бабенко, скрытно ушел к другой женщине, решив не связываться больше со своей больно сварливой супругой. Но она разыскала его, пытаясь вернуть в лоно семьи загулявшего мужа. Не вышло. В итоге бывшие супруги мирно «поделили» сообща нажитых четверых детей поровну. Старших сыновей — Ивана и Семена — Евграф забрал к себе, а девочки остались при матери.

К моменту развода как раз и случилась беда, которая чуть было не повернула судьбу подростка в другую сторону. Иван, выросший, по существу без отца сформировался в маленького предводителя дворовой шайки и возомнил себя народным мстителем. Крепко обидевшись на богатея, у которого батрачил по просьбе матери с малых лет, чтобы как-то прокормиться, поджег конюшню, где ему не раз доставалось на орехи за промахи по уходу за животными. Привычную трепку, тем более — за дело, можно было стерпеть, как терпел до этого. Но самолюбие окрепшего атамана таких же обездоленных войной подростков на этот раз дало осечку. Выросшее чувство достоинства оказалось слишком грубо задето выпадом в адрес, в общем-то, благодушного парнишки.

— Неуч! Скотина! Ты не получить своего недельного пайка до тех пор, пока не научишься ломить шапку передо мной за милостыню, которую ты не заработал. — Плеть хозяина, стегнувшая по плечам, не так вздыбила мальчугана, как эти унизительные слова при сверстниках, пришедших к нему «на работу».

Поздно вечером он пробрался в примыкавший к дому сарай скорняка, благо собаки его признали и не тронули. Сарай, набитый сеном, шкурами и всякой рухлядью, загорелся не сразу, и поджигателю удалось ускользнуть с места преступления незаметно. Но хозяин вычислил злоумышленника, так как Ваня не явился на «работу» на следующий день, и затеял против него

судебное дело. Слух об этом «красном петухе» дошел до Евграфа. Чтобы скрыть следы классового преступления, когда еще по инерции действовало правосудие кошелька, отец забрал сына от матери и записал на фамилию в честь деда Федора. Так эта фамилия и закрепилась за Иваном. Особенно после того, как его пристроили на паровозостроительный завод подручным к другу отца, слесарю Федорову. Так впервые он был засекречен своим отцом.

Жизнь кое-как наладилась. Он стал учиться, меньше уделять времени улице, где уже, ради бравады, начал покуривать. Изменились и причины рукопашных схваток. Отпала звериная страсть защищать собственность. Зато обострилась нужда отстаивать свое возрастающее день ото дня мужское достоинство.

Стычки между товарищами нередко теперь кончались перемирием и приводили к совершенно другим последствиям, чем это было раньше, без отца. Как-то Вовка, по кличке «Бобёр», в пылу общефилософского спора — что важнее: ум или сила, обозвал Ваню безобидным словом «дурак». Оскорбленное самолюбие парнишки спонтанно отозвалось ударом в глаз оскорбителю. Что послужило причиной такой несдержанности — одному Богу известно. Возможно, стоявшая неподалеку одноклассница Аня.

Бобёр устоял на ногах и тут же молниеносно нанес ответный удар точно по носу. Ваня опешил: «Как же так? Один оскорбил, другой ответил. Значит — квиты. И вдруг — тукманка по самому выдающемуся месту. Нечестно. Получай сдачу!»

Бобёр взвился:

— А-а! Драться? На, на! — с остервенением набросился крепыш на все еще недоумевающего противника.

У Вани не было желания драться с младшим по возрасту, но старшим по классу. Просто загорелось прищемить язык умнику, и потому долго и обалдело искал способ, как достойно выйти из дурацкой ситуации, пока не оказался с расквашенным носом и в изодранной рубашке.

Кровь освежила мозги, подхлестнула мускулы. Толчок и подножка решили проблему: Бобёр живописно растянулся на земле. Какой бы жестокой ни была схватка, бить лежачего в те времена не позволяла гордость.

Лежа на земле, философ с соседней улицы продолжал оспаривать преимущество силы перед разумом под новым углом зрения:

— Гад! Шалопай! Тямы нет — рукам волю не давай! — И… уже сидя, менее озлобленно: — Дураков учат линейкой по голове, а ты — в глаз. Иванушка-дурачина — бестолковая дубина.

Смотри! Дураком был — дураком и…

«Иванушка-дурачок» отвернулся: «Пускай себе выступает».

Странно. Теперь обидные слова его не задевали. Чувство победителя успокаивало, возвращало благодушие и трезвость рассудка. Поэтому он и сказал дружелюбно:

— Хватит. Закругляйся. Или еще хочешь? — И услышал от поверженного соперника совсем уж неожиданно-ершистое:

— А ты хочешь?

И как это он отпарировал, вопросом на вопрос, уверенно и вызывающе, ошеломило победителя.

Драться Иван не хотел. Но сказать об этом не мог. Другие подумают, что струсил. И потому брякнул, что случайно пришло на ум:

— Ты первым начал…

— Я первый?! — как ужаленный вскочил отдохнувший боксер. — Семен, скажи: кто первым полез с кулаками?

— Ты, — ткнул пальцем братишка в сторону чужака.

— Я-я?! — пуще прежнего взвился закоперщик спора. — Ни гада себе! Гриша, ты видел? Кто первый ударил?

— Ванька.

И оба драчуна одновременно рассмеялись. Один оттого, что младший безоговорочно стал на сторону старшего брата, а другой оттого, что его правда, пусть с опозданием, с боем, но взяла верх. Восторжествовала не мытьем, так катаньем.

В самом деле, сердце Вани праздновало победу. Это он сразу почувствовал, как только Бобёр очутился низринутым на землю. Чувство гордости и удовлетворения прямо распирало его грудь. Он и рассмеялся не столько от забавного заступничества, сколько от удачно найденного и в то же время простого до примитивности выхода из трудного положения в борьбе с искусным противником, смелым и напористым. Победа не вызывала сомнения. Но почему он в итоге оказался в неприглядном виде: избитым, окровавленным, изодранным, а Бобрик — чистеньким, самодовольным, с единственным фонариком под глазом? Такой двойственный результат боя больше всего его тревожил и призывал как-то совершенствовать свою грубую силу.

Эта маловразумительная пустячная потасовка, как ни странно, положила начало тесным дружеским связям между ее участниками и свидетелями. На протяжении долгих лет она всплывала в памяти каждого всякий раз в новом ракурсе, под новым углом зрения на случившееся. Но, пожалуй, только для Ивана Федорова урок, полученный в этой схватке, стал действительно поучительным, заставил скрупулезно

анализировать каждый свой шаг, каждое движение, чтобы не остаться впредь с разбитым носом. И для этого он в первую очередь записался в спортивную секцию бокса при заводе, в которой занимался Вовка Бобров.

Глава 4
Притяжение неба

Под влиянием отца Ваня поверил в возможность овладеть специальностью машиниста паровоза и потому еще прилежнее зубрил таблицу умножения и правила орфографии. Вскоре он самостоятельно пришел к убеждению, что математика, а потом и физика — наиболее полезные предметы для будущего водителя поездов. Бокс и другие виды спорта однозначно ценились им как боевые подпорки чести и рабочей сноровки. По совершенно другим причинам он проявлял любовь к иностранному языку.

Едва научившись писать и читать, Иван вообразил себя «морским волком», бороздившим моря и океаны на пароходе. Поэтому знание иностранного языка считал таким же важным приложением к будущим кругосветным плаваниям к диковинным берегам, как и физику-математику к предстоящей профессии машиниста.

Тройка гнедых: математика, физика, физкультура, понесла его по дорогам жизни, словно птица по воздуху, а немецкий язык чудился ему выездным скакуном. Интерес к языку подогревался учителкой из чистокровных немцев, переселившихся на Дон с Поволжья при небезызвестной немецкой герцогине Екатерине Второй, возведенной гвардейцами на российский престол.

Породистая немка возбуждала интерес к иностранному языку не только безукоризненным знанием предмета, но и молодостью, обликом, поразительно схожим с императрицей до такой степени вероятности, что воображение переростка рисовало ее с высоты последней парты перевоплотившейся монархиней России.

Но это так — фантазии праздного ума, легкомыслие взрослого ребенка. А здраво рассудить, так быть бы рослому ученику видным моряком или, скорее всего, стахановцем социалистического труда на железнодорожном транспорте вместо новатора Петра Кривоноса, да по дороге со школы домой он с испугу завалился в глубокий ров, откуда увидел и жадно проводил глазами удаляющийся самолет, с грохотом пролетевший над головой.

С этой знаменательной минуты все мечты о море, о железном коне, бегущем по рельсам, перевернулись вверх дном, полетели ко всем чертям в темную яму, и перед распахнутыми зрачками предстало небо с его загадочными мириадами звезд и летающими стальными птицами. С этого важного момента Ваней овладела одна, но пламенная страсть: взлететь, по выражению учителя

истории, «аки птица в небо», а там хоть помирай. Кстати, он готов был умереть в прямом смысле, лишь бы полетать над лесами и морями, которых никогда не видел в бескрайних степях Луганщины, так как по-наивности полагал, что аэроплан при соприкосновении с землей разбивается и пилот погибает. Ведь знания о том, что у самолета тоже есть «лапки» для приземления, пришли потом, когда он начал учиться в фабрично-заводском училище.

Мечта-мечтой, а после школы ФЗО отец устроил его кочегаром на паровоз. К этому времени он уже познакомился с условиями занятий по планеризму в только что организованном аэроклубе и стал готовиться к поступлению в летную школу.

Первым делом он раз и навсегда расстался с куревом, которым иногда баловался тайком от родителей в кругу сверстников. Вместе с верными друзьями по спорту и авиакружку при заводе Вовой Бобровым и Гришей Онуфриенко смастерил всамделишный параплан и впервые в жизни воспарил в небо с ближайшего террикона. Не удивительно, что прежний уклад жизни приобрел иной смысл и направленность, растаял, как черная туча поутру с восходом солнца.

Хулиганистый мир улицы, где его любили за благородство и силу, уступил учебе на вечернем отделении рабфака при единственном в городе институте. От паровозной топки его перевели помощником в кабину машиниста. Появилась возможность в свободное время заниматься на пилота-парителя при аэроклубе. Разбуженная тяга к знаниям не знала ни усталости, ни границ. В неполных семнадцать лет ему доверили паровоз и выдали удостоверение пилота-парителя, аттестат об окончании рабфака и два диплома: мастера спорта по вольной борьбе и легкой атлетике.

Не останавливаясь на достигнутом, он поступает заочно на физико-математический факультет Луганского пединститута.

Учительство его не привлекало. Ему просто нужны были новые и новые знания. Он хотел только летать. Однако в летную школу военных летчиков его не брали по возрасту. Не зная куда и на что расходовать свою неистощимую энергию, он решил жениться на той самой девушке, с которой учился в школе и с которой дружил с памятного кулачного боя. Но… когда родители назначили день свадьбы, его — о, радость! — вызвали в горком комсомола и предложили комсомольскую путевку в Гатчинскую летную школу.

Жених побледнел, потом покраснел. Переложил билет из руки в руку. Вздохнул и наконец широко открыл рот: «А-а… я сейчас не могу. Можно отложить выезд на неделю?»

— Не понимаю. Почему? — удивленно воззрился на своего подопечного секретарь горкома.

— Жениться решил. Свадьба готовится. Невеста подвенечное платье заказала. Батя уже барашка зарезал, — потерянно выдавил из себя молодой кандидат в члены общества подкаблучников.

— Вот как?! — театрально поднял брови секретарь. — Что тебе дороже? На крыльях летать или с женой на полатях тешиться? Выбирай: в доме синица или в небе птица?

— Обе нужны. Без жены — худо, без самолета — беда. Соединить и то и другое разве нельзя? — взял себя в руки Иван.

— Вот что, паря, — построжал секретарь. — Не дури. Свадьбу отложи. Мы разнарядкой не манкируем. Не можешь — путевку Боброву отдадим. Он комсомолец дисциплинированный.

Какое сердце надо иметь, чтобы выдержать такой удар без всяких признаков расстройства? Десять лет он бредил самолетами во сне и наяву, а теперь отказываться? Дудки! «Аня меня поймет. Два года — не срок, а рок жесток: второй раз журавля за хвост можно не поймать», — подумал романтик неба и спрятал документы в карман.

— Раз нельзя — еду. Давайте билет до Ленинграда.

В Гатчинской школе пилотов гражданской авиации он досрочно сдал все зачеты за первый год занятий в зимнюю сессию и перешел на второй курс. Вскоре инструкторы доверили ему штурвал биплана, а потом и допустили к экзаменам за полный курс обучения. Так что уже к осени, ровно через год, Иван возвратился домой с дипломом в кармане об успешном окончании авиашколы. На радостях родители устроили ему торжественный обед, на который пригласили полюбившуюся им Аннушку Бабенко с отцом, матерью, где и ударили по рукам — пусть поженятся молодые без свадебной суеты и церковного обряда.

В этот счастливый високосный год перед ним открылись наконец долгожданные двери Луганской военно-летной школы. Будущий авиатор помог суженой устроиться официанткой в столовую, чтобы и самому сытому быть, и Аню поддержать в условиях безработицы и голодухи.

Глава 5
На взлете

В Луганской школе военных пилотов Ваня почувствовал себя как рыба в воде. Кругом были все свои: друзья по планерному спорту, известные инструкторы-руководители школы, пришедшие из аэроклуба Осоавиахима, знакомые лица по ФЗУ, институту, городу. Все складывалось как нельзя лучше. Ничто не омрачало перспективу учиться лучше всех, летать выше, быстрее всех. И любовные страсти, думы о встречах, о поцелуях, о сладостных объятиях отошли на задний план: все было рядом, доступно и просто. Не нужно ломать голову как выкроить часок-другой для любви. Душа рвалась в необъятные просторы неба, а курсантский режим прочно удерживал его на земле своим низменным бытом, нудной отупляющей работой на задворках учебных корпусов и полигонов, если не мытьем полов, то чисткой картофеля. Угнетала, принижала его и пустая трата времени на повторение азов пилотирования и материальной части самолета. Он решил разорвать порочный круг уравниловки, может быть, необходимый для новичка, но не для поднаторевшего в авиации планериста.

Пошел к своему бывшему руководителю из аэроклуба. Не сильно, но четко постучал в дверь с табличкой: «В. А. Степанчёнок, зам. начальника школы по пилотажу». Не дожидаясь ответа, дернул дверь на себя и вытянулся по-струнке на пороге:

— Разрешите!

— А, Федоров! Заходи, — привстал из-за стола начальник. — Говорят, ты недоволен «Авро»? Так?

— Загвоздка, Василий Андреевич, не в «Китайском истребителе», будь он проклят. Дело в касторке. И даже в инструкторе. Кто-то небрежно летает, а мне потом эту гнусную касторку отмывать, — с ходу брякнул подтянутый учлет первое, что пришло на ум после неожиданного вопроса кадрового служаки.

— Сочувствую, но… ничем помочь не могу. Это участь всех только что зачисленных в школу, — благодушно развел руками командир с двумя «шпалами» в петлицах гимнастерки.

— Пусть отмывает масло тот, кто летает, — тупо твердил свое новичок со старыми замашками планериста, привыкшего ухаживать за своим собственноручно построенным планером.

— Ты прав. Я — за. Но англичане смотрят свысока на тех, кто не летает. Я им мозговые извилины не собираюсь выпрямлять.

Придется потерпеть. Зачем пришел без вызова? — повернул разговор в другую плоскость хозяин кабинета.

— Разрешите мне досрочно сдавать зачеты за первый курс. Я имею права гражданского пилота. Эти снобы с туманного Альбиона подходят ко мне с мерками для новичка. С нуля начинать — только время терять. Нельзя ли учиться как-то ускоренно?

— Я подумаю об этом, а пока изучай мотор «Гном-Рон»: пригодится. Свободен!

Через месяц Ивану разрешили досрочно сдавать зачеты практически по всем дисциплинам. Двухгодичную программу военлета он завершил в марте, но удостоверение ему не выдали по техническим причинам. Начальство не стало обременять себя хлопотами о досрочной экзаменовке отдельной личности и пообещало оформить документы об успешном окончании школы по завершении практики самолетовождения всей группой. А чтобы он от безделья не болтался по аэродрому, ему поручили занятия с курсантами по подготовке к полетам на «Авро». Такой поворот в учебе помог ему успешно закончить вечерний физико-математический факультет Луганского пединститута, ради знаний, разумеется, а не учительства.

После окончания программы военного летчика перед ним открылась радужная перспектива выйти в большое плавание по воздуху. А пока соглашается, на свою голову, воспитывать будущих пилотов, наивно считая свою задачу, как временную повинность. Ему совсем невдомек было, что начальство давно «положило глаз» на его незаурядные знания пилота, стараясь всеми правдами и неправдами закрепить его инструктором при авиаучилище, потому что английские специалисты, в отличие от немецких, не вписались в русскую специфику взаимоотношений и доставляли много хлопот как руководству школы, так и ее воспитанникам.

Первый год обучения и работы в качестве инструктора не принес столько огорчений, как начало второго, когда он понял, что его хотят во что бы то ни стало закрепостить при училище. Даже официантка Аня, переведенная на более престижную должность повара, намекала «не рыпаться»: в Луганске тепло и сытно. Однако Ване быстро наскучили ограниченные возможности «китайского истребителя» «Авро-504». Особенно удручал «чудо-двигатель» «Гном-Ронн», щедро разбрызгивающий по обшивке биплана касторовое масло.

Молодой инструктор перенял от церемонных англичан единственное правило, пришедшееся по душе без каких-либо оговорок: самолет должен быть безукоризненно чистым и

выглядеть как игрушечка. Тогда только можно его по-настоящему полюбить, а следовательно, и получить от него хорошие результаты. И потому он еще с большей яростью, чем англичане, заставлял курсантов отмывать на корпусе масляные пятна. Но выжать из тихоходной устаревшей модели, годной лишь для «натаски» начинающих пилотов, что-то новое для себя было невозможно. Фантазеру и мечтателю с недюжинными задатками новатора второй год показался нудным и бесперспективным. Мечта по новым, более совершенным машинам, недоступным для авиашколы, но по некоторым данным состоявшим на вооружении армии, толкала его на решительные поиски выхода из тупика.

Перед первым выпуском военлетов из Луганской авиашколы в родной город приехал Народный комиссар военных дел Ворошилов. Побывал он и на учебном полигоне. Весь личный состав, в том числе и первые выпускники, выстроились на летном поле. Впереди двух бипланов, выведенных на старт, застыла в летных комбинезонах и кожаных шлемах шеренга выпускников.

Ворошилов подъехал к взлетной полосе вместе с каким-то ладно скроенным летчиком в кожанке, с изящной планшеткой на бедре. Начальник школы доложил: «Товарищ Народный комиссар! Личный состав Луганской школы военных пилотов выстроен для показательных полетов выпускников истребительной авиации».

— Здравствуйте, товарищи курсанты! — повернулся лицом к строю нарком.

— Здравия желаем, товарищ народный комиссар! — не совсем дружно прозвучало в ответ из сотен крепких молодых глоток.

— Благодарю за службу в рядах доблестной Красной Армии!

— Ура-а-а! — пронеслось по шеренгам.

— Кормят вас хорошо? — не удовлетворился обычным поздравлением высокий гость. — Какую кашу ели сегодня?

— Кукурузу! Хорошо-о! — опять не в лад загудели курсанты.

— Что-то они у вас хромают на глотку, — досадливо бросил герой Гражданской войны в сторону начальника училища, застывшего каменным изваянием от ужаса разнобойного «ура». — Посмотрим, на что они способны там, — ткнул пальцем вверх дотошный комиссар. — Покажите мне самого хулиганистого выпускника. Кто больше всех имеет взысканий.

— Курсант Федоров! Выйти из строя! — рявкнул встрепенувшийся начальник.

Правофланговый из маленькой группы выпускников шагнул вперед, гордо выдохнул: «Я!» Ворошилов подошел ближе, с интересом уставился на высокого стройного учлета с затаенной

усмешкой в глазах, настороженно устремленных на всемогущего военачальника, одним росчерком пера превратившего захолустный аэроклуб во вторую по стране школу военных летчиков. Не верилось матерому служаке, чтобы такой красивый ладный летчик, стоящий правофланговым в строю, был самым недисциплинированным. «Что ж тогда ждать от остальных?» — грустно подумал народный комиссар и сердито начал распекать, как ему показалось, баловня школы, зачисленного по блату на государственное довольствие.

— Сколько имеешь взысканий? — построжало доброе лицо старого служаки.

— Не знаю, — сверкнул зрачками военлет.

— А сколько благодарностей в послужной карте?

— Не знаю, — смущаясь своим незнанием, вымолвил летчик.

— Ты что, неграмотный? Ну, сколько? Две, три? — показал на пальцах озадаченный «фельдмаршал» советской эпохи.

— Да, нет. Больше. Пальцев не хватит на руках, товарищ нарком, — овладев собой, смело ответил военлет.

Сбитый с толку нарком недовольно обернулся к начальнику школы: — Покажите мне самого дисциплинированного воспитанника.

— Курсант Шагало! Выйти из строя!

— Я, — выступил вперед валковатый круглолицый парень с бегающими глазками.

— Сколько взысканий имеешь?

— Нисколько, товарищ нарком! — бодро отрапортовал Шатило, прозванный однокашниками «шатуном» за медвежью походку и страсть к еде «про запас».

— А поощрений? — не унимался пытливый исследователь дисциплинарных показателей.

— Ни одного, — менее жизнерадостно доложил самый дисциплинированный воспитанник.

— Ты что, дубина стоеросовая, не летаешь? — не удержал своих грубых инспекторских эмоций бывший слесарь Луганского паровозостроительного завода, и шеренги застывших курсантов, жадно ловивших каждое слово наркома, качнулись от сдержанного хохота.

— Ну, дела! Ну, чудеса! Ни дать, ни взять — хоть святых выноси, — внезапно расслабился нарком. — Занятно. На что вы способны в воздухе? Валерий Павлович, — обратился нарком к рядом стоящему крепышу в кожаных доспехах. — Возьмите на карандаш все плюсы и минусы летной выучки этих… кукурузников. Давай, вира их, товарищ Горев.

И через какую-то минуту-другую прозвучала команда:

«Первое звено! По машинам!» Тройка выпускников с правого фланга оторвалась от строя и побежала к аэропланам. Старший инструктор по пилотажу и главный штурман авиашколы надели шлемофоны. Через некоторое время Василий Андреевич по радио дал приказ: «Третий! Мотор!»

Самолеты один за другим выруливали на взлетную полосу, Ворошилов обсуждал с начальником школы проблему пополнения самолетного парка более совершенными конструкциями учебных машин, изредка бросая взгляд на взлетающие приземляющиеся самолеты. Вскоре дошла очередь и до правофлангового, самого «недисциплинированного» летуна.

— Первый! Мотор! — услышал приготовившийся к полету Федоров и включил экспериментальный радиопередатчик, встроенный штурманом в кабину.

Нажав на стартер, запустил двигатель. Прибавив газу, резво выскочил на старт и остановился как вкопанный перед желтой линией разгона, плавно набирая обороты винта. Услышав от разводящего отрывистое «Пошел!», до отказа утопил педаль газа и рванул с места, как застоявшийся жеребец.

Ворошилов невольно оглянулся на трубно взревевший аппарат, хотел что-то сказать, но только махнул рукой, мысленно возвращаясь к прерванному разговору.

А «Первый» за эти секунды стремительно удалялся от стана наблюдателей и скучающих курсантов. Пробежав половину взлетной полосы, самолет круто взмыл в небо и на вираже плавно ушел в зенит. Перевернулся вверх колесами и сорвался в пике. У самой земли выпрямился горизонтально и промчался с бешеной скоростью так низко над головами начальства, что оно вынуждено было машинально схватиться руками за головные уборы, чтоб не унесло их вихрем вслед за бипланом.

Начальник училища, цепенея от страха, глянул в лицо наркома, пытаясь предугадать реакцию высокого гостя на дерзкий выпад выпускника из показательной программы, не предусматривающей элементы высшего пилотажа. Но Климент Ефремович не выказал никакого беспокойства, любуясь летчиком, улетающим на глубоком вираже снова в зенит. Человек в кожанке с восхищением показал большой палец штурману, и тот, сосредоточенный на чем-то своем, снял свои наушники и передал их, как многие уже догадались, доверенному лицу Ворошилова. Негласный представитель наркома военных дел легко и просто настроил опытный радиоприемник, удерживая его на руках. В наушниках четко прослушивался голос парящего в небе пилота:

Белокрылая чайка кружит надо мной.

Легкокрылая чайка, я помолвлен с тобой.
Не разлучит нас море поднебесных широт,
Если крылья в моторе обретает пилот.

— Прекрасно! Раз поет, значит, небом живет, — осветилось лицо авиатора, по всему видно, высокого класса. — А все же предупредите остальных: без выкрутас! — сменил улыбку на более серьезный настрой лица загадочный спец из околоправительственных кругов, передавая радиопередатчик в руки штурмана. — А то какой-нибудь дурак вздумает, чего доброго, снять с Климента Ефремовича наркомовский картуз.

Когда последний выпускник зарулил свой биплан на стоянку, раздалась команда: «Шко-о-ла! Смирно! Равнение на середину!»

Климент Ефремович подошел к участникам воздушного смотра:

— Товарищи курсанты! Я убедился, что специалисты школы делают из вас настоящих профессионалов воздушного мастерства. Некоторые из вас уже сегодня заслуживают высокого звания военного летчика, верного защитника воздушных рубежей советской республики. Упорно крепите дисциплину, изучайте ремесло пилота. Неустанно повышайте свой культурный и профессиональный уровень. Разгильдяям и неучам нет места в рядах сталинских соколов! Будьте бдительными и смелыми с врагами социалистической родины, с мировым империализмом! Да здравствует Всесоюзная коммунистическая партия большевиков! Слава Красной Армии и будущим летчикам непобедимой державы! Ура-а!

— Ура-а! — дружно подхватили луганские соколики боевой клич прославленного полководца страны.

— А теперь я хочу поставить вам в пример военлета, который на ваших глазах сделал мертвую петлю. Она указывает на большие задатки будущего мастера воздушного боя. Как зовут? — шагнул он к правофланговому.

— Иван Федоров, товарищ народный комиссар, — выступил вперед будущий мастер воздушного боя.

— Ну, как самолет? Можно летать?

— Летать — не хитрое дело, товарищ народный комиссар. А вот как сбивать врага — не знаю. Движок плохой, — тяжело вздохнул покрасневший юноша.

— Что так? Барахлит? Исправить надо.

— Да нет. Слабоватый. Ей бы мотор помощнее. Вот тогда бы…

— Кому ей? Бабе-Яге, что ли? — рассмеялся нарком с прямой

щеточкой усов под носом. — Откуда родом?

— Я местный, луганский, — совсем сник бравый автор мертвой петли, сраженный метким ворошиловским прозвищем старенького «Авро». Настоящая Баба-Яга, брызгающая касторкой.

— О, земляк, значит! Поздравляю! От имени народного комиссариата выношу благодарность за мастерство пилотажа! — взял под козырек попечитель луганских крылышек. — Стать в строй!

Вот она, высшая награда! Всю жизнь потом будет Иван Федоров благодарить судьбу за эту встречу, помнить каждое движение души при разговоре с добрым, и по-своему мудрым человеком с простоватой манерой общения.

Глава 6
Яблоки раздора

Летом, когда второкурсников распределили по строительным бригадам, возводившим ангары, а вновь прибывших поставили на подмостки строящегося учебного корпуса по принципу: хочешь учиться — построй себе класс для занятий, официально состоялся первый выпуск военных пилотов. Но направление в строевую часть получило только семеро выпускников. Остальных, наиболее способных, задержали до особого распоряжения. Каждому из них предложили должность при училище. Некоторые дали согласие на прохождение военной службы при школе в качестве инструктора или заведующего ангаром. Иван всей душой рвался в строевую часть. По слухам, да и по словам Чкалова, с которым он познакомился во время появления Ворошилова в школе, авиаподразделения получают более совершенные машины, чем «каракатица» «Авро». Из нее он выжал все, что можно. Хотелось новых впечатлений, новых побед в небе.

На вечере по случаю первого выпуска и начала нового учебного года, в присутствии всех инструкторов, преподавателей, родителей, представителей городской власти, Федоров, получая из рук начальника училища свидетельство военного пилота с отличием и денежную премию от наркомата военных дел, заверил присутствующих, что будет дорожить честью советского летчика, честью комсомольца, непрерывно повышать мастерство военного пилота, зорко охранять воздушное пространство отчизны от недругов.

Ему бурно аплодировали. Особенно первокурсники с последних рядов. А растроганный председатель собрания, милейший Степанчёнок взял его нежно под локоть и, как невесту, усадил за стол почетного президиума.

К ужину курсантам выдали к чаю вместо сахара по порции конфет и по яблоку. Угощение по рядам разносила сияющая от успеха мужа принаряженная Аня. Ее тонкая, гибкая фигурка скользила между столами и скамейками, приковывая взгляды здоровых, полных энергии и страсти новобранцев.

Один из них, сухой и длинный, с подчеркнуто откинутой головой, прозванный немцами-инструкторами, под присмотром которых он работал на строительстве спортивного зала, Паулем, а первокурсники — Павой, хищно погладил ее по спине, когда она наклонилась.

Аня выпрямилась, ожгла взглядом нахала и молча

продолжила свое дело. «Ух, какие жгучие глаза!» — услышала она краем уха, продвигаясь дальше по рядам.

— Карош Маша, а… никс ваша, — заметил инструктор.

— Говорят, она втюрилась в Ивана! Ну, того, что выступал на трибуне, — провякал паренек, сидевший напротив нахалюги, перекатывая карамельку во рту.

— Что мне твой Иван! — взорвался самоуверенный новичок. — Я Паша Днепровский! Меня вся тамошняя шпана знает. Не таких девок обламывал. Поспорим, что она не станет брыкаться, когда я ее приласкаю!

— Не ерепенься, Пава. Ивана тоже знают. И не только в Луганске, — подал голос сосед по столу. — Ты знаешь, какие он фартовые наколки набрасывает?

— Ша, братцы, идет! Словно лебедь плывет… — полушепотом сообщил еще один претендент на девичью красу.

Павел угловым зрением определил момент встречи и, когда девушке оставалось сделать два шага, чтоб проскочить мимо почему-то притихшего стола, кумир днепропетровской шпаны откинулся на спину и, как шлагбаум, преградил ей дорогу, удерживая длинное тело носками ботинок, зацепившись ими за перекладину стола. Аня уперлась коленками в грудь шутника и бросила взгляд вниз, силясь найти выход из щекотливого положения. Но импровизатор любовного выпада охватил руками голые коленки смутившейся девушки и одновременно ухитрился пальцами нырнуть под юбку, коснувшись бедер, отчего дивчина завизжала как резаный поросенок. Ее сопрано заглушил баритон растянувшегося у ног певца, затянувшего на цыганский манер:

«Как люблю я вас, в этот грозный час!»

Не представляя, как выпутаться из неприятного положения, Аня непроизвольно со всего маху трахнула деревянным подносом по стриженой голове обидчика. Днепропетровец ужом взвился из-за стола и ринулся с кулаками за Аней: «Ах, курва! Я тебе… Вот зараза!»

В другом конце огромной столовой вскочил, как ужаленный, Иван и рванулся на помощь жене. Весь зал всполошился растревоженным муравейником и мигом разделился на два враждебных лагеря. Днепропетровцы удерживали своего лидера, рвущегося за убежавшей раздатчицей, а луганские уцепились за возбужденного героя. За теми и другими уже толпились соратники яблочного разбора и защитники поруганной чести.

Появившийся из малого командирского зала Степанчёнок выхватил пистолет и взлетел на стол. «Стоять! Ни с места: стрелять буду!» — заорал он на весь зал, перекрывая шум. Убедившись, что слова его не возымели достаточного действия,

выстрелил в потолок. «Всем по местам!» — последовала уже более спокойная команда, сопровождаемая отмашкой пистолетом. На ходу разобравшись в причинах потасовки, во всеуслышание приказал: «После ужина Федорову и Тарасову явиться в кабинет комиссара школы».

Когда два главных, набычившихся участника ссоры замаячили перед дверью комиссара, из кабинета вышла заплаканная Аня.

Иван метнулся к ней, стремясь узнать причину слез. Но молодая жена лишь махнула рукой: «Потом», — и заспешила к выходу.

В тесный кабинет, набитый инструкторами и руководителями групп, вызывали по одному. Ивану задали всего один вопрос, уточняющий ситуацию, и отпустили, посоветовав не разжигать конфликт.

Тарасова допрашивали более пристрастно и основательно, но из него ничего не удалось выжать, кроме честного признания:

— Я не знал, что она замужем.

На самый интимный вопрос «Как ты мог запустить руку под юбку?» Павел по-детски угрюмо огрызнулся:

— Не знаю. Она сама туда скользнула.

На другой день начальник училища пригласил в кабинет весь инструкторско-командирский состав. После короткого доклада комиссара и выступлений непосредственных очевидцев инцидента решили пересмотреть списки курсантов нового набора и равномерно распределить по взводам и ротам «луганцев» и «днепровцев», чтобы затруднить возможность объединяться «патриотам» по земляческому признаку. «А то им ненароком вздурится пойти друг на друга стенкой», — подытожил начальник.

Глава 7
Дуэль

Дело о возникшем в столовой происшествии еще не закрыли, а оно уже получило новое развитие. Иван, восстановив полную картину происшедшего, возмутился наглостью новобранца и запиской через «Бобра» вызвал Тарасова на дуэль.

Володька Бобров, как и Ваня, по вечерам занимался фехтованием в спортивном зале училища, куда заглядывал и Тарасов, примериваясь к снарядам.

«Бобер», увлеченный идеей рыцарского поединка, незаметно подстерег Павла и молча вручил ему вчетверо сложенную бумажку, исписанную красивым каллиграфическим почерком оскорбленного: «Как рыцарь женского пола и покровитель публично униженной подруги жизни, вызываю Вас на дуэль во имя чести и достоинства настоящего мужа и пилота отважной авиации РККА. Согласен на любой достойный Вас вид оружия и клянусь держать в тайне исход поединка до конца дней своих. Федоров».

Павел оторвался от прочитанного, внимательно взглянул в серьезные глаза однокурсника, с которым вместе таскали цемент и кирпичи на строительстве этого спортивного зала. Медленно сложил записку, кивнул головой: «Вызов принимаю».

— Клянись, что сохранишь в тайне это… в общем — всё, — запнулся поверенный «рыцаря женского пола».

— Клянусь, — твердо отрезал напарник по стройгруппе.

— Выбирай секунданта и посылай ко мне, — озираясь по сторонам, прошептал Бобер. — Я буду после ужина возле турника.

Прошло около часа с начала работы спортивных секций, и Бобер забеспокоился: состоится ли условное свидание. К концу занятий в сектор гимнастических снарядов зашел высокий улыбчивый парень. Присев на корточки, тихонько спросил у прыщавого курсантика, колдующего над борцовским ковриком, упорно не желающим складываться концами «тютелька в тютельку»:

— Кто здесь Бобер?

Прыщавый взглянул на запоздавшего посетителя зала и молча показал на края коврика. Сложив подстилку вдвое и скатав в рулон, оба еще раз взглянули друг на друга и без слов отнесли коврик в угол. Поманив пальчиком покладистого помощника, Прыщавый пошел в другой конец зала, где располагались две

большие открытые ниши и кладовая мелкого спортивного инвентаря. Последние спортсмены, застегиваясь на ходу, покидали пропахшие свежей краской и потом раздевалки. Около одной из ниш копался крупный атлетического телосложения курсант.

— Володя! — окликнул Прыщавый. — К тебе, — и ушел восвояси.

— Жора, — протянул руку гость.

— Владимир, — пожал пальцы Бобров.

— Я от Павлина, от Тараса. Врубился?

— Очень приятно слышать, — осклабился Бобров. — Пистолеты можешь достать?

— Откуда у бедного курсанта «пушка»? — слегка вытянулось улыбчивое лицо щеголеватого Жоры.

— А ножи или что-нибудь в этом роде? — заговорщицки продолжал выяснять позицию соперника посредник оскорбленной стороны.

— Да ему все равно. А меня от этого увольте, — полностью убрал ухмылку с лица франтоватый свидетель скандальной истории. Я человек тут новый. Ничего не знаю. Вы — местные, вам и карты в руки.

— Лады. Собираемся сегодня, сразу после отбоя у глухой стены котельной, где дырка в заборе. Уходи, не красуйся на глазах у физрука.

Тарасов и Жора Костылев подошли к дыре с опозданием. С наружной стороны забора тихо переговаривались двое: «Рапиры завернешь в бумагу и пронесешь утром в учебный корпус, а оттуда уже в спортзал. Понял?» — низким баритоном натаскивал Ваня своего дружка по аэроклубу.

— Ау, соколики, — подал голос Жора, раздвигая доски.

Вчетвером молча отошли подальше от запретной зоны. Остановились на ровной площадке между проселочной дорогой и пологим скатом к речушке. Секунданты долго шептались о чем-то. Потом подошли к Тарасову, стоящему на отшибе ближе к речной пойме.

— Что Вы желаете сообщить своему противнику перед боем? — официально, без шуток и тени иронии произнес заготовленную фразу Бобер.

— Я уже говорил и сейчас скажу: я не знал, что она замужем. Против Федорова ничего не имею. Готов извиниться где угодно. К чему ломать комедию?

— Когда рукопожатье рук так много значит для двоих? — продекламировал чьи-то стихи секундант, воодушевленный предстоящим боем. — Однако… принято. Честь имею, — слегка

кивнул головой, разворачиваясь на сто восемьдесят градусов режиссер драки.

Иван стоял спиной к секундантам и потому выслушал предложение противной стороны, не шелохнувшись, гордо и надменно.

Ответом противника весьма польщен, но не удовлетворен, — заговорил дуэлянт, не утруждая себя повернуться лицом к посредникам. — Слово «курва» можно смыть только кровью. Честь имею.

Сраженный наповал неприступностью противной стороны, Жора не стал убеждать, как намеривался, прекратить «комедию» и разойтись друзьями. Брошенное на весь зал оскорбление заглушить шуткой невозможно. Тем более — келейно, ночью, когда лицом к лицу лицо не распознать. «Жаль, конечно, — подумал он. — Тарас за сутки изменился, почернел. Хоть и не до конца, наверное. Не легко, очевидно, наступать на горло «собственной песне». Трудно избавляться от укоренившейся с детства разнузданной свободы, а надо. Иначе летчиком не станешь».

— А-а, делайте, как знаете, — махнул он рукой. — Лишь бы честно. Без подвоха.

Бобров палкой прочертил две линии на расстоянии пяти метров друг от друга.

— Это поле чести. Поле брани, — пояснил знаток рыцарской романтики. — Секунданты будут стоять каждый у своей черты. Право первому нападать дается тому, кому брошена перчатка. Противник обороняется тупой рапирой. Через три минуты дуэлянты меняются оружием. По истечении второй трехминутки, при ничейном результате колпачок с острия шпаги снимается и друзья… пардон, противники дерутся до первой крови. Отступление за свою черту считается позорным бегством. Ясно? К барьеру!

Ваня отражал медвежьи выпады Павлина без труда. Сказывался навык перворазрядника по фехтованию. Поменявшись рапирами, он на первой же минуте уколол обидчика в руку выше локтя. Кровь и боль насторожила обороняющегося, но нападающий отказался от поражающих ударов, довольствуясь только устрашающими обманными движениями.

По окончании боя Ваня отбросил рапиру в сторону и протянул руку для примирения. Тарас угрюмо буркнул: «Прости". Пожимая прямую бесчувственную ладонь победителя, добавил: «Надеюсь, теперь квиты».

— Забудь. И больше в чужой монастырь со своими дурацкими шутками не суйся, — подытожил исход схватки главный

постановщик поединка вездесущий Бобер.

Однако как ни старались участники дуэли сохранить в тайне ночное происшествие, отзвуки происшедшего быстро достигли ушей большого начальства, благодаря оплошности сподвижника преуспевающего военлета. Бобер споткнулся на ровном месте, как раз на проходной. Концы рапир проткнули бумагу и выдали хозяина секретной поклажи с головой. И, хотя запнувшись, тот быстро выкрутился, мол, рапиры они брали для тренировок, дотошный начальник караула Елдыкин проверил подозрительные объяснения и доложил по инстанции.

Используя свой выросший за последнее время авторитет, Иван пытался тихо, не поднимая шума, замять это дельце на корню. Но застрявший на мелких административно-командных должностях Елдыкин отказался порвать рапорт и таким образом похоронить в караульном помещении выявленное воровство. Дело о краже рапир моментально обросло домыслами и в конце концов снежным комом докатилось до комиссара, изрядно напугав блюстителя порядка. Если вопрос о сроке пребывания Тарасова в стенах училища был предрешен на второй день после инцидента в столовой, то теперь вопрос об исключении из школы коснулся всех причастных к ночному поединку.

Начальство школы понимало, что наказывать пилота, обласканного самим Ворошиловым, по меньшей мере — неудобно, а то и чревато опасными последствиями прежде всего для руководства училища. Чтобы не навредить общему делу и себе, естественно, решено было удовлетворить неоднократную просьбу талантливого пилота и направить его для дальнейшего прохождения службы в строевую часть. Удерживание способного ученика и растущего летчика на какой бы то ни было должности в школе теряло, таким образом, всякий смысл. В то же время приказ откомандировать провинившегося инструктора в распоряжение штаба военного округа выглядел для всего личного состава как строгое дисциплинарное наказание. Курсантам же было совсем невдомек, что отчисление из школы «героя поединка» открывало ему новые горизонты пилотирования на современнейших самолетах, поставляемых в действующую армию.

Жора заслушал приказ об отчислении перед общим строем курсантов с неизменной ухмылкой на лице. Но при посадке на поезд не выдержал свою «фирменную» позу. На приглашение сопровождающих приезжать для поступления в училище на следующий год, буркнул, чуть не плача, обидную фразу: «Обойдусь без вашей задрипанной школы».

Тарас, скрывая оскорбленное чувство незаслуженного

наказания, на прощанье заявил приунывшим товарищам: «Не горюйте. Ждите меня через год. Привет начальству».

Импульсивный Бобров, услышав свою фамилию в числе последних, приговоренных к изгнанию из школы, ставшей почти родным домом, не сдержал своих эмоций: «Вот гады! Все равно я буду здесь учиться на зло перестраховщикам!»

Глава 8
Всё выше, и выше, и выше

Штаб Киевского военного округа направил Ивана Федорова в запасной полк авиабригады, где проверялись боевые машины, поступающие на вооружение армии. Вначале ему доверили «Фокер-Д7» германского производства. Уже при первых его полетах командир полка Ментузов отметил уверенность, с какой Иван управлялся с тяжеловесной машиной, поверил в его мастерство и не побоялся назначить летчика командиром звена. А вскоре досрочно представил к очередному званию. Ободренный продвижением по службе, Иван все свободное время (благо, что Аня оставалась в Луганске) посвятил физкультуре. С удовольствием занялся мотоциклетным спортом и уже через несколько месяцев продемонстрировал свое искусство на первомайском параде в Киеве — прокатил по Крещатику мимо правительственной трибуны «живую» спортивную пирамиду в виде пятиконечной звезды из ребят, затянутых в золотистые сверкающие ткани.

Командующий округом удивился тому, что за рулем сидел летчик, тут же отдал распоряжение комбригу Гуздееву закрепить трехколесный «Пежо» за умелым водителем. За такой короткий срок никто из летчиков бригады не заслуживал столь необычного внимания от высокого начальства.

К осени Федоров полностью освоил истребитель И-15, прозванный им «тупорылым», о котором вдохновенно пел в небе Луганска во время приезда туда Ворошилова. Тогда он узнал об этом самолете от Чкалова. Теперь, после серии полетов, он не считал его верхом совершенства. За несколько дней полетов он выжал из него все, что мог дать мотор, но полного удовлетворения не получил. На истребитель И-16 он пересел уже в качестве командира звена. Маленький выносливый «ишачок» очень пришелся по душе. Но что-то мешало ему достигнуть той виртуозности и легкости, при которых душа поет, а сердце бьется в упоении. И тогда он снял бронированные плиты, прикрывающие пилота сзади и с боков от вражеских пуль и снарядов. Машина сразу обрела воздушную невесомость и послушность руля. На ней он выделывал такие коленца, какие даже опытным летунам не снились.

Слухи о его акробатических номерах в воздухе дошли до ушей самого Поликарпова, генерального конструктора истребительной авиации. Ивану предложили внести в

конструкцию свои рационализаторские предложения. Так началась его карьера внештатного летчика-испытателя.

Чтобы досконально изучить все недостатки и возможности самолета при выполнении фигур высшего пилотажа, Федоров поочередно снимал и вновь устанавливал тяжелые плиты, пока не добился ясности для своих выводов по улучшению полетной характеристики истребителя.

— От легкого к тяжелому, от простого к сложному — вот путь познания всякой вещи, — менторским тоном наставлял молодых пилотов мастер воздушной акробатики.

Его работа по испытанию самолетов в полевых условиях получила признание у ведущего конструктора страны Поликарпова. А однажды командир вызвал вечером:

— Готовься! Есть информация, что пригласят на парад в Тушино. Глядишь, перед Самим будешь показывать и пике, и бочку, и петли!

— Ого-о! — обрадовался Иван. — Кажется, дело пошло!

И правда, после парада в Тушино ему доверили показательный полет над Красной площадью в Москве.

Как-то раз, во время осенних маневров войск двух соседних военных округов, Федорову поручили доставить срочное донесение на наблюдательный пункт командующего армиями, где находился Клим Ворошилов. Ориентир: две скирды соломы на краю оврага. Он посадил связной самолет У-2 между скирдами. Вылез чистеньким, подтянутым и доложил как положено: кратко, внятно.

Ворошилов узнал земляка и, чтобы как-то скрасить время в ожидании приглашенных командиров, с напускной суровостью набросился на элегантного связного:

— А это что у тебя в карманчике?

Со смешанным чувством удивления и страха Иван взглянул на верхний нагрудный карман куртки: — Ручка.

— Кому она больше подходит? Народному комиссару или боевому летчику?

— Народному комиссару, — подавленно ответил Ваня, готовясь к худшему. Жаль было выбрасывать самодельную ручку.

— Так вот, спрячь эту оглоблю за голенище. Там ей место. Ты же — не штабной писарь.

— Так точно! Есть спрятать, товарищ народный комиссар! — облегченно выпалил повеселевший владелец штабного орудия, засовывая металлическую ручку за голенище.

Между тем прибытие вызванных на совещание командиров задерживалось. Погода стояла отвратительная. Моросил дождик. Нарком нервничал, не зная, на ком сорвать злость.

Командир корпуса Демидов, верный своим барским замашкам, выехал к месту сбора на белоснежной «Эмке». Но машина завязла в грязи на промокшем поле в нескольких километрах от командного пункта. Кругом — ни души. Пришлось пассажирам, выбиваясь из сил, толкать автомобиль, пока машина окончательно не загрузла в вязком черноземе колхозного поля. А время клонилось к вечеру. С наблюдательной вышки в бинокль еле угадывались силуэты людей на краю лесочка. Командующий войсками «синих» предложил послать в разведку самолет. Иван резонно заметил, что на самолете вряд ли можно взлететь по намокшей земле, а тем более оказать помощь пострадавшим.

— Давайте я слетаю на мотоцикле, — заявил летчик.

Командующий выразительно посмотрел на Климента Ефремовича: «Откуда, мол, и что это за летчик такой, летающий на мотоцикле?»

Ворошилов неопределенно пожал плечами. Обронил: — Пусть летит.

Иван вскочил на штабной мотоцикл, раза два газанул для порядка на месте, круто развернулся и поколесил, выбирая твердые прогалины в поле, к темнеющему лесочку.

Через полчаса к наблюдательной вышке подкатил чистенький, несмотря на царившую вокруг слякоть и грязь, мотоцикл с командиром корпуса, заляпанным с головы до ног глиной. Лицо наркома исказилось гримасой:

— Что это за командиры, по уши замызганные глиной? На кого вы похожи? Вам не на машине ездить, а на колхозной колымаге! Посмотрите на этого мотоциклиста. Хоть сейчас на парад! Отдайте ему машину, а сами ходите пешком. Чище будете.

— Он летчик, а не мотоциклист, — взял на себя смелость напомнить наркому — кто есть кто — адъютант.

— А комкор что? Не летчик? Хвосты заносит самолетам? Позор! — выкрикнул вошедший в раж главнокомандующий и повернулся к окаменевшему командарму. — Приступим к совещанию пока… без доблестной авиации. Пусть хоть умоется, бедолага, — сменил гнев на милость хозяин тактических учений.

Позднее, когда маневры закончились, Демидов вызвал Федорова к себе:

— Принимай машину. Проследи, чтобы все было «на большой».

— А куда мне ее, товарищ комкор? Пусть остается у вас. Авось обойдется. Мало ли что может сказать человек сгоряча, — сделал попытку отказаться от автомобиля обескураженный летун.

— Нельзя! Слово такого человека для меня — закон, — уперся командир корпуса. — Впрочем, пока документально не

подтвердим, пусть будет по-вашему, — согласился командир. — В любой момент можете пользоваться машиной без стеснений. Стоит только предупредить заранее адъютанта.

На том и расстались. По-доброму, по-мирному. Как и подобает высокому начальству с еще выше обласканным подчиненным. Но за все метеором пролетевшие зимние месяцы бедному командиру звена так и не выпал удобный момент воспользоваться богатым подарком судьбы. И лишь весной, когда его назначили командиром запасной эскадрильи новых экспериментальных истребителей И-153, он отважился обратиться к командиру полка с просьбой съездить на родину и забрать к себе Аню, изнывающую от разлуки.

Весна и теплые солнечные лучи надоумили его обрадовать родных и близких своим появлением не на самолете, а на персональном авто. Правда, фактически принадлежащем другой персоне. Хотя формально, по выправленным в конце концов бумагам, светлая «Эмка» благородных кровей считалась теперь собственностью преуспевающего летчика простой породы.

Комкор Демидов, наследник железоделательных заводов на Урале, искренне увлекался авиацией, благоволил талантливым летчикам и с уважением относился к Ивану. Для пилота, спящего и видящего во сне небо, жаждущего подняться к звездам, открылись, благодаря двойному покровительству, новые границы воздушного океана, зовущие к новым победам, к новым высотам счастья прижизненной славы.

Глава 9
На белом коне

В двадцать два года Федоров получает под командование группу современных истребителей и право на обкатку новейших самолетов, поступающих в бригаду. Летчики под его началом накапливают опыт ведения воздушного боя, приобретают навыки мастера высшего пилотажа. Вместе с ними совершенствуется и их молодой командир, приближаясь по уровню летной подготовки к таким выдающимся асам воздухоплавания, как Степанчёнок, Чкалов, Громов, с которыми он сблизился во время подготовки в воздушным парадам и перед которыми преклонялся, как ученик, старающийся превзойти своих учителей.

Любимое дело принесло ему почести, улучшение бытовых условий, приватные знакомства и продвижение по службе. Наряду с этим у него появилось немало тайных завистников (менее квалифицированных, а то и вовсе бездарных авиаторов), эксплуатирующих небо в качестве катапульты для перелета в персональный автомобиль, а не оттачивания летательных знаний и навыков.

Демидовская «Эмка» не давала покоя сослуживцу Ивана, старшему механику Елдыкину, сумевшему прыгнуть из Луганской школы пилотов на теплое место заведующего ремонтными мастерскими. Полебезил перед комиссией по вакансиями и… пожалуйста!

Бывший начальник караульного поста, что доложил о рапирах, подошел и дружески поздоровался с владельцем легковушки, выгнанной из служебного гаража командира корпуса.

— Поздравляю с подарунком Клима. Теперь ты — кум королю бригады и сват министру. Забудь, что было между нами, желторотыми птенцами Аэро. Нам вместе теперь по земле блукать в поисках жар-птицы. Не так ли?

— А я давно забыл, — усаживаясь в кресло водителя, уклонился от пустого разговора Иван. — Только не надо по земле блукать. Лучше летать над ней, аки птица! — радостно воскликнул Иван, прогазовывая двигатель.

— Во дает! — восторженно рявкнул неслышно подступивший к механику личный шофер комкора Байстрюк. — Отчаянный парень и не чванливый. С «Эмочкой» обращается, как с невестой, а пожениться все не хотел. Комкор говорит: «Давай, запрягай свою кобылку. Не стесняйся». Вот он и решил, наконец, обротать

ее сегодня по всем правилам донского казака.

— Какой он казак?! — скривился механик. — Голодранец луганского слесаря.

Сделав несколько кругов по двору, Иван осадил «кобылку» рядом с технарями, вылез из машины:

— Пойду за маршрутным листом. Заправьте ее на всю катушку и запасной бак.

— Гхм, везет же некоторым, — хмыкнул Елдыкин.

Кабинет комкора выглядел необычно, благодаря великолепному ковру, покрывающему почти весь пол. И хотя ковер был изрядно потерт, все равно он производил на входящего впечатление. Среди пилотов и армейских чинов, ступавших по этому ковру, ходили анекдоты и легенды о трех достопримечательностях убранства кабинета. Они кочевали вместе с хозяином по городам и весям, какие бы новые должности тот ни занимал. Персидский ковер, дубовый стол и ренессансное кресло екатерининских времен стали символом богатства, прочности и постоянства военачальника новой эпохи возрождения первобытно-общинного строя на новом витке развития общественно-экономического уклада жизни в пределах отдельно взятой страны.

Побывав в кабинете Демидова, Иван воочию убедился в многогранности выражения «побывать на ковре», которое было для него загадочным. Оказывается, приглашение «на ковер» может быть и сказочным подарком, а не только выволочкой. Он окончательно поверил в доброту и бескорыстие легендарного заводчика, когда тот наложил сверх ожиданий шикарную резолюцию на рапорт: «Выписать марш. лист до Луганска и обратно на 5 суток».

Как тут не заорать на всю округу, потрясая листом:

— Байстрюк, на выход! Конь в моих руках!

Ах, молодость! Алмазная россыпь утренней росы и запах распустившейся розы! Трудная и дальняя дорога к любимой, как бы ни была усыпана шипами, все равно прекрасна и неповторима, как полет серебристой чайки в синем небе. Только белокрылая «Эмка» может состязаться с ней в скорости и звонкости мотора.

В Луганске он побывал в стенах родного училища, встретился с любимыми преподавателями. Выполняя наказ комкора, составил список лучших учлетов предстоящего выпуска и приложил его к демидовскому неофициальному письму на имя начальника летной школы. Но самой приятной и волнующей встречей, само собой разумеется, без учета свидания с Аней и отцом, была встреча с товарищами. Пострадавшие из-за него Бобер и Тарас все-таки добились зачисления в школу в результате

повторного захода. Друзья отметили приезд бывшего сокурсника в кафе на берегу Лугани. Естественно, за счет «выбившегося в люди» земляка Ивана. Вспомнили вспыльчивого Жору «Костыля» и под горячую руку воспоминаний «накостыляли» по шее разгулявшимся хулиганам местного розлива, осмелившимся беспардонно обратиться к Ане, разрумянившейся от рюмки вина.

Глава 10
Казус на площади

По возвращении из отпуска в благоухающую цветами Винницу, молодой командир эскадрильи получил однокомнатную квартирку и помог Ане устроиться на первых порах подсобной рабочей на продовольственный склад бригады, расположенный недалеко от аэродрома.

Пользуясь правами хозяина подсобного аэродрома и благожелательным расположением самого «Демида», Иван в часы затишья по выходным дням стал обучать проворную Аню самолетовождению на простеньком, легком в управлении У-2. Жена, давно мечтавшая самостоятельно летать, запросто усвоила основы аэронавтики и к концу лета уже «рулила» бипланом не только на земле, но и в воздухе. Правда, с любимым учителем за спиной.

Вскоре она проявила себя и заядлой спортсменкой, войдя в группу акробатов при городском цирке, с удовольствием принимала участие в акробатических номерах на праздниках физкультуры и спорта.

Как испытатель серийных самолетов в полевых условиях и мастер пилотажа Иван прочно вошел в команду летчиков, принимавших участие в воздушных парадах в Москве. А уже через Ваню и Аня познакомилась с московской элитой спортсменов, отбираемых для показательных выступлений на Красной площади.

В год легендарного перелета тройки отважных летчиков Громова, Байдукова и Белякова из Москвы в Америку через Северный полюс, Аня горделиво проехала на мотоцикле мимо правительственной трибуны на Мавзолее в составе физкультурной пирамиды.

Уже на выезде с площади, перед собором Василия Блаженного, когда все расслабились, предвкушая радость удачного завершения номера гимнасток «на колесах», водитель мотоцикла засмотрелся на цветные воздушные шары с портретами членов Политбюро и сбился в сторону от предполагаемого маршрута. Вместо поворота направо, в сторону Пугачевского спуска, мотоцикл продолжал двигаться прямо, опасно сближаясь с колоритной колонной транспарантов, плывущих на искусно закамуфлированных колесах.

Чкалов, входивший в организационный комитет по проведению Первомайского парада и стоявший на выходе с

площади, крикнул в рупор: — Ванька! Куда прешь, дурак! Смотри в оба, разиня! Вправо держи, вправо!

От неожиданности тот резко крутанул руль вправо, коляска чуть вильнула, и пирамида рухнула вниз, завалив мотоцикл. Поток демонстрантов продолжал движение как ни в чем не бывало, огибая место падения.

Высвободив ноги из-под колеса, водила кинулся разбирать клубок пострадавших физкультурниц, изрыгающих вопли и стоны. Аня лежала на брусчатке, разбросав руки в сторону, без каких-либо признаков жизни. Из тесных рядов зевак, оцепленных милицейским нарядом, принесли воды. Щедро окатили из кружки пунцовые ланиты и мертвенно-бледные губы. Аня открыла глаза и увидела низко склонившееся над ней лицо мужа:

— Ты жив? — пролепетала она и снова потеряла сознание.

Кое-как оправившись от аварии, заслуженная гимнастка написала Климу Ворошилову длинное сумбурное письмо, пропитанное сухими слезами. В нем она с чистосердечием женской логики пожаловалась на весь белый свет, который сошелся для нее клином на помятом мотоцикле: «Дорогой Климент Ефремович! Спасите моего мужа. Отберите у него проклятый мотоцикл, который чуть не сломал жизнь замечательного летчика и целой группы преданных Вам и Партии гимнасток. Он разбился, мотоцикл угробил. Запретите ему кататься, участвовать в параде. Я прошу, умоляю Вас, пусть не позорит он на этом легковом ИЖЕ славное имя вождя. Сделайте что-нибудь. Он совсем не годится для показательных выступлений. Помогите сохранить молодую семью, жизнь патриота и воспитанника Ленинского комсомола. К сему: верная комсомолка и безмерно благодарная Вам жена Федорова Аня, участница аварии».

Письмо по слаборазвитой бюрократической системе быстро дошло до наркома обороны и, то ли он не понял смысла послания, то ли ему невнятно доложили о содержании письма, но уже буквально через неделю Ворошилов подарил своему земляку тяжелый импортный мотоцикл «Нортон».

Вот уж действительно: неисповедимы пути Господни и судьбы человеческие полны превратности. Но… не все плохо кончается, как начинается.

Ворошилов многих любил. Бескорыстно, всем сердцем. Как любят ребенка, море, машину, цветы, красивую лошадь. И красивую женщину. Венеру Милосскую, например. И Ворошилова любили многие. Очень многие. Иные ж ненавидели его за то, что не помог, не дал, не заметил, не оценил, как хотелось бы. Ивана он заметил, оценил по заслугам. Хвалил для пользы дела и

бранил по большому счету. По мелочам прощал.

Глава 11
Сталинские соколы

1937 год для двадцатитрехлетнего командира эскадрильи стал судьбоносным. И прежде всего потому, что Валерий Чкалов, которому восторженный летчик во всем подражал, близко познакомил Ваню с Михаилом Громовым.

Не считая нужным подавать руку каждой встречной-поперечной мелюзге, громила графского происхождения высокомерно протянул представленному неизвестному летчику два пальца. Мол, будь доволен малым.

Недолго раздумывая, Иван принял этот жест за шутку. Сияя от счастья лицезреть знаменитого рекордсмена по дальности полета, он с размаха, тоже двумя пальцами, зацепил длань героя перелета через Северный полюс и коротко, по-деловому пожал.

Громов вопросительно поднял левую бровь: откуда, мол, и что это за птица, осмелившаяся подавать ему два пальца на равных?

— Он что, из нашей когорты? — оживились темные глаза Грома.

— Из последователей, Михаил Михайлович, из последователей, — благодушно расплылся в улыбке знаменитый разработчик фигур высшего пилотажа.

— А-а, значит под твоим мостом побывал. Смотри, разобьют они твой мост. Будет тебе морока с нашими опекунами из эНКэВэДэ. Не посылай своих протеже под мост. Лучше ориентируй на стрельбу без промаха.

— Да я их не посылаю. Они сами лезут под него, дураки. Хотят преодолеть свой страх. Превзойти самих себя. Разве их сразу поймешь? — мельком взглянул на своего подопечного неисправимый хулиган пятого океана. Явно изучал реакцию потенциального преемника: место летчика-испытателя при заводе манило многих. Но многим ли было под силу?

Предстоял воздушный парад над Красной площадью по случаю Международного дня трудящихся, и Валерий Павлович подбирал эскорт мощному 4-моторному самолету. Печальная история с демонстрацией самого большого в мире восьмимоторного аэроплана «Максим Горький» заставила руководство ВВС страны более тщательно подходить к подбору пилотов представительской техники. Поэтому сопровождать тяжелый бомбардировщик на этот раз отобрали дюжину опытных летчиков-истребителей. Ивана поставили слева от крыла бомбера.

Еще левее — Анатолий Серов.

Михаил Якушин и Павел Рычагов должны были лететь справа. Замыкал правильный треугольник Иван Лакеев.

Несмотря на хмурое небо, Красная площадь, как всегда а праздник, кишела народом. Ожидалась не только демонстрация трудящихся, но и военной мощи.

Играл сводный духовой оркестр наркомата обороны и Московского гарнизона. По радио, через усилители попеременно звучали лозунги, веселые мелодии, марши.

После прохода мимо трибуны курсантов и подразделений различных родов войск чинно прогарцевала конница, за ней прочихала выхлопами и прогрохотала гусеницами бронетехника. На мгновение в воздухе повисла непривычная тишина, через минуту взорвавшаяся громкой задорной песней:

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, преодолеть пространство и…»

Затем звук песни убавили до минимума, и со стороны собора Василия Блаженного послышался постепенно нарастающий гул стальных птиц. Когда крылатые машины поравнялись с разноцветными куполами церкви, диктор воодушевленно объявил: «Над площадью пролетает когорта Сталинских соколов во главе с прославленным летчиком, Героем Советского Союза Михаилом Громовым!» — и вслед за этими восторженными словами, перекрывая размеренный гул самолетов, грянул заливчатый припев:

Все выше, и выше, и выше
Стремим мы полет наших птиц!
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ.

По завершении демонстрации, во второй половине дня для почетных гостей и главных организаторов парада в Георгиевском зале Кремля был устроен пышный прием. Пригласили и «сталинских соколов» из громовской команды.

После торжественного заседания, коротких приветствий и концерта всем предложили пройти в банкетный зал. Летчики держались отдельной стайкой среди скопища видных политиков, крупных военачальников и других светил кремлевской тусовки.

Само собой разумеется, говорили о самом заветном: о самолетах, о женщинах.

Из прихожей комнаты, где переодевались артисты, доносились мягкие жизнерадостные слова Эскамильо из оперы «Кармен»:

«Тореадор, смелее! Тореадор, тореадор…»

— А что, если попытать счастья побывать на испанской корриде? Вот здорово было бы! Что скажете? — азартно заблестели глаза Ивана, самого младшего из кучки командиров, стоявших на выходе из банкетного зала.

— Недурственно. Полцарства за корриду вместе с цыганкой Кармен из Мадрида! — поддержал бредовую идею опьяневший Серов. — Но где его взять?

— Кого? Полцарства? Или ее — цыганку… из Кремля? — рассмеялся майор Пумпур, любивший покуражиться над пьяными.

— А-а, счастье в наших руках! — развернул никчемную болтовню приятелей в свою сторону мечтатель испанской корриды.

— О! Тут пахнет жареным. Конкретнее, Ваня, конкретнее. Массы требуют четких указаний. Не тяни кошку за хвост, — вмешался в разговор Рычагов.

— А что конкретнее? Врага можно пощупать только над Мадридом! Не хотите? — загнул Федоров, как о решенном.

— Не получится.

— Почему? Если сообща попроситься, могут отпустить.

При этом все посмотрели на Петра Пумпура, как самого старшего по возрасту и званию, каким-то боком соприкасавшегося с маршалом Тухачевским, сторонником создания крупных моторизованных объединений. Но тот усомнился в успехе:

— Михаил Николаевич поддержит нашу идею, но он не решит вопрос. Выше хватайте, соколики.

И тогда все, как по команде, уставились на автора задумки.

— В самом деле… Может, рванешь к «луганскому слесарю»? — усмехнулся Иван Лакеев. — Ему наши болячки — что порча для казачки: раз — и рукой снимет.

— Чур, выслеживать зубра вместе. А уж там пойду «на Вы» один, как наши предки хаживали, — без жеманства согласился Иван, поправляя и без того ладно заправленную гимнастерку.

Составили общий рапорт и подписали его по традиции, начиная с младшего по званию и заканчивая подписью старшего. Засаду устроили на лестнице внизу, чтобы издали заметить и подготовиться к броску на грудь маршала без сумятицы, по-ястребиному. Как и подобает крутым летунам Подмосковья.

Прошел мимо Гамарник. За ним — импозантный Тухачевский в окружении влюбленных дам. Наконец показался Ворошилов в сопровождении высокого статного капитана. Иван откололся от группы «заговорщиков» и выдвинулся наперерез идущим, но так, чтобы не преграждать путь наркому, покидающему трапезную

палату. Теперь главное — ошеломить, сбить с панталыку зубра.

— Товарищ маршал! Разрешите обратиться по шкурному вопросу, — прищелкнул каблуками летун.

— А-а, Федоров! Что, давно был в Луганске? — приостановился разомлевший от застольных возлияний нарком.

— Давно. А вот… в Испании совсем не был, товарищ маршал, — глядя прямо в глаза земляку, вытянулся в струнку летчик. — Разрешите нам, группе воздушных кавалеристов, — кивнул головой проситель в сторону домогателей воздушной доблести, — проявить русский характер в небе Испании. Вот наш рапорт.

— Добре, сынку. Приятно слышать… Уважил, — растроганно заблестели глаза добродушного покровителя воздушного кавалериста из Луганска. — Займись этим делом, — передал листок рядом стоящему адъютанту.

— Пошли, обмоем удачный заход в лоб флагману армии и флота, — обрадовался Николай Остряков, представлявший на воздушном параде звено морских авиаторов. — Там еще есть, чем поживиться, — показал он перстом в сторону банкетного зала после того, как Иван приблизился к товарищам с победно оттопыренным большим пальцем.

Часть 2
Крылатый дьявол

Глава 1
Под колпаком

В толстых стенах мрачного здания на Лубянской площади маленький рыжеватый человечек с мутными глазками преуспевающего булочника собрал оперативников секретного отдела главного управления государственной безопасности при НКВД.

— На каждого из этих двенадцати апостолов Испанской революции составьте досье, понятно? И отправьте их группами во Францию под присмотром наших людей, — подвинул список летчиков сидящему у края массивного стола дубоватому Петерсону.

— Следить за каждым их шагом до Испании. Понятно? Нам важно знать, кто из них будет общаться с троцкистами, которые тоже присоединились к революционному движению на Пиренеях. Поняли? Мы должны вырвать знамя победы из рук мятежников, из рук фашистских прислужников, троцкистов и прочих господ трудового народа. Понятно? — Победоносно закруглил свои наставления тонковатый низенький человечек, стриженный «под ежа».

Вызванный в приемную какого-то начальника мрачного здания НКВД, Иван ждал от этого малоприятного заведения, обросшего зловещими слухами, всего, чего угодно, начиная от проверки документов и кончая пытками на верность Партии и знание иностранных языков, но только не… переодевания в штатское платье.

Спустившись вместе с провожатым в подвальное помещение, он непредвиденно замялся перед длинными многоэтажными полками, заваленными разнообразной одеждой. Вместо ожидаемого кабинета и строгого начальника — подвал с ворохом тряпья и пожилой старшина.

— Чего стоишь? Выбирай себе новые доспехи. Там, за шторкой, зеркало, стул, гребень — все, что нужно для прикида. А я покуда сварганю накладную, — вернул провожатый фантазера с заоблачных высот до чекистской преисподней.

Переодевшись в модный, на его взгляд, костюм, претендующий на заморский вояж, прозревший посетитель милицейских катакомб аккуратно сложил свое выходное обмундирование, завернул его в оберточную бумагу, взял сверток под мышку и весело прищелкнул штиблетами: — Я готов! Можно выходить.

— Классно. Любо посмотреть. Хоть сейчас на бал, — заворковал заведующий складом. — Только вы… это. Оставьте узелок здесь. Не положено. Порядок. На вынос вещей требуется распоряжение А-Хе-Че (Административно хозяйственная часть) и пропуск от коменданта, — вежливо освободил домашние вещи из рук хозяина верный страж складского порядка.

— Что ж не предупредили? — невольно воскликнул новоиспеченный гражданин в шляпе, шпыняя ни в чем неповинную кошку, подвернувшуюся под ноги. — Написали бы сразу: явиться для экипировки. А то… Я бы по-другому оделся.

— Не положено. Секретный отдел. Закон, — развел руками блюститель сугубо милицейского правила держать в тайне цель вызова по каким бы то ни было причинам до самой последней минуты.

В Ленинград каждый засекреченный летчик, предназначенный для отправки в Испанию, добирался самостоятельно. В группу из четырех тайных агентов, отплывающих на пароходе «Кооператив», кроме Ивана Федорова, вошли Рычагов, Пумпур, Якушин. Все четверо прошли инструктаж поведения на корабле и в чужой стране. Молодым людям предлагалось вести себя тише воды и ниже травы, не вступать с неизвестными лицами ни в какие переговоры без крайней надобности, не собираться вместе, не распивать спиртное, не ругаться, не разглашать цель командировки, не… В общем — сплошное «не».

Нечего и говорить, что плавание от Ленинграда до Бреста, на самой западной оконечности полуострова Бретань, проходило до такой степени нудно и грустно, что дни и ночи, проведенные на борту торгового судна без любви и самолета, Иван навеки вычеркнул из своей жизни.

В Бресте их встретил уполномоченный советского посольства во Франции Михаил Суслов, поместил в гостиницу, отобрал паспорта и скрылся из виду на три дня. Четверка отчаянных искателей приключений, очутившись без обременяющего присмотра, первым делом искупалась в теплых водах Бискайского залива. На пляже пытались флиртовать с миловидными девицами свободного, с точки зрения советской домостроевщины, поведения.

После морских ванн четверо друзей по плаванию шумно ввалились в вестибюль гостиницы и с удовольствием развалились на диванах. Выпили через соломинку по стакану фруктового коктейля и, насмеявшись вволю, поднялись на свой этаж в распрекрасном раскрепощенном состоянии тела и духа. Всем показалось, что они попали в какое-то новое, после глухих кают

парохода, непривычное пространство взаимоотношений, где никто никому ничем не обязан, кроме уз братства, чести и естества общения: делай что хочешь, говори что думаешь, кричи и смейся, если тело горит, а душа поет. И они вновь беспричинно рассмеялись, вспомнив, как беспомощно, как-то приниженно плутали неделю назад по подвалам Лубянки.

Вдруг, откуда ни возьмись, перед ними возникла разъяренная фурия в облике строгой горничной дамы и на чистом русском языке злобно бухнула:

— Жлобы! Вас предупреждали: больше трех не собираться! По-лошадиному не ржать, на халяву не бросаться.

Иллюзия свободы и независимости рассыпалась, как детская часовенка из песка.

— Ох! Как она еще нас матом не покрыла? — выдохнул Иван.

— Да, вляпались. Но ничего, переживем. Вот прибудем на место, там уж наверняка избавимся от колпака, — удрученно заметил Пумпур. — Побоятся лезть в пекло. Хотя… Впрочем, всякая осторожность — более надежная подруга, чем стойкость друга. Поверьте, в бою друг может не рассчитать, промахнуться. Словом, на друга надейся, а сам не плошай. Во всяком случае, в одном они правы: больше трех не собираться. Мало ли что может с нами случиться на чужой стороне? Четвертый всегда должен держать курок на контрольном взводе осведомленности об остальных. Короче, меня, как старшего, попросили разъяснить вам смысл русской пословицы: не вызнав броду — не суйтесь в воду. Усекли?

Почти неделю загорали на море мушкетеры российского происхождения в ожидании документов и маршрута дальнейшего следования. Шахматы да карты, чтение романов Александра Дюма скрашивали тягостные дни под недоступным взору вниманием органов отечественной безопасности.

С общего согласия Иван за эти дни несколько раз побывал на местном аэродроме и в морском порту. Выяснилось, что путешествие через Бискайский залив довольно опасно хотя бы потому, что ожидается штормовая погода. Зато в аэропорту рейсы в Испанию — почти каждый день. Все дело в деньгах. Парень из семьи белоэмигрантов пообещал познакомить с пилотом транспортного самолета, занимающегося нелегальной перевозкой грузов, как для одной, так и для другой стороны, в братоубийственной войне за Пиренеями. Такие сведения оказались не лишними для борцов за свободу испанского пролетариата.

Наконец заявился долгожданный помощник военного атташе из советского посольства в Париже. Он вручил валюту для

переезда через всю страну и новые паспорта. Иван Федоров стал Жуаном Федрикос. Остальных тоже засекретили под испанские имена.

Маршрут по железной дороге отнимал, на взгляд ретивых поклонников скорости, не только драгоценное время, но и сулил неизведанные препоны на границе. Как самый страстный почитатель рыцарских романов Дюма, Иван Федоров предложил немедленно отправиться на аэродром и попытать счастья попасть в Барселону по воздуху. В аэропорту их ждало разочарование. Рейсы предполагались только в страну басков и то — на следующий день. Решено было добираться поездом до Тулузы, а там — как Бог даст.

По прибытии в Тулузу удалось выйти на владельца перевалочной базы, откуда грузы в Испанию шли разными путями. Солидный бизнесмен с полуслова разобрался, что нужно «добровольцам из Прибалтики»: это Пумпур призвал на помощь полузабытый латышский язык. По рекомендации делового француза один пилот согласился доставить их в Барселону, но потребовал почти всю их валюту, оказавшуюся на руках.

Рано утром, погрузив ящики в трюм, французы пригласили «прибалтов» в самолет. Двухмоторный грузовоз тяжело взлетел и взял курс на юг. Огромный солнечный диск, оторвавшийся от горизонта, служил прекрасным ориентиром. Где-то там, слева по борту, должны показаться голубые воды Средиземного моря.

Но прошло полчаса, а обнаружить его в узкие световые окошки грузового лайнера не удавалось. Опытные летчики обеспокоились неизменным курсом на юг, тогда как самолет, по их понятиям, должен был повернуть на юго-восток.

Майор Пумпур, ставший по новым документам полковником Хулио, двинулся на переговоры в кабину пилотов. Объясняясь на литовско-немецком языке, задал им единственный вопрос:

— Почему мы летим прямо на юг? Надо поворачивать налево, Барселона.

Пилот показал рукой вниз: — Андорра, ориентир. — И действительно, среди гор в глубокой впадине показался городок, четко выделяясь среди зелени белыми стенами и красной черепицей крыш домиков. Андорра осталась позади, а самолет повернул вправо. Иван вскочил:

— Тут что-то не так! Нужно силой заставить их свернуть влево, к морю.

Договорились действовать спокойно, но решительно. Иван встанет за спиной пилота. Якушин — в проходе между пилотом и штурманом. Пумпур поведет разговор с пистолетом в руках.

Если пилоты не выполнят приказ и окажут сопротивление,

пристрелить штурмана, а пилота отстранить от рычагов управления.

На ломаном немецком языке пилот объяснил, что они летят сначала в Сарагосу, сдадут груз, а потом полетят в Барселону.

— Нет, сначала Барселона, а потом — Сарагоса, — внушительно заявил Пумпур, наставляя пистолет на пилота.

— В Барселону нельзя: у нас контрабанда. Контракт. Оружие для генерала Франко. Все будет хорошо. Выгрузим ящики и… Барселона, — тревожно лопотал пилот, ерзая в кресле, как на колу.

— Вэк, вэк, — скомандовал Петр штурману, указывая дулом пистолета на выход. Якушин помог ошарашенному французу подняться с кресла и удалиться в грузовой отсек. Иван устроился на место штурмана и показал рукой на восток, подбадривая пилота всемогущим русским словом: «Давай, давай!»

— Руиг. Гут. Аллес гут, — приговаривал охолонувший Петр, пока самолет ложился на новый курс по направлению к солнцу.

Через некоторое время открылась беспредельная даль моря.

Глава 2
Первый бой

В Барселоне вооруженные люди окружили самолет, потребовали у пассажиров документы. Даже хотели вскрыть ящики для досмотра. Однако полковник Хулио, войдя в роль командира интернациональной группы защитников республики, распорядился выгрузить половину ящиков себе, заправить самолет горючим и отпустить пилотов восвояси как добрых соседей.

Не успели все четверо как следует осмотреться, перезнакомиться, как прозвучала воздушная тревога. Тут же прояснилась и боевая обстановка. Несколько «фиатов» в сопровождении двух «мессеров» приближались со стороны Балеарских островов.

Фашистская Италия, сторонник Франко, оккупировала их с самого начала гражданской войны. По репликам кабальеро добровольцы из Советского Союза поняли, что в порт прибыло с гуманитарной помощью советское судно. Оно не могло пройти незамеченным мимо Балеарских берегов, но в открытом море фашистские стервятники, придерживаясь международных соглашений о свободе судоходства, не смели нападать на торговое судно.

Теперь же, став под разгрузку, неподвижный транспорт представлялся им удобной мишенью.

Мгновенно оценив боевую обстановку, давно мечтавший сразиться с врагами испанского пролетариата красный авиатор попросил у хозяев аэродрома согласия вылететь на перехват. Получив добро, Иван побежал к единственному истребителю. Это был хорошо знакомый ему И-15. Не раздумывая, он вскочил в кабину, подгоняемый юношеским задором и жаждой подвига, не проверив наличия ни горючего в моторе, ни боеприпасов, ни парашюта под сиденьем, так как мысли были заняты уже картиной воображаемого боя. В такие мгновения до парашюта ли герою, поглощенному единственной мыслью — настигнуть врага, помешать его злому умыслу расправиться с неподвижным судном? О парашюте он вспомнил, когда завел мотор и машинально пытался нащупать вытяжное кольцо. Спасательного зонтика в самолете не оказалось.

Итальянские бомбардировщики тоже все внимание сосредоточили на цели и заградительном огоне зениток, охраняющих порт.

К тому же они надеялись на прикрытие сверху истребителями рейха. Сбросив бомбы, они развернулись над городом в обратный путь. Вырвавшись как будто из-под городских крыш, Федоров оказался в хвосте бомбовозов, выстраивающихся в походный порядок. Приблизившись вплотную к крайнему, он открыл огонь по хвостовому оперению с черной свастикой. Бомбардировщик задымил, теряя высоту. Ликующий стрелок на вираже для пущей уверенности еще раз нажал на гашетку пулемета. От хвоста «фиата» отлетели подкрылки, и самолет заковылял вниз, оставляя за собой шлейф дыма. Немецкий истребитель ринулся к месту боя, открыв огонь с длинной дистанции, но попусту. Юркий биплан с красной звездочкой круто взмыл вверх и дерзко пошел на врага. Короткая очередь, но пулемет вдруг умолк. Заклинило! Что делать?

Это случалось с ним и раньше на боевых учениях под Великими Луками. Еле успев увернуться от губительного огня врага, он резко бросил самолет в сторону, уклоняясь от боя. «Мессер» не стал его преследовать. Надо полагать, по единственной причине: его задача охранять бомбовозы от нападения, а не гоняться за удирающим противником.

Это был первый бой сталинского сокола, на редкость удачно завершившийся.

Говорят, ничто так не воодушевляет воина, как первая победа над численно превосходящим противником. Появляется твердая уверенность, граничащая с отвагой и бесшабашностью.

Заклинивший пулемет лишь на секунду отвлек внимание летчика.

Молниеносное решение уклониться от боя было тем единственно правильным выходом из создавшегося положения. Здравый смысл одержал верх над бесшабашностью и боевым азартом.

Потом он будет не раз вспоминать каждое свое движение в этом первом бою и мысленно благодарить Бога за то, что враг по неведению, а, может быть, по законам педантизма, не использовал свое преимущество. Не раз он благодарил судьбу и за то, что этот случай вовремя насторожил его быть готовым к любым непредвиденным ситуациям в скоротечном бою, когда на принятие правильного решения часто не хватает времени.

Товарищи встретили Ивана ликованием. Стоило ему зарулить на стоянку и выбраться из кабины, как подбежавшие механики и Павел Рычагов принялись его качать под залихватское «ура».

На следующий день четверка интернационалистов автобусом прибыла на военный аэродром Лос-Алькасарес под Мадридом, где формировалась эскадрилья истребителей из доставленных

пароходом И-16. Их встретил Яков Смушкевич, который с улыбкой на лице представился: — Генерал Дуглас.

Петр Пумпур по чину первым протянул руку для приветствия:

— Полковник Хулио.

Павел Рычагов отрекомендовался как Пабло Паланкарос. Михаил Якушин представился Карлосом Костехоно. Иван, не скрывая мажорного настроения, лихо пристукнул каблуками: «Жуан Федрикос!»

— Ах, Ваня-джан! Ты еще не расстался с укоренившейся привычкой выкаблучиваться перед кремлевскими божками. Здесь тебе не Москва, а я — не маршал. Сдержи свою прыть под каблуками, когда приедем в штаб республиканской авиации. Лучше сохрани ее для встречи с врагом, — полушутя, полусерьезно заметил генерал, дружески пожимая руку самому молодому пилоту из прибывших на пополнение.

— А чо ему не выпендриваться, он уже в Барселоне сбил «фиат», — хмыкнул Павел.

— Как? Уже успел блеснуть? — обрадовался генерал. — Правда?

— Было, было, — выразительно развел руками Петр Пумпур.

— Поздравляю! Лиха беда начало. Будем надеяться — конец не хуже будет. Поехали. Командующий в Альбасете.

Глава 3
Первый таран

В штаб приехали и другие летчики, прибывшие в Испанию из Советского Союза, из Франции, из Англии и даже из Палестины. Формировалась интернациональная бригада авиаторов. Перед собравшимися выступила член республиканского парламента, глашатай Народного фронта Долорес Ибаррури. От имени правительства Народного фронта она пообещала платить русским летчикам столько же, сколько значится по договору интернационалистам других государств — 2,5 тысяч песо в месяц.

— Это ж сколько по нашим русским меркам? — обратился Остряков, такой же молодой нетерпеливый, как и Федоров, к более старшему по годам и званию — полковнику Хулио.

— Э-э… да примерно по две коровы каждому, — шепотом ответил Пумпур. — Съедите?

— Многовато, — смутился юноша, комкая в руках шлем.

— Так не пойдет! — встрепенулся Иван, поднимая руку.

— Но пассаран! — решительно заявил он, когда ему, заметив руку, предоставили слово. — Мы приехали сюда воевать не за деньги, а помогать братьям по классу строить социалистическое общество. Платите нам за работу столько, сколько получают испанские специалисты. У меня все.

Это искреннее выступление вызвало одобрительный шум в помещении. Страстное, на миг окаменевшее лицо Долорес смягчилось скупой улыбкой:

— Спасибо! Но пассаран!

Прозвучавшая на русском языке благодарность видного организатора Народного фронта Испании нашла горячий отклик в сердцах многих добровольцев, разгладила суровые складки морщин на лицах бывалых летчиков разных национальностей. Как истинный пролетарий, Федоров был чужд накопительства, презирал капиталистов, ибо воспитан был в духе коммунистических идей. В Испанию он прибыл не ради денег, не ради наживы, и даже не ради славы, чинов и званий, что тоже считал дурным признаком для комсомольца. Пусть иные у себя дома тонули в болоте тщеславия и карьеризма, аки бесы в смоле, подогреваемые огнем террора, но здесь, в Испании… Но пассаран!

Он искренне верил в благородные идеи революции, впитанные умом и сердцем с детских забав в войну между «белыми» и «красными», но не настолько бездумно, чтобы

безрассудно любить или ненавидеть голую идею.

Когда-то он не на шутку возненавидел скорняка и сарай поджег не за то, что тот, по тогдашним его понятиям, слыл буржуем, а за то, что несправедливо наказал за пустячный проступок, да в придачу еще и лишил честно заработанного пайка хлеба. Скотину, считал Ваня, можно бить за нерадивый труд, но кормить все равно ее надо.

И любить, и ненавидеть, он полагал, можно все, что угодно, лишь бы душа принимала, сердце радовалось от красоты и справедливости содеянного.

Долорес Ибаррури поддержала в нем веру в чистоту и благородство испанских трудящихся, сражающихся за свое будущее. Он поверил в красоту души андалузских Санчо Пансо и Кармен, вышедших на улицы и площади Мадрида с лозунгами «Но пассаран фашизмус!». Поэтому ему больно и горько было услышать о себе за спиной презрительно-отупляющее слово «выскочка», произнесенное полушепотом его товарищем «по работе». Эту горькую пилюлю он проглотил и тут же решил не огорчаться, не держать в памяти. Однако отдельные товарищи по оружию отвернулись от него, перестали восхищаться его талантом авиатора и, что особенно обидно — отказали ему в праве говорить что-либо от имени других. Ведь многие надеялись вернуться домой не только с заветными регалиями победителей, но и с приличным капиталом.

По большому счету, Иван Федоров стал сражаться в Испании не только за революционную идею, какой бы ни была она привлекательной для него, не за возвышенные идеалы тореадоров Народного фронта или красоту Андалузии, утопающей в садах и виноградниках, хотя все это, так или иначе, находило в нем отклик, воодушевляло на бой праведный и бескорыстный. Он напросился на эту войну прежде всего для того, чтобы испытать свои силы и способности в новых неизвестных ему боевых условиях, показать всему миру великолепие русского характера, стопроцентным обладателем которого считал свою натуру.

Истребительный полк под командованием Пумпура прикрывал небо Мадрида: самое жаркое небо войны. Летчикам приходилось взлетать на защиту города по два-три раза в день, а то и больше. Эскадрилья Федорова успешно предотвращала бомбовые удары вражеской авиации по оборонительным позициям стойких республиканцев. Но гораздо охотнее выполнял он индивидуальные задания в паре с Серовым. В таких случаях он чувствовал себя в воздухе как рыба в воде. Стандартные очертания боя преображались в фантастическую картину дуэли вертлявой «моски» с неповоротливыми «юнкерсами».

Изучив повадки противника, недостатки и достоинства вражеских самолетов, поклонник романтических дуэлей устремлялся в небо с единственной целью — победить врага. Над Барселоной, а потом и над Мадридом, Сарагосой, Таруэлью он делал это уверенно, как и подобает воздушному тореадору.

Вот только всю песню в небе портил скорострельный пулемет «шкас». Ствол быстро накалялся, и при жаркой стрельбе гильза застревала в патроннике. Иной раз это происходило при первой же длинной очереди. Поэтому Иван взял за правило сближаться с противником на короткую дистанцию, поражать цель наверняка. Но не всегда это удавалось.

В один из дней над Алькалой пулемет отказал в самый неподходящий момент. «Мессер» отвернул в сторону от лобовой атаки. И, перед тем как отвернуть, фашист выпустил длинную очередь. Издалека, правда, и потому не очень опасно. Все же несколько пуль прошили кабину, повредили маслопровод, продырявили плечо.

Обычно фашистские наемники, работавшие за большие деньги, отворачивали первыми. Боялись «русского Ивана», напичканные разными слухами о его лихачестве. В такой момент в самый раз бы с ходу врезать по всему периметру самолета, а тут пулемет заклинило. Со злости Федоров по инерции повернул свой юркий истребитель вслед за врагом. Понял, что легко настигает его. Плечо щемило от боли, рука слабо подчинялась привычным движениям. Но обида и злость заглушали боль.

«Мессеры» тяжеловаты на подъем. Решение срезать винтом хвостовое оперение пришло мгновенно. Нужна лишь очень тонкая ювелирная работа — и никаких гвоздей.

Когда-то отец ему рассказывал, как у них на Луганском паровозостроительном заводе кудесники пневматического молота на спор снимали с водочной бутылки сургучную печать. Глазомер, выдержка, тончайшее движение руки и… пари в кармане!

Настигнув «мессера», Иван срубил винтом хвост стервятнику, но при отвороте самолет изрядно тряхнуло: то ли по корпусу хвостом задело, то ли с обломком столкнулся. Благо, управление не потерял. Кое-как выпрямил и спланировал на аэродром.

Бронированный нос, за которым скрывался мотор, выглядел молодцом, хоть и нуждался в срочном ремонте. Душа радовалась! Еще бы! Враг повержен, а он целехоньким садится на ровное место. Посадочная полоса почти под ногами! Толчок и… все полетело в бездну.

Очнулся он, когда товарищи вытащили его из примятой кабины и положили на носилки. Оказывается, при посадке левое

колесо сложилось, и самолет скапотировал, развернувшись влево.

Этот подвиг на глазах испанцев всколыхнул многие души. Республиканские газеты не скупились на восторженные, лестные эпитеты и выражения в адрес молодого борца за свободу по имени Жуан.

Контуженного пилота поместили в лучшую клинику на берегу Средиземного моря. Спустя несколько дней его навестила Пассионария и подарила герою патефон с набором пластинок. Ибаррури по-матерински пригладила волосы на голове больного и сказала: «Не скучай. Поправляйся. Испания будет помнить твой подвиг во имя ее свободы и независимости, даже если окажется под пятой диктатора». К вечеру Ивана перевели на трехэтажную виллу с видом на море, где отдыхали заслуженные командиры «красных баррикад». Раненое плечо и перебитая ключица еще покоились в гипсе, а Иван уже бегал по этажам, выходил в садик и старательно пополнял багаж испанских слов и выражений. Вскоре он нахватался верхушек разговорной речи, как собака блох, и мог с помощью рук прилично объясниться в любви симпатичным медичкам.

Глава 4
Удар по психике

Удачно проведенный таран придал уверенности, и, в сговоре с Косенковым, Иван задумал провести дерзкую операцию по захвату в плен вражеского летчика, Дело в том, что недавно летчик Хосе Галарсо (наш Бочаров), плохо ориентируясь на местности в затянувшейся круговерти схватки, отбился в сторону противника и был сбит зенитным снарядом, спустился на парашюте и угодил в лапы марокканского легиона «Черные стрелы». Холуи генерала Франко, видимо, не смогли склонить пленника к измене Народному фронту, и его, измученного допросами, стали водить по улицам селений и городских местечек с издевательской дощечкой на груди: «Красная крыса».

Очевидцы рассказывали, что таким образом мятежники рекламировали успешные действия своих войск. Эта история просочилась в прессу. Узнал об этом и Федоров, поднаторевший в испанском языке. Поделился своими планами с командиром полка, с товарищами: нужно захватить «итальяно» или немца и обменять его на Бочарова через международный Красный Крест.

Такой случай друзьям представился. Медлительный тяжеловатый бомбардир, поврежденный в общей свалке, сбросив груз куда попало, стал уходить в свою сторону. Федоров заметил и бросился «хейнкелю» наперерез, выстрелами преграждая путь к отступлению. На помощь подоспел Косенков. Вместе они взяли бомбовоза «в клещи». Расстреляв боезапас с дальней дистанции и потеряв надежду на приземление у своих, бомбардир вынужден был повернуть обратно. Совсем обнаглев, Иван приблизился к нему вплотную и рукой показал, куда нужно лететь. Короткая очередь из пулемета по свастике на хвосте наглядно продемонстрировала, что будет с ним в случае неповиновения. Так под конвоем и приземлился немец на чужой аэродром.

После обычного допроса испанцы предложили использовать пленного в своих пропагандистских целях, но Федоров воспротивился и раскрыл свой план по обмену пленными летчиками на рыцарском уровне. Для переговоров решили подключить местное население.

Надо признать, что гражданская война в Испании сильно походила на гражданскую войну в России. Сплошная линия фронта наблюдалась не везде. Даже там, где проходила устоявшаяся линия боев между сражавшимися испанцами, по соглашению сторон в обеденный час прекращались все боевые

действия и противники могли запросто сходиться на нейтральной полосе для обмена мнениями по вопросам «внутренней политики». Некоторые за эти два часа, так сказать, перемирия, успевали проглотить свой паек, сыграть с противником в шахматы и даже в футбол. Итог этой странной войны слабо просматривался, и потому население больше надеялось на помощь извне, чем на самих себя. Народ не хотел войны. Все было отдано на откуп большой политике, от которой труженик всегда получает только шиш.

Ивану нравились такие братские отношения между простыми людьми, и потому он возмущался раздраем, царившим между испанцами, проклинал политические разборки.

Социалисты, коммунисты и прочие там националисты, монархисты, анархисты, троцкисты не могли найти общего языка и успешно противостоять монолиту фашистов, сколоченному Франко.

Поэтому Республика была обречена на поражение почти с самого начала образования Народного фронта. Но летчики из Советского Союза жили иллюзией единения испанского народа и победы справедливости на уровне солдатской солидарности.

Обмен пленными договорились проделать необычным способом. Каждого спустить на парашюте в окрестностях Мадрида за свою линию фронта. Два одновременно вылетевших самолета в сопровождении двух истребителей действительно сбросили свой груз на парашютах в условленном месте вблизи расположения «своих».

И если Федоров сам видел, как немецкий пилот благополучно приземлился под куполом парашюта в точно обозначенном месте на своей территории, то груз, сброшенный на парашюте в развалены Мадрида, многих потряс до глубины души: в сброшенном на парашюте ящике обнаружили изрубленный на куски труп Бочарова. Там же нашли записку-сопроводиловку: «Это подарок большевистскому крысятнику, командующему воздушными силами «красных». Пусть знает — его ждет точно такой же конец».

Узнав об этом, Иван не мог найти себе места. Даже отказался от очередного вылета, боясь нервного срыва. Прежние представления о благородных «рыцарях неба» рухнули в одночасье. Через посредников он сделал запрос о причастности договаривающейся стороны к варварской выходке немецких летчиков и получил ответ: это сделали сами испанцы из дикой дивизии «Черные перья», где находился пленный, без ведома немецкого командования. А вскоре до него дошел слух, что вновь прибывший командир немецкой эскадры «Кондор» Рихтгофен не

только не осудил вандализм летчиков, а призвал их к ожесточению борьбы с врагами мирового порядка.

В конце концов Иван пришел к горькому выводу: в семье не без урода. Не все летчики способны на благородные поступки по отношению к побежденному.

Чувствуя свою вину в затеянной игре с обменом пленными, Иван после очередной бессонной ночи со злости врезался в середину вражеской стаи бомбардировщиков, налетевших на Гвадалахару, нарушил строгий порядок аккуратных немцев бешеным огнем на немыслимых виражах, а когда вырвался из гущи разлетевшихся «хейнкелей», заметил, что ни одного из них не сбил. Развернулся и снова в атаку, а пулемет, трижды проклятый «шкас», захлебнулся.

Что предпринять? Как выйти из патовой ситуации? Ведомый потерялся. Сверху кружит «мессер». Пусть. Горячка боя пробудила в нем зверя. Сильного, злобного, бесшабашного, прущего напролом под грохот ревущего мотора. В голове — пусто. Лишь кровь в набухающих жилах гремучею ртутью течет, вытесняя всякое здравомыслие и холодный расчет. А «мессер» уже полоснул по обшивке мотора. «Ну, и что? Внизу своя земля». «Хейнкель» впереди как будто пятится на тебя задом. Еще мгновение… и скрежет изрубленного хвоста заглушает рев мотора.

Клюнувший вниз бомбовоз дернул за собой и «моску». (Так испанцы ласково прозвали шустрый истребитель в честь маленькой назойливой мошки.) Каким-то образом «моска» завалилась на бок, оторвалась от искалеченного «хейнкеля» и, беспомощно переваливаясь с крыла на крыло, полетела вниз.

Очнувшийся пилот, с трудом манипулируя подкрылками, на какую-то секунду выровнял самолет, открыл фонарь и вывалился из кабины на милость богини удачи. Спасительный «зонтик» успел раскрыться буквально в нескольких десятках метрах от земли и затормозить падение.

Очумевший летчик отделался ушибами и выговором командира полка. Несмотря на это, Ивана поздравили с очередной победой над врагом и вновь отправили на базу отдыха для восстановления пошатнувшейся психики не столько от ушибов, сколько от нервного перенапряжения.

Глава 5
Сальвадор Дали

Таран над Гвадалахарой потряс сознание взбешенного летчика, но не до такой степени, чтобы потерять контроль над собой. А то, что он потерял на какой-то миг самообладание в бою, Иван осознал не тогда, когда приземлился и понял, что чудом остался жив, а гораздо позже, когда отоспался в уютном доме на берегу моря, перебирая еще и еще раз в памяти тот бой, ту картину, вставшую перед глазами при таране. Особенно этот мистический крест на гребне вытянутого зада, приближающегося к тебе, как локомотив из далекой юности, когда работал помощником машиниста.

В санаторном особняке он оказался по соседству с выздоравливающим после ранения Львом Шестаковым. Вместе обедали, вместе ходили окунаться в осенние холодноватые волны моря.

По вечерам вспоминали Луганскую школу летчиков, общего наставника летного дела Петра Степанчёнка.

Заметив подавленный вид прибывшего сослуживца и какую-то внутреннюю разбросанность мыслей, Лев предложил съездить на экскурсию в Мадрид, побывать в музее Прадо, осмотреть картинную галерею, чтобы лучше понять, как он выразился, душу испанца, корни испанской революции.

В Мадрид собрались ехать на персональной машине Анатолия Серова. Он вместе с Якушиным сбил ночной бомбардировщик «юнкере» — «Черный Дракон», сильно досаждавший республиканцам по ночам. За это премьер-министр Хуан Негрин наградил их золотыми часами и легковыми автомобилями. Путь до Мадрида не близкий, и потому поездку отложили на конец отдыха. А так как срок пребывания в санатории у всех был разный, договорились покинуть его в один день, удобный для хозяина машины.

Остаток дней однообразных прошел для героя Гвадалахары в раздумьях о возвращении в эскадрилью, в многострадальный Мадрид. И вот наступил день возвращения в мир преувеличенной реальности. День посещения Прадо!

В музее друзья не очень-то интересовались экспонатами, поясняющими мало знакомую им историю Иберийского полуострова. Единственно, где они задержались, так это у портрета Гарсии Лорки. Это имя было свежо на устах испанцев. За прошедший год со дня его казни оно облетело все города и

села Испании.

— Демоническое выражение лица — ничего не скажешь, — обратил на него внимание Лев.

— Кто он? — флегматично спросил Анатолий.

— Сама революция, — тихо отозвался Иван, знавший историю гибели цыганского поэта. — Да. Есть в нем что-то жертвенное. Востребованный временем, но не принятый соотечественниками. Кто это его нарисовал?

— Сальвадор Дали, — по слогам прочитал Серов.

— Н-да-с, я считаю, революция одухотворяет, осветляет человека, а с полотна смотрит на нас какой-то сумасшедший. Аскет, фанатик, — продолжал рассуждать как бы про себя помрачневший специалист по воздушным таранам.

— Одухотворение может быть разное. Одних осветляет, других омрачает. Революцию делают сумасшедшие, фанатики. Массы, народ — это дрова, уголь, топливо для таких кочегаров, как Наполеон, Буденный, Махно. Разве ты не понял, как двигаются локомотивы истории? — запальчиво возразил «лев мадридского неба», как любя назвали Шестакова товарищи по оружию.

— Да, революция — локомотив истории. Так нас учили в школе. А кто или что тогда приводит в движение народ? — огрызнулся Иван, вспомнив наставления машиниста из Луганска.

— Как что? Пар, энергия! А говоришь: машинистом работал, — подстрекнул новоявленный теоретик революции школярское честолюбие Ивана.

— Хватит о революции. Говорят, Лорка не был сумасшедшим. Таким его нарисовал художник с больным воображением, — взял инициативу в свои руки хитрюга Серов, перехитривший «Черного Дракона». — Пошли смотреть картины!

В картинной галерее Иван безучастно взирал на живопись эпохи Возрождения, раздумывая о чем-то своем. Микеланджело, Рафаэль, Леонардо да Винчи, Диего Веласкес не будоражили его замороженные мозги. Тут все было понятным для грамотного человека, каким считал себя удачливый пилот. Да и товарищи рядом помалкивали, разглядывая шедевры живописи. Похоже, они, как и он, без труда могли разобраться в красках, символах, сюжетах реалистического искусства с легким налетом романтики или религиозного аскетизма. Эти залы друзья покидали с твердой уверенностью, что небо, лужайки, женщины прекрасны и удивительны, как сама жизнь. Но вот в последнем зале современной живописи Иван опять остановился, пригвожденный портретом Троцкого. Задержались возле него и товарищи.

— Твой тезка, что ли? — с трудом разбирая латинские буквы

на табличке под портретом, усмехнулся Иван, вновь просыпаясь от равнодушия ума.

— К сожалению. И надо же так ухватить дьявольскую сущность этого трубадура мировой революции?! Ленин был здравомыслящим фанатиком, а этот — сумасшедшим. Вы посмотрите, когда написан портрет! Еще при жизни Ленина! Вот это да! Ведь мы только сейчас постигаем нутро этого домогателя высшей власти. После разоблачения его как врага народа. А Сальвадор уже тогда, пятнадцать лет назад, обнажил истинную душу этого черта! Вот это сила! Раскройте пошире глаза вот на это гениальное творение Дали! А теперь взгляните на рядом «Пылающего жирафа» сквозь призму сегодняшнего дня! — не переставая восхищаться, балабонил летчик с замашками раскрепощенного экскурсовода добровольно закрепостившихся вояк.

— А что тут гениального в этом… огненном жирафе? Детский рисунок! Больное воображение, — в свою очередь уставился раззадоренный Иван на мирное животное, охваченное пламенем то ли солнца, то ли космической радиации.

— Понимаешь, Ваня, — раздумчиво начал объяснять самодеятельный гид новейшего искусства. — Вот перед тобой полотно — «Восстание 2 мая в Мадриде». Рядом — «Расстрел повстанцев». И везде — пламя, пламя, пламя. Красное пламя. Земля горит. Небо горит. Это Гойя. Как будто все понятно.

Но может быть, это горит уже весь земной шар? Сальвадор Дали пошел дальше. У него горит… жираф. До него же долго доходит истина, у него же длинная шея. Это мещанин, обыватель, который живет сегодняшним днем. Живет поеданием листьев с дерева, которое завтра может засохнуть от этого, сгореть. Понятно?

— Да уж куда понятнее! На фоне вашего мудрого пояснения, учитель ночных сражений в небе, бред сумасшедшего художника смотрится гениальным предупреждением человечеству. Но, может быть, этот жираф-мещанин горит мыслями пробуждения перед лицом наглеющего фашизма? — не без иронии вопросил непонятливый ценитель абстрактного искусства под высокими сводами Прадо.

— Ого! Ты уже превзошел своего учителя! Куда нам, львам, до Красного дьявола?! — картинно повернулся Лев к умолкшему Серову. — Слыхал? Радио под гитару Хосе Петера и слова «Раздавайтесь в поднебесье голоса друзей крылатых! Смело встаньте на защиту городов, огнем объятых!» нашего Хуана Федрикоса окрестили «Красным Дьяволом»?

— Не слыхал, — проронил смутившийся комэск, пальцами

приглаживая шевелюру на голове. — Он совсем не похож на черта!

— Не беда. Черти разные бывают. Дьявол — значит благородный черт. У Лермонтова Демон даже гениален, — на менторской ноте подытожил беглый обзор бредовой живописи «лев мадридского неба», похлопывая по плечу летчика, окончательно очухавшегося от мистики тарана.

Картинная галерея, особенно портреты Сальвадора Дали возбудили уснувшие чувства души, зацикленной на победе коммунистических идеалов в Испании. По рассуждениям Льва Шестакова, он, капитан Федоров, нацеленный на престижную работу летчика-испытателя у себя на родине и звание аса воздушного боя в Испании — ничто, песчинка в мире глобальных катастроф, нравственных ценностей и сиюминутных побед. Эти победы ему не даны свыше. Это его страсть, риск, сомнения, бред зарвавшегося плебея обстоятельств. Может, и впрямь, он всего лишь дрова, уголь, подбрасываемый в топку паровоза кочегарами, вроде Франко, Ворошилова, или их помощника — генерала Дугласа. А машинистов, орудующих паром, энергией сгоревших самолетов, танков, селений, столько, что совершенно невозможно за общим фасадом революции рассмотреть их профессиональную пригодность к управлению локомотивом. Значит, к черту всю философию филистера! Долой революционные призраки Сальвадора Дали! Да здравствует небо и дружба пилота с мотором! Главное — не сгореть в топке и вернуться к родным берегам на крыльях капризной, но все же любимой фортуны.

Так, или примерно в таком русле, протекали мысли «благородного» дьявола по выходе из музея Прадо.

Таран над Гвадалахарой вкупе с химерами Дали, в отличие от Алькалы, укротил пыл в общем-то уравновешенного летчика, заставил пересмотреть тактику боя «на авось», побудил отказаться от принципа дуроломства, въевшегося с лихих времен голодного детства, с юношеского увлечения добиться превосходства над соперником грубой силой. Конечно, во всем нужна сноровка, закалка, тренировка. А в летном деле еще и хитрость, импровизация. «Авось» да «как-нибудь» до добра не доведут. Необходимо до конца, до полной ясности просчитывать тактические слабости противника. Таран — тупик. Если уж безвыходная положение, гибель при любом раскладе, тогда уж куда ни шло. Тогда — да! Помирать — так с музыкой.

Многое передумал Иван Евграфович, набираясь сил, энергии и впечатлений за время отдыха, и вернулся в свою эскадрилью немножко другим, просветлевшим, протрезвевшим, что ли, но все таким же веселым, уверенным в себе, в своем праве жить и

бороться за жизнь по своим нравственным канонам, заложенным с рождения и спрессованным временем от уличных драк до испанской корриды.

Многое вспомнил он из своей немножко колготной подвижнической жизни. Отца, настоявшего учиться; Аню, всецело отдавшую себя на услужение мужу; Громова с его неторопливыми вельможными манерами графа, мечтающего «обогнуть шарик». И впервые за время пребывания на чужбине, в прекрасной, несмотря на палящее солнце и братоубийственную бойню, Испании его потянуло на родину. В Луганск, в Житомир, в Москву.

Ночью, перед сном, любуясь ярким осенним холодным блеском звезд на черном южном небосводе, в первый раз строки ненаписанных писем сложились в рифму:

Дрожит уставшая рука,
Письмо на родину рождая,
И льется времени река,
В горах Испании блуждая.

Да. Главное — не заблудиться в дебрях собственных чувств.

Глава 6
Красный дьявол

Проверяя свои подопечные эскадрильяс, генерал Дуглас сообщил, что представил капитана Хуана и полковника Хулио к наградам. Летчиков-истребителей он по-прежнему называл соколами, но не «сталинскими», как прежде, а «красными». Федоров постеснялся спросить, какую именно награду прочит для него командир. К чему ему сегодня знать о какой-то плате за ежедневный риск? Все равно гордиться ею в полевых условиях, по меньшей мере, нескромно. Да и не привезут ее за тысячи верст в Испанию на потеху профашистской прессе. В конце концов, он сюда напросился не ради наград и воинских отличий, о чем сразу заявил при встрече с представителями Народного фронта. А все же приятно думать, что где-то за тридевять земель о тебе вспомнят, позаботятся и по-своему оценят бескорыстный труд на благо мировой революции.

Другое дело — подарки мадридской власти. Патефон Ибаррури доставляет удовольствие теперь всей эскадрилье. Он скрашивает напряженный ритм боевых вылетов и даже воодушевляет на ответный честный труд по отношению к дарителям.

А воевать республиканской армии становилось все труднее и труднее. Не хватало оружия, боеприпасов, боевой техники. На один «красный» самолет приходилось девять «черных крестов» противника. Италия и Германия беспрепятственно поставляли мятежникам по морю все необходимое вооружение, включая отборные войска наподобие итальянской дивизии «Черные перья» или немецкой эскадры «Кондор», хотя международные Женевские соглашения запрещали вмешательство во внутренние дела независимых государств. Приток добровольцев, сочувствующих Республике, не делал погоды в междоусобной войне. Только Советский Союз, формально соблюдая нейтралитет, старался секретно, под флагом торгового флота и международного «Красного креста», как-то поддержать республиканцев оружием. Но это был мизер по сравнению с тем, сколько поступало оружия мятежникам по морю, где республиканский флот бездействовал, а Италия с каждым днем все чаще попирала международные правила судоходства.

Усиливала свои позиции на полуострове и немецкая авиация. Особенно досаждали республиканцам бомбардировщики.

И вот два Ивана, Федоров и Косенков, решили разведать

аэродром, откуда совершали массовые налеты обнаглевшие фрицы. Оба считались в группе самыми зоркими. Разведка есть разведка. В ней не положено вступать в бой по собственной инициативе во вред основному заданию. Решение пришло в голову им стихийно, и они вылетели без квалифицированного инструктажа.

Засекли одиночного «хейнкеля» и — к нему. Он тоже их заметил и повернул назад. К себе, значит. Казалось, чего еще надо? Следи за ним как можно скрытнее, и дело в шлеме. Так нет же. Косенков… Что ему взбрело в голову? Взял и напал. Скорее всего, руки зачесались, глядя на удирающего фашиста. Тот ощетинился своими пулеметами, и самопальный разведчик загорелся. Сгоряча и Федоров чуть не ринулся померяться силами, видать, с матерым волком небесной чащобы. Но сдержался. Решил прикинуться овечкой.

Пристроился параллельным курсом на безопасном расстоянии сбоку. Покачал крыльями, мол, ничего страшного: нападать не собираюсь. Поговорить надо. Да немцы и сами прекрасно знали, что пулеметы истребителей могут стрелять только вперед по ходу движения. Придвинулся еще ближе.

Немцы смотрят на Федорова, Федоров — на них. Показывает рукой на сердце, дескать, люблю, сдаюсь, «будь другом». Хочу за тобой. Покачал крыльями. По всей видимости, немцы клюнули на эту удочку. Случаи предательских перелетов испанских пилотов наблюдались с той и другой стороны. Так и подлетели к аэродрому в ущелье между гор.

Бомбардир отвернул в сторону для захода на посадку, а коварный истребитель — вниз и на бреющем полете выпустил длинную очередь из пулемета по выстроенным, как на парад, бомбовозам. Несколько машин загорелось.

На аэродроме все в шоке. А навстречу «ведущий» идет на посадку, газ убрал, шасси выпустил. Как миновать такую легкую добычу? Не утерпел стреляный воробей, врезал своему проводнику от всей души, еще и «спасибо» прошептал.

К этому моменту и охрана опомнилась, зенитки проснулись. Подожгли храбрую «мошку». Мотор отказал. К счастью, самолет успел перевалить через каменную гряду. Так что зенитчики не видели, как летчик вывалился из дымной кабины и спустился на парашюте в соседнее ущелье.

В месте, куда упал Федоров, едва раскрыв парашют, было тепло и сыро. Он еще раз поклялся впредь быть осторожным, благоразумным в выборе молниеносных решений, довольствоваться синицей в руках, а не ловить журавля в небе.

Страх очутиться в плену и разделить участь изрубленного

Бочарова загнал его в такую глухомань, что он потерял все ориентиры, не видел куда, в какую сторону выбираться. Блуждая в предвечерних сумерках по развилинам горного кряжа, наткнулся на тот же разведанный аэродром, от которого стремился подальше уйти. От усталости, отчаяния свалился с ног.

Не стал подниматься: решил отдохнуть, успокоиться, а утром хорошенько осмотреться.

С восходом зари обнаружил, что находится недалеко от взлетного поля. У крайнего, готового к взлету самолета, с автоматом на шее стоит часовой, облокотившись на подкрылки.

Удача, как и промашка, любит риск.

Подкравшись поближе, пленник гор выяснил, что можно попытать счастья с другой стороны. В сознании живо воскресла картина недавно подбитого «хейнкеля», взятого «в клещи» ушлыми ребятами и приземленного на свою территорию соседнего авиаполка. Тогда он осмотрел каждый прибор, ощупал каждый рычажок в кабине пилота. Теперь такая же кабина ожидала его в какой-то сотне метров. Подполз еще ближе и в открытую пошел на цыпочках к самолету. Охранник обернулся на шуршание за спиной слишком поздно: пока тянул автомат из-за головы, тяжелая боксерская рука мастера спорта угодила рукояткой пистолета аккурат по голове.

Дальше все — как по инструкции для новичков: автомат в кабину и за рычаги. Взлетел под суматошный вой сирены и сразу, как только перелетел горный хребет, вниз, на бреющий полет, чтобы потеряться из виду.

На подлете к своему аэродрому его атаковали родные «чатос». Вынужденно снизился с выпущенными шасси до высоты кустарника и по прямой, через виноградники, плюхнулся на подстраховочную посадочную полосу возле аэродрома. Охрана с винтовками наперевес, механики с пистолетами на изготовке подбежали к застывшему чужаку, приготовились к штурму.

Иван шлем, надвинул на брови и руки вверх поднял для большей комичности. Ступив на крыло, рыкнул по-русски, с придыханием, с крепкой закорючкой после тирады:

— Вы меня, черти красные, на руках отнесите к своему Хулио, ядрена вошь! — Шлем сдернул и расплылся в улыбке: исхудавший, чумазый, с фонарем под глазами. — Чего стоите… мать вашу за ногу! Ну?!.

Первым узнал его механик Педро. Закричал от радости:

— Тю, Дьябло рохо! Мама мия! Мой кабальеро! Мой Жуан!

С того момента и прилипла к Федорову невольно вырвавшаяся из груди механика сочная кличка «Красный Дьявол», перекочевавшая из радиовещания в полк. А Пассионария потом

лишь узаконила это прозвище в своих речах перед публикой.

Зато и охранители политической благонадежности на Родине, когда до них дошло донесение об этом невероятном побеге из гнезда «Кондора», записали угнанный бомбардировщик на свой счет с большой закорючкой возле фамилии угонщика.

Угнать самолет с военного аэродрома действительно мог только дьявол. Его стали бояться пилоты из вражьего стана.

Летчики-истребители из воздушной армады «Кондор», узнав о дерзости Красного Дьявола, норовили избегать встречи с ним в открытом бою. Лишь командир бипланов «Микки-Маус» Адольф Галланд высказал желание поохотиться на Красного Дьябло при условии, что он пересядет в новейший истребитель БФ-109. Но командование резонно ответило, что командир «Микки-маус» должен летать на тех же самолетах, что и его подчиненные.

Галланд случайно «встретился» с Красным Дьяволом. Тот, как всегда, был на своей «мышке» с открытой кабиной. Не раз выходивший победителем в стычках с английскими пилотами, действующими в его секторе, немец вынужден был уклониться от боя, еле уволок на свою территорию крылья, изрешеченные пулями «моски».

После этого неприятного случая он притворился больным ревматизмом, обманул врачей и таким способом добился перевода на новый истребитель серии «Мессершмитт-109». Но повторно встретиться с Красным Дьяволом, наводившим ужас на немецких летчиков, ему не довелось.

Глава 7
Исход

Погружаясь все глубже в болото политических амбиций и военной беспомощности в результате нехватки оружия и единого мнения, Республика медленно угасала, уступая врагам один рубеж за другим. Падал и международный авторитет, благодаря ярко выраженной инициативе Народного фронта отстоять демократию в стране с позиций коммунистической партии.

Несмотря на то что простые люди Европы и Америки сочувствовали республиканцам, стремились их как-то поддержать, правящие круги капитализма, напуганные победой Октябрьской революции в России, глушили «красную заразу» в тайне от своего народа. Четко сознавая двойственную политику соседних государств по отношению к Испании, национал-социалистические правительства Италии и Германии, не считаясь с международными принципами невмешательства во внутренние дела независимых государств, усилили военную помощь мятежному генералу с диктаторскими ухватками. Италия ужесточила условия прохода русских судов через Средиземное море. Из-за отдаленности Советский Союз не мог тягаться в военных поставках с фашистской коалицией. Соотношение сил противодействующих сторон в Испании быстро менялось в пользу франкистов и приближалось к смертельно опасной пропорции.

Так что Федоров и его боевые товарищи невольно вступали в бой с численно превосходящим противником.

Чтобы кое-как сохранить превосходство в воздухе над скоростными «мессершмиттами», Иван выбросил из кабины тяжелые броневые плиты, защищавшие пилота от пуль, облегчил таким способом самолет, повысил его тактические способности. Это дало ему возможность действовать самостоятельно, не придерживаясь правил группового боя. В связи с этим возникла необходимость пересмотреть тактику действий боевого звена истребителей, ограничивающую свободу маневра отдельно взятого пилота. Звено из трех самолетов больше заботилось о том, чтобы сохранить строй в бою, не потерять в «собачьей свалке» друг друга и командира звена, чем беспокоиться о нападении на врага. Впервые в практике воздушного сражения Федоров добился права самостоятельно вступать в бой с противником в одной связке с «телохранителем», прикрывающим голый, безоружный тыл атакующего истребителя. В паре с Косенковым «Красный Дьявол» с непостижимой легкостью

врезался в строй бомбардировщиков, вызывая переполох, и короткими очередями в упор расстреливал охваченных страхом противников.

Незащищенный со спины, он требовал от ведомого неотступно следовать за ним, прикрывая с тыла. Иногда он устраивал «чертово колесо», обороняясь от стаи фашистских стервятников.

Колесо, как и «мельница», передвигалось по небу, вселяло ужас в сердца трусливых пилотов, воюющих по принуждению или за большие деньги. Практичные деловые «боши», как правило, не шли на рожон с противником, если не просчитывали успех, не видели выгоды для себя, чего не скажешь о республиканцах и пилотах из России, которые дрались из чувств солидарности с трудовым народом Испании.

Иван дрался из любви и благодарности к тепло принимающему его народу и врожденной страсти к совершенству своей профессии летчика-испытателя по призванию, а не по должности.

Стремление быть первым, лучшим среди окружающих толкало его в объятия риска. И если он впервые становился на этот манящий животрепещущий мостик к новому неизведанному чувству, ничто не могло его свернуть с пути, пока не обрушивались на него такие обстоятельства жизни, из которых нельзя уже было выйти прежним.

Придерживаясь заявленного в Альбасете принципа «мне ничего не надо», «платите наравне с испанскими летчиками», он не заботился о сборе доказательств по числу сбитых самолетов, иные победы дарил своим напарникам. Несмотря на легковесную тенденцию к самоумалению и пренебрежение к своим заслугам, командование высоко оценивало его личный вклад в героические попытки республиканцев отстоять свои рубежи под нарастающим натиском германо-итальянской интервенции и представило к званию Героя Советского Союза, о котором узнал только по возвращении в Москву.

В январе следующего года в их истребительный полк прибыла смена, подготовленная в России исключительно из молодых испанцев, отобранных и посланных на выучку еще в начале гражданского противостояния. Срок командировки подошел к концу, а уезжать не хотелось. Потом и кровью прикипел он к горам Андалузии, к техникам его самолета, готовым в любой момент пожертвовать всем, чем угодно, во имя победы над врагом.

Особенно грустно было расставаться с выразительно молчаливым Педро Муньесом. Хотел было остаться, но раздумал.

Слишком устал он, вымотался за полгода непрерывных сражений на земле и в воздухе. Да и слякотная погода наводила тоску по дому.

А тут еще Елдыкин, оказавшийся каким-то образом на должности инструктора по кадрам при штабе интернациональной авиабригады, самодовольно намекнул, что остаться на вольной должности при штабе прославленному летчику «не светит».

— С авантюрами в воздухе решено покончить.

— А меня штабная работа не интересует, — спокойно ответил ас, заполняя карточку о выезде.

Глава 8
Тридцать пятый

На родине, в авиабригаде под Старой Лугой, его встретили как заслуженного командира не по званию, а по имени-отчеству. Буквально через пять дней после возвращения в родные пенаты Иван Евграфович получил отпуск и на пути, уже из Москвы на Луганщину, встретил Владимира Боброва.

Зал ожидания Павелецкого вокзала, как всегда, кишел уймой отъезжающих и приезжающих. Иван стоял у окошка воинской кассы в ожидании билета и отрешенно наблюдал за потоком пассажиров, только что сошедших с поезда. Нельзя сказать, что он не заметил военного с некоторыми знакомыми чертами лица, но в этот момент кассирша нетерпеливо постучала по окошку:

— Гражданин, не отвлекайтесь! Заберите свои документы.

— Простите. Вы мне даете купе пли плацкарт?

— Купе, купе. Не задерживайте очередь, милейший.

Не успел он засунуть в карман отпускное свидетельство с билетом до Луганска, как сзади его подтолкнул моряк с крабом на фуражке: — Давай, давай, паря, отчаливай.

А сбоку кто-то легонько дернул за рукав:

— Гражданин, не подскажете, с какого вокзала можно…

— Ну, совсем забодали! Дайте бедному отпускнику вздохнуть… О-о! Кого я вижу?! Вовка! Какими путями? — расставляя руки для приветствия, обрадовался задерганный с трех сторон обладатель удачного билета. — А я еще подумал — знакомое лицо. Ух, какой толстый стал! — освобождаясь от объятий, выпалил Иван.

— Не толще тебя. У меня шинель с поддевкой. А ты почему-то похудел, старик. Аня заездила? Аль начальство? Меня с юга в школу подготовки каких-то летчиков-испытателей направили, в Калинин. Не слышал про такую?

— Не знаю. Может быть, и к нам в бригаду попадешь. Мы ведь и по заданию авиапромышленности работаем.

— Да ты где пот проливаешь? На гражданке, что ли? — окинул Бобер его взглядом с ног до головы.

— Это не дело: стоять и кости друг другу перемывать на лету. Давай приземлимся где-нибудь в укромном уголку. Поговорим о том, о сем и нашу встречу, как положено вдвоем, ознаменуем рюмкой водки за столом.

— С чего это тебя стихами несет? Заложил за галстук? Так незаметно. Рад бы, да время не позволяет. Мне нужно в штаб

представиться, билет перекомпостировать. Так что — «адью». Как бросали нам англичане после занятий, помнишь?

— Еще бы! Ладно. Давно из Луганска? Как там наши дома стоят? Вверх трубами? Кстати, знаешь, чем закончилось отчисление для Жоры? Мне баяли, что наш Костыль учился-де в Тушинской школе Осоавиахима, а призвался будто на флот. Врубился? Поменял голубизну неба на серо-буро-сомнительный цвет моря!

— Не знаю. Мне он показался не случайным в нашей школе, — подавая руку на прощанье, проронил враз подтянувшийся командир в короткой щегольской шинельке и шапке-ушанке.

Подгоняемые беспощадным временем, так и расстались они, не насладившись внезапной встречей на вокзале.

А вскоре по возвращении из отпуска, в канун двадцатой годовщины со дня рождения Красной Армии, Ивана Евграфовича вызвали в Москву якобы на краткосрочные курсы профессиональной переподготовки. Но в празднично убранном зале Кремля председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил Иванович Калинин вручил ему в торжественной обстановке орден Ленина в коробочке на бархатной подушечке, золотом тесненное свидетельство Героя Советского Союза под номером 35. Вместе с ним получили звание Героя и другие правительственные награды наиболее выдающиеся представители различных родов войск, отличившиеся в Испании. Всего 162 человека, прошедших горнило войны в угоду амбициозным политикам единого мирового порядка.

Чопорный прием награжденных и присутствие на банкете видных чиновников из правительства по случаю дня Красной Армии заставили всех виновников торжества вести себя церемонно, наподобие красных девиц перед богатыми сватами. Не мудрено, что на следующий день обласканные сверху вояки решили отметить многозначащий для них день февраля в интимной, сугубо военной обстановке в актовом зале Центра переподготовки командного состава на площади Коммуны, где они были временно расквартированы.

Очень многие из награжденных, в основном москвичи и командиры, имеющие временное пристанище в столице, по случаю праздника переоделись в гражданское, чтобы вольготнее чувствовать себя за столом, не соблюдая уставное чинопочитание.

После краткой вступительной речи начальника Центра первый тост по традиции предложили в честь славного дня Красной Армии, одержавшей двадцать лет назад первую победу над немецкими захватчиками под Нарвой. Потом выпили, тоже по

традиции, за здравие вождя и учителя всех трудящихся — товарища Сталина. Разгоряченный герой испанской кампании попросил поднять бокалы за тех, кто сражается на баррикадах Мадрида. Какой-то чин, колоритно выпятивший грудь, провозгласил тост за танкистов.

Пытаясь опередить очередного оратора, сидевший рядом с Иваном «Лев мадридского неба» призвал чуть притихший зал выпить за храбрые «чатос» и «сталинскую авиацию». «На сегодняшний день это самый важный род войск, способный коренным образом влиять на исход войны», — заявил он.

Ему возразили, что судьбу сражения всегда определяла матушка-пехота.

Под этот аккомпанемент зарождающегося спора «генерал Дуглас» вылез из-за стола, за которым сидело руководство, и скрылся в боковую дверь. Вслед за ним бесшумно испарилось, пользуясь суматохой, и остальное начальство, отчего зал облегченно вздохнул.

Некоторые участники пиршества тоже покинули свои стулья, подавшись на поиски то ли друзей за другими столами, то ли курилки. На освободившееся место рядом с Иваном примостился полакомиться мороженой клюквой франтоватый незнакомец в темном костюме при галстуке. «Подсадная утка, что ли?» — подумал Иван и отвернулся от нового соседа.

А шум нарастал в атакующем стиле. Усатый пушкарь в пьяном раже с запозданием выкрикнул, что главная роль в сражении принадлежит не авиации, а артиллерии.

— Всему голова — бронь! — потрясая подбородком, безапелляционно заявил упитанный майор, стриженный «под бокс».

— А ты видел, как танки валят деревья? — взъерошился совсем окосевший водитель брони.

— А ты видел, как тонут корабли? — с лукавинкой в глазах обратился к тому предводитель группы моряков.

— А ты видел, как взлетают сталинские соколы под раскаленным солнцем Гренады?! — на полном серьезе подхватил словесную игру всегда мажорно настроенный Иван, вскакивая с высоко поднятым кулаком. — Рот фронт!

Неуклюже вылезая из-за стола, сосед задел рукой графин с водой, опрокинул стул. Раздался звон треснувшего стекла.

Шмелиное жужжание переросло в неясный гул взбалмошных реплик и выкриков подвыпивших героев Сиера-де-Гвадаррамы и Гренады.

И тогда поднялся угрюмо сидевший, ни с кем не общавшийся франт, подстриженный то ли под давно удравшего за границу

мистера Керенского, то ли под недавно назначенного наркома Ежова. Пристукнув кулаком по столу и рассупонивая красный галстук, он властно гикнул:

— Тихо! Садись по местам! Не забывайте, где находитесь.

— А ты кто такой, чтобы командовать? Мы у себя находимся, — взвился сидящий напротив Остряков. Послышались и другие недовольные восклицания.

— Молчать, щенки кремлевские! Вы все у меня на мушке! — При этом разгневанный франт выхватил из потайного кармана на заднице маленький наган и направил его на «щенка» из морской авиации, осмелившегося перечить человеку из ежовской охранки.

То, что случилось потом, Иван назвал реакцией кобры. Кобра не нападает на животное, которое не может проглотить.

Но когда ей наступают на хвост, она может ударить и слона. Подсевший шпик задел самолюбие не только морского «щенка». Реакция боксера, помноженная на честолюбие героя, похожа на удар кобры, которую пихнули сапогом, как никчемную тварь. А кобра-то — царских кровей. Молниеносный удар левой по кисти, держащей ствол, и тут же — хук правой в скулу поднял с места всю армаду награжденных. Раздался выстрел, — и… франт, гулко стукнувшись головой о цоколь камина, растянулся на кафельном полу, подозрительно затихнув.

Выстрел хлопнул едва ли не одновременно, к счастью, никого не задев. И хотя Иван по-быстрому ретировался подальше от греха, его в ту же ночь разыскали в кубрике курсантов и вызвали на предварительный допрос. Там он и узнал, что «франт» действительно «был, к сожалению», как проговорился комиссар, сотрудником управления государственной безопасности и выполнял на вечере особое задание.

«Эге, — смекнул Иван. — Значит, защита чести и достоинства — верный путь к оправданию. Плюс — самооборона. Наганом же угрожал. Все видели».

На утро — опять допрос. Но теперь уже — с участием особо уполномоченного от наркомата обороны. Сыщики военной прокуратуры старались выстроить схему случившегося в пользу пострадавшего и обвинили Ивана в том, что он якобы первым, по свидетельству некоего лица, напал на потерпевшего. Не «погибшего», в чем уже не сомневался Иван Евграфович, а именно — «потерпевшего».

Следствие явно лукавило, делая ставку на неосведомленность допрашиваемого. Иван отказался подписать протокол допроса с такой подоплекой случившегося: она легко могла обернуться, при желании, в дело об убийстве. Выгораживая честь мундира, прокуратура и следствие никак не могли примириться с тем, что

смерть «неприкосновенной личности» из управления НКВД произошла не в результате несчастного случая, а преднамеренно. Все попытки Вани доказать, что он действовал в пределах самообороны, отметались следствием, так как в уголовном кодексе не было даже статьи о самообороне. Статья же о врагах народа была. И статья о сопротивлении органам НКВД толковалась односторонне, не допуская ответных действий в состоянии экстаза, испуга или условного рефлекса. Отсутствие или даже несовершенство какого бы то ни было закона заменялось телефонным звонком «сверху».

Таким образом, убийство в застенках НКВД заранее оправдывалось политическими мотивами. Достаточно подшить в дело подметное письмо или показания свидетеля.

Свидетель нашелся. По его словам, первым ударил Федоров. Выстрел прозвучал потом, в результате, так сказать, ответной реакции. Словом, сфабриковать дело для ежовских чекистов — проще пареной репы. Было бы указание свыше.

Но обвинить Героя в преднамеренном убийстве на глазах у доброй сотни воинов, удостоенных высоких правительственных наград, не так-то просто. Тут уж штаб Красной Армии и Воздушных Сил не поленился заступиться за своих «щенков». Особенно горячо защищал своих подопечных Яков Смушкевич. Ему даже инкогнито по телефону советовали «не совать свой нос в чужое дело».

В итоге маршал Ворошилов вызвал летчика к себе на ковер. Нарком, не выслушав до конца краткое — «явился по вашему приказанию», как стоял у окна спиной к двери, так и бухнул на голову своего любимчика жесткое обвинение:

— Скажи! Зачем убил этого охламона?

И по тому, как резко повернулся лицом к нему маршал, как грозно шагнул навстречу, в голове Ивана мелькнула шальная мысль: «Сейчас ударит, не сдержит гнева, батя». И сердце его замерло не от ожидания удара, а тяжести приговора. Мало ли чего наговорили сердобольные защитники погибшего, не дай бог, из семьи влиятельного чина? Но… странное дело. На сердце отлегло, когда ему втемяшилось колоритное слово «охламон». Значит, чин — мелкий, и кто бы что ни наговорил Клименту, маршал в обиду его не даст.

— Я не убивал, товарищ маршал. Хоть убейте — не виноват.

— Как же не убивал, если убил! Что же они все врут мне, что ли? Даже твой генерал Дуглас?

— Я не хотел… Он же стрелять собрался в товарища, — потупился Иван, осознав детскую прямоту своего отрицания вины.

— Верю. Садись за стол. Вот бумага, ручка. Пиши объяснительную, что в состоянии возбуждения не рассчитал силу удара. А ты, Мишенька, возьми с него расписку, — обратился маршал к своему адъютанту, скромно стоявшему в сторонке у окна, — что он два года не будет брать в рот спиртное. Лазарь Моисеевич правду сказал: нету хлопот — заведи себе земляка, — пробурчал маршал, нервно засовывая какую-то папку в ящик стола, так и не присев за него.

Через какие-то двадцать минут, когда пропесоченный маршалом и проутюженный адъютантом опальный летчик ушел, на стол секретаря легла расписка: «Народному комиссару обороны товарищу маршалу Ворошилову К. Е. — Я, Иван Евграфович Федоров, капитан 69-й авиабригады, даю честное комсомольское слово летчика-истребителя не пить, не брать спиртное в рот два года и всю последующую жизнь на службе в авиации, о чем и расписываюсь. 26 февраля 1938 года».

На следующий день всех награжденных собрали в Краснознаменном зале Центра, но за столом президиума сидели незнакомые угрюмые лица третьестепенной важности из Верховного Совета СССР и генерального штаба Красной Армии. Один только генерал Дуглас сохранял ясное, благосклонное выражение лица на фоне застывших масок грозного равнодушия, выставленного в ряд за представительским столом. В заключение своего краткого назидания генерал сказал:

— Воевали вы геройски. Честь и слава вам во веки веков. Награды заслужили неимоверным трудом и кровью. А все — насмарку. Все — коту под хвост. Оскандалились на всю страну. Пусть вам этот пьяный дебош послужит суровым предупреждением на будущее. Чистого вам неба над головой!

Вслед за ним поднялся какой-то секретаришка и зачитал Постановление Верховного Совета об отмене ранее изданного Указа о награждении.

После этого каждый награжденный по одиночке заходил в приемную начальника Центра, оставлял свою награду и расписывался в приемо-сдаточной ведомости. Из понурого притихшего здания выходили тоже по одиночке, тяжело вздыхая и проклиная живучесть народной поговорки: один — за всех и все — за одного.

А еще через день сослуживцы с помпой встретили своего товарища, сошедшего с поезда, как всамделишного героя. Командир полка доверительно сообщил, что комбриг выхлопотал в городе по такому случаю двухкомнатную квартиру с телефоном.

— Так что в самый раз можно убить сразу двух зайцев: обмыть и почетное звание, и новые апартаменты, — добавил он,

довольно потирая руки.

Поеживаясь на морозе в кожаной курточке, Иван Евграфович без должного воодушевления, натужно улыбаясь, ответил:

— С новосельем придется повременить. Дайте опомниться после кремлевской перетряски.

— А мы для тебя газету с Указом сохранили, — очень некстати радостно доложил Байстрюк.

— Да покажи хоть орден. Какой он? — нетерпеливо дернул за лацкан курточки механик.

— О! В нашем полку прибыло! Рад назначению. Держи краба! — протянул руку замельтешивший Герой невесть откуда взявшемуся Боброву. — Не на мое место?

— Ты как в воду смотришь. Завтра уезжаю в Одессу, а оттуда в Испанию. Да ты давай раскрывайся. Не стесняйся. Народ жаждет зрелища! Давай показывай, — непринужденно, на правах старого знакомого взялся командовать другом бывший секундант рыцарского поединка за оградой летного училища.

— Да вот! — почти злобно, двумя руками разодрал куртку Иван с такой силой, что пуговицы полетели в стороны, обнажая грудь с двумя орденами Красного Знамени.

— А где же орден? — озадаченно уставился на его куртку все еще ничего не понимающий Байстрюк, в то время как все остальные почувствовали что-то недоброе, непоправимое в делах товарища, потерявшего над собой контроль.

— Да вот он, тут, — скосив глаза, загадочно ткнул пальцем себя в грудь Иван и со вздохом добавил: — Был. Вот дырочка от него осталась, Усекли?

— Это еще интереснее! Пошли расскажешь, — не сбавляя мажорного настроя, нашелся Бобров среди всеобщего молчаливого недоумения. — Все пройдет. Останется лишь дым воспоминаний.

— Нет, друзья. Никуда я не пойду. Расписку дал. Спасибо за встречу. Я перед вами в долгу. Все потом узнаете. А сейчас не могу. Сейчас домой. Как, Пантелей Родионович? Подбросишь?

— Нет возражений. Едем, — за всех ответил Байстрюк.

Часть 3
Горячие точки

Глава 1
Китай чанкайшийский

Еще перед награждением, пользуясь тем, что всесоюзный староста непринужденно знакомился с прибывшими на прием летчиками, Иван Евграфович обратился к нему с просьбой отправить его в Китай «познакомиться с японскими самолетами».

Надо заметить, что он никогда не выражал свои заповедные желания прямо. Всегда излагал свою просьбу несколько завуалировано. Так было и при обращении к Ворошилову «проявить русский характер в Испании». Так само собой вылилось и при Долорес Ибаррури, когда он предложил платить русским летчикам «наравне с испанскими специалистами». Так получилось и при обращении к председателю Президиума Верховного Совета. Художник по натуре, он любил заинтриговать, вызвать интерес собеседника, облекая свои мысли как можно экзотичнее. И в этом он подражал романтику Громову, перед которым в душе благоговел.

Вот и сейчас, ступив на коврик новой квартиры, он натянуто бодро бухнул прямо с порога:

— Ну, родная, готовь панихиду по убиенному герою Испании!

Но Аня бросилась обнимать его, целовать, приговаривая:

— Вот и гарно! Я оладьев, сырников испекла! Бобров приходил, в Испанию собрался. Да ты совсем окоченел! Раздевайся! Наденешь шерстяной свитер. Там тебе письмо и телеграмма. Нехорошая телеграмма. В министерство вызывают. Только приехал и опять туда. Что-нибудь случилось? Рассказывай. Что ты стоишь, как в воду опущенный?

— Хуже. Ограбленный. Что за телеграмма? — оживился Иван. — Ага, Министерство иностранных дел. Терпимо. Все же… не НКВД.

Не успел явившийся хозяин оглядеться в новой квартире, прийти в себя от поцелуев жены, от озноба телеграммы и мартовской изморози, как в дверь постучали.

— Кого еще нелегкая несет? Не дают и наглядеться на тебя, — спохватилась от плиты и без того возбужденная Аннушка. Оказалось, пришел посыльный от самого Демидова: явиться завтра к десяти ноль-ноль за выпиской из приказа.

— Ох, час от часу не легче. Если ночью не придут за мной, значит — твое счастье, Аня. По нынешним временам ночь, проведенная в любви, уже счастье для нас. Ежовщина… она горче волчьей ягоды.

— И какой поп, толоконный лоб выдвинул его на этот пост? Карлик, а строит из себя богатыря. Неужели Джамбул Джабаев слепой? Слагает песни на старческий неверный слух?

— Там такой и нужен, солдафон, не рассуждающий исполнитель вышестоящих… А ну их в гузно, эти органы! И хватит об этом. И никому ни гу-гу. Понимаешь? Орден у меня отобрали. Я сейчас у них как заноза на заднице: мелочь, а вытащить прилюдно, чтоб не осрамиться, не могут. Вот и вертятся они вокруг меня, как крысы вокруг ежа: и хочется, и колется. А вообще, лучше о политике молчать. Драка-то наклюнулась знатная. За мировое господство. Чуешь? Власть должна быть одна. Я в Испании это понял. Когда просился туда, перед маршалом Тухачевским трепетал из почтения к его таланту. А вернулся: не знаю что и думать о нем. Неужели мешал кому-то, рвался еще выше? Куда? Вот вопрос?

— А ну их! Брось ломать голову об этом. Давай садись к столу, пока оладьи не остыли. Главное, ты жив, а звезды, звания и власть — суета жадных. Не гонись за ними.

— Дык… я и не гонюсь. Мне лишь бы летать да с тобой не разлучаться. Ух, сырники! Прямо тают во рту, словно ломтики торта на меду.

На другой день в штабе авиабригады ему вручили приказ с командировочным удостоверением явиться в Москву, в распоряжение Министерства иностранных дел. «Неужели в Китай?» И только после этого он окончательно поверил, что гроза миновала. В худшем случае его арест отложили до более весомого момента, чем гибель опьяневшего дурака.

Через три дня он был уже в Алма-Ате с предписанием возглавить на северо-западе Китая опытную станцию по ремонту и облету самолетов, поступающих из СССР через Казахстан в город Кульджу для армии Чан Кайши, ведущей борьбу с японскими захватчиками.

Вначале Иван Евграфович чувствовал себя удовлетворенно, обустраивая перевалочную базу и военный аэродром. Сложнее оказалось дело с организацией питания для обслуживающего персонала. Китайские власти пустили эту проблему на самотек, полагая, что летчики, как и все остальные рабочие, могут обходиться горсточкой риса, строго выдаваемой по разнарядке из городских запасов.

Шла война, и в отсталой полуфеодальной провинции царили частнособственнические порядки. Потеряв всякую надежду на власть, голодные авиаторы обратили свои взоры на бескрайние отроги Тянь-Шаня и верхнеилийские степи Синьцзяня. Заправив пулеметы патронами и прихватив телефонные провода, два

истребителя вылетели на разведку пищевых природных ресурсов дружественного Китая. Задача проста — добыть мясо. Голод гонит волка из леса, а мужика — в лес.

Степи северо-западного Китая — это та же казахстанская полупустыня, подчас ровная как стол, отшлифованная ветрами будто специально для посадки непривередливых «ишачков». Так что истребители вернулись на базу с богатой добычей, увязанной на крыльях возле кабины.

Охота в степи на сайгаков с истребителей совершенствовалась с каждым вылетом и скоро превратилась в настоящий промысел с переработкой мяса впрок. Отходы и шкуры шли в качестве платы за труд подсобным рабочим. Такой уловкой были частично реализованы новаторские способности Ивана. Не мытьем так катаньем, питание улучшилось, и скука снова заполонила душу летчика, ибо нудная работа чиновника в глубоком тылу, вдали от главных событий не очень-то его интересовала. И скоро он добился от главного военного советника при штабе вооруженных сил Китая разрешения переместиться поближе к фронту. Вместе с новой партией советских истребителей он перелетел в город Ханькоу, где его тщательно, как в Испании, засекретили под китайским именем Ван Фоджэ.

Если в Кульдже, в долинах реки Или, зеленую тоску по живому делу можно было развеять в охоте на сайгаков, полагаясь только на себя, то на фронте, застывшем в низинах величавой Янцзы, развлечения в воздухе пришлось строго согласовывать с общими боевыми задачами. На фронтах инициатива принадлежала японцам. Имея хорошие, скоростные самолеты и отличную выучку, японские пилоты были чрезвычайно опасны еще и тем, что нападали всегда исподтишка, используя в бою до конца, до последних секунд присущие Востоку хитрость и коварство.

Китайское командование решило совершить налет на захваченный противником город Нанкин. Удар бомбардировочной авиации по аэродрому в предрассветной мгле оказался настолько чувствительным, что все стали ожидать такого же ответного, не менее жестокого нападения. Посовещавшись с военным атташе Рычаговым о том, что нужно как-то добыть японский самолет целехоньким и переправить его в СССР для исследования, Иван испросил разрешения летать на задание в паре с Губенко. Раз слетали, два — безрезультатно. Затея провалилась: японские истребители в одиночку над территорией противника не летали.

А в группах сопровождения если и оказывались подбитыми,

то почему-то погибали, хотя могли вполне благополучно в отдельных случаях приземлиться. На худой конец, пилот мог бороться за жизнь с помощью парашюта. Ходили слухи, что все японские летчики прикованы к самолету цепями. Но это слухи. На свою территорию они ведь приземлялись! И подбитые, и горящие. Где правда?

Приближался день рождения микадо, Китайское командование ждало со стороны верноподданных императора «гостей» с подарками и сосредоточило вблизи Ханькоу до сотни истребителей.

В этом сражении советским летчикам удалось уничтожить более двадцати самолетов противника. Удача не отвернулась и от тайного советника Ван Фоджэ. С его «помощью» один бомбардировщик совершил вынужденную посадку в поле. Вслед за бомбовозом туда приткнулась и «ласточка» Ивана, чтоб помешать самураям взорвать самолет и скрыться. Не вылезая из кабины, он два раза пальнул из пулемета поверх копошившихся у самолета японцев, давая понять, что не намерен стрелять прицельно. Треск пулемета и свист пуль над головами японцы поняли по-своему и дружно бросились в ближайшие заросли бамбука, не дожидаясь стрельбы на поражение. Прибывшие солдаты оцепили рощицу с двух сторон, и беглецам ничего не оставалось, как только сдаться в плен. К величайшему удивлению советского летчика среди членов экипажа подбитого «мицубиси» оказалась миловидная девушка в военном френче.

Когда пленных доставили в штаб полка, Иван Евграфович не удержался задать загадочной девушке волнующий его вопрос:

— Как вы оказались в самолете?

— Как и все, — сухо ответила узкоглазая, даже не взглянув на вопрошающего хотя бы уголком глаз.

— Что вы делали в полете? — продолжал допытываться чуть-чуть ужаленный невниманием высокий импозантный европеец с чисто русским лицом.

— Наблюдала за поведением экипажа в бою, — глядя на переводчика, уверенно отчеканила маленькая фея большого самолета.

— Это, что ж? Вроде комиссара? — пораженно заключил бывалый летчик, покосившись на комиссара полка. — Ну, япошки, ну дают! У нас до этого еще не дошли.

— Да нет, хватай пониже. Вроде психолога, — неуверенно протянул Рытов, раскрывая пачку «Казбека» дрожащими пальцами.

Рытов не был авиатором и всегда остро переживал малейшие намеки на его должность, как бы не по специальности, не по роду

войск. В данном случае, сравнение его, не летающего, в полном смысле этого слова, комиссара авиаполка, с летающей девицей сильно задело. Обидевшись, он дотошливо стал расспрашивать «коллегу» по воспитанию, надеясь выяснить ее обязанности в полете, чтобы еще больше доказать, как ему хотелось, профессиональный разрыв между ним, комиссаром, и «наблюдателем».

И действительно, обязанности ее были предельно просты, даже смешны. Это ж надо! Фиксировать, к примеру, интонацию голоса пилота или мимику стрелка. Зато права у нее оказались такие, какие бедному комиссару только снились. По ее рапорту и рекомендациям летчика могли отстранить от полетов, снять с должности и даже расстрелять, скажем, за проявленную трусость или за неблагозвучное слово в адрес божественного императора.

После такого открытия Иван Евграфович долго не мог уснуть, перебирая в памяти свои встречи с вождями страны и непристойные анекдоты о них в кругу товарищей.

Глава 2
Китай маньчжурский

Сосредоточив под покровом ночи на аэродроме подскока огромные силы авиации, китайцы совершили внезапный налет на главную базу снабжения японских войск — остров Формоза именно в день рождения микадо. Удар потряс захватчиков как гром среди ясного неба. Правительство Японии сместило с должности губернатора острова, а начальника авиабазы в городе Тэйбей отдали под суд за допущенную беспечность и плохую работу. Активные боевые действия японцев поутихли.

Выполняя поручение ЦАГИ, Иван Евграфович не без приключений перелетел на подбитом им и потом отремонтированном японском истребителе из Ханькоу в Кульджу. Сдав трофей и полетную характеристику на него начальнику базы, он без передышки полетел, согласно новому предписанию, в приграничную зону Маньчжоу-го недалеко от Благовещенска — Хэйхэ, где фактическая власть безраздельно принадлежала партизанам национально-освободительного движения Китая.

В Благовещенск Иван вызвал Аню, снял квартиру для нее, а сам переправился на правый берег Амура для организации учебно-тренировочного центра по подготовке китайских летчиков, способных овладеть управлением советскими самолетами. К этому времени японская военщина, недовольная помощью Советского Союза Китаю, решила проследить реакцию советского правительства на провокационную вылазку у озера Хасан, чтобы с позиции силы понудить Советский Союз отказаться от помощи Китаю.

Подготовка китайских летчиков в глуши партизанского края не увлекала опытного бойца, и поэтому Федоров всеми правдами и неправдами искал возможность очутиться в гуще более грандиозных событий, чем возня с обучением летному делу китайцев советского происхождения, собранных по всему Дальнему Востоку. И такой случай ему представился.

Когда японская военщина затеяла провокацию у озера Хасан, разгромить вторгшихся самураев было поручено комкору Штерну, только что вернувшемуся из Испании. Узнав об этом, Иван отправился на «ласточке», как любовно назвали в Китае «мошку», в штаб Особой Дальневосточной армии. Там он связался с командиром отдельного армейского корпуса. Штерн благосклонно отнесся к желанию летчика «набраться опыта» у японцев, и уже на следующий день Иван принял участие в

операции по обнаружении противника, просочившегося на территорию СССР.

Временно приписанный к аэродрому истребительной авиации, он вылетал на разведку с особого разрешения начальника штаба. Помимо разведки он пытался на свой страх и риск охотиться за одиночными самолетами врага, которые, к его изумлению, не вступали с ним в бой, а поспешно уходили в глубь своей территории, куда залетать ему строго запрещалось.

Комкор не мог приписать его к своей авиации без разрешения высших органов военно-воздушных сил, что в общем-то устраивало партизанскую натуру Ивана. С одной стороны, он не нарушил воинский устав, самовольно «откомандировавшись» по делу в штаб Дальневосточной армии, с другой — ему развязывала руки та суматошная, как всегда на первых порах, военная обстановка, при которой всякое патриотическое начинание приветствуется и поощряется. Только вот официально поощрить Ивана за сбитые самолеты было невозможно. Партизан, чужак! За это из Москвы никто бы не погладил по головке ни Ивана, ни командование Дальневосточной армии, которое и без него уже стонало от очередной чистки командирских рядов от «врагов» народа и предателей, выявленных государственными органами безопасности по подсказке японской контрразведки.

Впрочем, прирожденному летчику награды не так уж и важны. Высшая награда для него — летать. Поэтому в конце июля, когда фронт, казалось, притих перед наступлением Красной Армии, а водная поверхность озера чуть-чуть рябила от легкого дуновения ветерка, тянувшего со стороны Японского моря, Иван Евграфович вылетел на разведку в надежде встретиться с одиноким самураем и помериться силой.

Ему повезло. С юга на север озеро спокойно пересекал одинокий истребитель. Обрадованный Иван ринулся в атаку. Противник резко отвернул в сторону и огрызнулся пулеметной очередью. Иван зашел ему в хвост и с дальней дистанции врезал, что называется, от души. Самурай задымил и круто рванулся вниз, переходя на бреющий полет, стремясь дотянуть до своего берега. Бросив преследование, краснозвездный ястребок взмыл вверх, чтоб осмотреться. Как ни странно, но падения подбитого им самолета он не увидел, Зато опять обнаружил одинокий самолет, как две капли воды похожий на подбитый, барражирующий над своим берегом. Иван спикировал на него по наклонной, намереваясь ударить сбоку, но не тут-то было. Самурай неожиданно свалился на крыло, раза два беспорядочно перевернулся и, выровняв машину у самой земли, стал уходить в глубь маньчжурских сопок, явно рассчитывая на преследование.

Игра на добивание противника, удирающего в глубь своей территории, не понравилась бывалому летчику, и он повернул домой, не стал подвергать себя риску угодить в ловушку.

Опыт испанского добровольца — летать парами, а не тройками — не был востребован. По-прежнему истребители летали звеньями по три машины, что снижало эффективность боя.

К счастью, японцы тоже не были обучены групповому бою. Потери с обеих сторон складывались в пропорции один к одному.

В разгар сражения комкор дал команду поднять в воздух полк истребителей, к которому присоединился и временно приписанный Федоров. Набрав высоту, он сверху, подражая подбитому ястребу, переваливающемуся с крыла на крыло, буквально свалился в середину колонны бомбардиров и на глазах оторопевших япошек поджег двухмоторный самолет. Ему тоже досталось. Поврежденную машину он посадил на ближайший аэродром, возле которого упал подбитый им бомбовоз. Японцы спустились на парашютах, и он стал свидетелем первого допроса пленных.

Когда красноармейцы, изловившие парашютистов, передавали из рук в руки хозяевам аэродрома пленников, то они передали и клинок, отобранный у коренастого большеголового пилота. На рукоятке кинжала просматривались какие-то иероглифы, смысл которых никто, разумеется, кроме пленных, не понимал. Клинок как трофей под общее веселое настроение вручили победителю. Не зная, что с ним делать во время, так сказать, стихийного допроса, Иван машинально вертел подарок в руках, разглядывая испещренную значками рукоятку, изредка бросая взгляд на бывшего владельца холодного оружия.

Пилот держался гордо, отказывался отвечать на вопросы. Стрелок-радист вел себя проще, но ничего существенного не мог сказать: то ли действительно не мог, то ли не хотел. Третьей персоной оказалась девушка. К ней, вероятно из джентльменских соображений, никто не обращался с вопросами военного характера, считая ее присутствие в боевом самолете каким-то недоразумением. Лишь Иван знал, какая это важная птица порхает вместе с летчиками его императорского величества, но помалкивал, выдерживая роль стороннего наблюдателя.

Оказавшийся поблизости от аэродрома комкор видел воздушный бой своими глазами и заинтересовался пленными:

— Есть что-нибудь новое о дальнейших намерениях японского командования? — спросил он командира полка.

— Ровным счетом ничего. Главный из них молчит, а от этих шестерок толку мало, — кивнул головой командир на радиста и

девушку, затянутую, на манер кимоно, в летный комбинезон.

— Ничего. Приставят к виску дуло — заговорит, — обронил Григорий Михайлович, залезая в машину. — Передайте их разведке.

— Понял, гад! — вытащил пистолет командир и приставил его к уху окаменевшего самурая, когда машина комкора отъехала. — Не скажешь название своей эскадры — тебе каюк. Пух, пух — и конец, — выразительно завершил сцену допроса полковник, отдавая распоряжение коменданту отвести пленных в особый отдел.

— Вас расстреляют, если будете молчать и скрывать правду, — счел нужным добавить переводчик, обращаясь к пилоту.

И тут Ивана осенило узнать, что означают иероглифы на рукоятке короткого тесака, похожего на турецкий ятаган? Он выступил вперед и попросил переводчика:

— Пусть расшифрует надпись на эфесе клинка.

Но появился комендант с тремя красноармейцами и приказал увести пленных. Японец-пилот, оглядываясь на своего победителя, стоящего с клинком, вдруг отвесил поклон командиру и попросил его разрешения попрощаться с личным оружием по законам страны восходящего солнца.

Все опешили, затихнув в нерешительности. Как это — распрощаться? Зачем ему клинок? И так как никто не знал законов самурайской касты, все посмотрели на командира. Командир уставился на пилота. Но не прочитав на смиренном лице пленного ни тени злого умысла, ни черточки агрессивности, махнул рукой:

— Давай, прощайся.

Самурай опустился на колени, сложил ладони домиком и что-то прошептал. Потом поднял голову на Ивана и руками показал, что ему нужен клинок. Тот мгновенно сообразил, что от него требуется; и пока все остальные думали, что и как в таком случае предпринять, подхватил кончик лезвия второй рукой и на вытянутых руках торжественно преподнес тесак хозяину, отойдя в сторону. Японец бережно положил клинок на землю.

Трижды ему поклонился. Потом взял холодную сталь пальчиками рук за оба конца и медленно встал, отрешенно взирая на хмурое небо, которое уготовило ему позорную участь побежденного воина императорской гвардии.

Вытянувшись в струнку с высоко задранным подбородком, пилот картинно поцеловал лезвие ножа и сверху, как держал его на полусогнутых руках, молитвенно возносясь в небо, ухватился и второй рукой за рукоять.

Всё остальное произошло для всех присутствующих, кроме, ясное дело, пленных, так неожиданно и молниеносно, что никто не успел издать ни единого звука, не то что движения. Лишь вырвался из груди какой-то утробный вздох, соединивший и страх, и боль, и сожаление души, истерзанной клинком.

Когда тесак глубоко вошел в живот, лицо несчастного исказилось предсмертной улыбкой. Так с усмешкой дьявола и завалился он на травяной покров летного поля прежде, чем кто-либо сдвинулся с места. Федоров первым подскочил и выхватил нож из коченеющих рук самурая. Но было уже поздно.

Распоряжение отправить пленных в особый отдел контрразведки рассыпалось на несколько разноречивых предложений и рекомендаций. В конце концов явился командир из контрразведки, составил подробный акт о смерти самурая и приложил к нему изъятый из рук Федорова клинок, как вещественное доказательство ритуальной смерти. Тут-то и расшифровали загадочные иероглифы. Надпись на рукоятке гласила: «Смерть от клинка снимает все грехи».

Потрясение, пережитое наслоившимися за один день событиями: сбитый японский бомбовоз, харакири самурая и допрос особо уполномоченным инспектором Копировским по поводу смерти «ценного», как он выразился, «языка», заставило Федорова срочно завершить самопальную командировку на Хасан и с разрешения самого Штерна вернуться в Благовещенск «к своим баранам», хотя Копировский и запретил ему покидать зону расположения армейского корпуса до завершения дела «о преднамеренной смерти пилота». Такая формулировка ни у кого не вызывала возражения в процессе дознания, главным свидетелем которого проходил Федоров. Благодаря такому определению смерти Иван Евграфович, «на свою голову» сваливший японский самолет, по законам казуистики мог превратиться в соучастника, а затем и в главного виновника, «преднамеренно» вложившего в руки смертника холодное оружие.

Он понял это уже потом, спустя год, когда сгустились тучи, над головами всех участников испанской эпопеи, якобы причастных к поражению не только Народного фронта в борьбе с мятежниками, но и к провалу операции по уничтожению главного противника Сталина — Льва Троцкого, инкогнито появлявшегося тогда в Испании.

Это потом. А сейчас он только смутно чувствовал надвигающуюся грозу в нудных мелочных вопросах следователя: что да как сказал комкор или командир полка? Какое у него, летчика-испытателя, отношение к ним? Почему оказался в приграничной зоне? Сколько раз и по заданию кого пересекал

государственную границу на самолете? Обо всем этом он рассказал Штерну да еще и признался, что на него еще в феврале завели уголовное дело за драку в центре переподготовки командиров.

Григорий Михайлович посоветовал ему немедленно улетать, несмотря на подписку не покидать зону дислокации воздушных сил корпуса, не подозревая, что «ежовы рукавицы» протянулись и к нему, по долгу службы соприкасавшемуся с троцкистами в Испании. Но командующий Дальневосточной армией Блюхер не дал в обиду своих командиров.

И тогда арестовали Блюхера.

Из Благовещенска Иван написал письмо Чкалову, жалуясь на однообразие и скуку в глуши маодзедуновской вотчины, куда не залетают даже японские гуси, не то что — самолеты. Не исключено, что глас вопиющего в предгорьях Малого Хингана Валерий Павлович услышал своевременно, и летчик, взятый особистом Дальневосточной армии «на крючок», отбыл по требованию Центрального авиационного института в Москву как раз тем ночным поездом, из которого вышел следователь по особо важным делам «Копирка», прибывший из Хабаровска.

Глава 3
Прокрустово ложе испытателя

В Москве Иван Федоров в первую очередь засвидетельствовал свое почтение начальнику НИИ аэронавтики, от которого получил вызов, а потом уже встретился со своим наставником в летно-испытательной практике Валерием Чкаловым.

Комната испытателей на Ходынском поле всегда ходила ходуном от жарких споров посетителей, зажигательных высказываний учителей пилотажа, хохота любителей анекдотной «клубнички» и мало располагала к серьезному обмену опытом полетов. Несмотря на это, Чкалову удалось урывками рассказать о создающемся на заводе новом самолете конструкции Поликарпова И-180, «который придет на смену «Чайке» и заткнет за пояс многие истребители мира».

— Перебирайся в Москву. Мне дали приличную квартиру у Курского вокзала на Садовой, а ты занимай мою хавиру.

— Спасибо. Это как скажет Аннушка. А когда выведут на прямую вашего иноходца?

— Иноходца? Сейчас он больше смахивает на лошадь Пржевальского. Думаю — в ноябре. Все спешат, торопятся. Все — давай, давай! Пятилетку — за четыре года. Немцы уже вывели на простор своего «Мессершмитта-Е». Мы должны превзойти его в скорости и мощности огня. Иначе — зачем мы здесь? Только небо коптить? Так, что ли, сокол? Из какой там стаи, говоришь? Чанкайшийской?

— Сталинской.

— Сталинской так сталинской. Пусть будет по-твоему. Переходи под крыло Николая Николаевича. Он и крышу даст, — весело, с каким-то легким озорством просвещал великий Испытатель своего птенца из гнезда Поликарпова.

Иван спрятался под крышу комбрига Чкалова в студеную ночь двадцать первой годовщины Октября, когда разгулявшиеся чекисты Ежова нагло оклеветали и расстреляли Блюхера за то, что маршал не согласился дать на своих сослуживцев заведомо ложные показания.

В холодное декабрьское утро опытный образец нового истребителя вытянули из заводского корпуса на заледеневшую дорожку центрального полигона. Полюбоваться первенцем и оценить его достоинства съехалось столько разного рода проверяющих, опекающих, запрещающих и прочих чиновников, что Иван постеснялся прорываться к своему кумиру, чтобы пожать

ему руку. Особенно нервничал генеральный конструктор. А главный инженер моторного завода даже не мог вразумительно объяснить недостатки двигателя.

Недовольный сбивчивой характеристикой самолета, Валерий Павлович все же забрался в кабину и завел мотор. Прокатился взад-вперед по хорошо укатанному полю. Вырулил на стартовую площадку. Что-то удерживало его от пробного взлета. Подошел главный конструктор с инженером-мотористом, спросил робко:

— Как мустанг, не брыкается?

— Как будто нет. Но водит, не слушается поводочка на повороте. Надо бы взнуздать, затянуть удила покрепче, — прокричал летчик, перекрывая шум мотора.

— Земля — не воздух! Пору ли, покружи, — показал руками главный строитель.

Чкалов кивнул головой, надел шлемофон и на форсаже еле-еле оторвался от земли в самом конце взлетной полосы. Через несколько минут он передал по радио, что не может запустить мотор после планирования с выключенным двигателем. Идя на посадку с выключенным мотором, самолет не дотянул до аэродрома буквально какие-то десятки метров и врезался в склад бревен на глазах у ахнувшей публики.

Судя по всему, мотор оказался не приспособленным к переохлаждению, к полетам зимой. Тем не менее конструкторы перспективного истребителя под нажимом сверху в срочном порядке приступили к сборке сразу четырех экземпляров в расчете на то, что один из них уцелеет. Из трех летчиков-испытателей один все-таки уцелел. Правда, не полностью. Покалечился. А самолеты, все три, разбились. Четвертый самолет зачехлили, законсервировали до лучших времен. Поликарпов так остро переживал гибель выдающихся испытателей, что даже слег в больницу, а в правительстве стали поговаривать о том, что его хозяйство лучше передать другому конструктору. Так что Ивану Евграфовичу, находившемуся в резерве, летать на них в ту пору не довелось.

Глава 4
На земле Халхов

Потерпев поражение у озера Хасан, японская военщина не успокоилась. Честолюбивый генерал Уэда поклялся императору взять реванш на границе с Монголией. Для этого он выбрал северо-восточный участок Монгольской республики. Под предлогом установления «правильной» границы по реке Халхин-Гол войска вторглись в пределы Керуленской полупустыни, потеснив плохо вооруженную монгольскую конницу.

Советское правительство пришло на помощь дружественной республике, наращивая боевую силу отдельного армейского корпуса, переброшенного с Дальнего Востока. Командующим общей группировкой войск был назначен комдив Жуков, которому предоставили большие полномочия по наведению порядка в войсках и усилению их боевой техникой.

По просьбе нового командующего Ворошилов вызвал к себе начальника управления ВВС Лактионова и приказал направить в Монголию всех «оставшихся не у дел» боевых летчиков, представленных к званию Героя Советского Союза за Испанию.

— Где мне взять их, товарищ маршал? Они все при деле, — возразил сановитый авиатор, вытягиваясь «во фрунт».

— Где, где! Назначь Смушкевича командующим авиацией на Халхин-Голе, возьми список представленных за прошлый год и всех, кто еще отирает углы в Москве и по другим штабам военных округов, пригласите ко мне на беседу через два дня, — подражая Сталину, подтвердил свою волю плавным движением руки народный комиссар. — Выполняйте!

В совещательный зал наркомата обороны Иван Федоров вошел вместе с Григорием Кравченко и Евгением Степановым.

— Ты на чем приехал? — шепотом спросил Иван бывшего зачинщика ночных таранов в небе Испании, усаживаясь во втором ряду малого зала.

— На трамвайчике, милорд. Не на «чатос». А ты что, на «моске» пожаловал в Кремль? С тебя станет, — отозвался друг.

— До этого еще не докатился, — съехидничал Иван. — А почему не на фаэтоне Хуана Негрина? Кажется, он и тебе подарил его за таран колесами?

— Не доказано. Никто не видел. Это же не «Черный дракон», которого подловили Якушин и Серов. В общем, таран не громкий, поэтому довольствуюсь золотыми часами от него. Вот видишь, пора начинать, а пьедестал для отцов авиации пуст.

— Тс-с-сшс… — приложил палец к губам Кравченко.

Из боковой двери показались Ворошилов и начальник управления ВВС. За ними проследовали за стол комдив Агальцов и Смушкевич, неловко опиравшиеся на палку, чтобы должной выправкой скрыть хромоту.

— Здравствуйте, герои воздушных баталий! — стоя поприветствовал нарком обороны застывшие ряды собравшихся.

— Здравия желаем, товарищ маршал! — бодро, не надсаживаясь в крике, чуть-чуть враздробь откликнулась ватага отчаянных летунов.

— Садитесь, — стоя продолжил нарком. — Мы собрали вас, лучших летчиков страны, в этот неурочный час для того, чтобы вы оказали помощь молодым кадрам нашей авиации в разгроме японских интервентов, вторгшихся на землю дружественной нам Монголии. Необходимо еще раз доказать милитаристам Японии, что границы Советского Союза и Монголии священны и неприступны. Пусть узнают враги мира и спокойствия на востоке, что авангард Красной Армии — доблестная авиация — по-прежнему крепка и непобедима. Партия и правительство надеются, что вы проникнитесь духом братской солидарности к монгольскому народу и выполните свой интернациональный долг до победного конца, навсегда отобьете самураям охоту зариться на чужие земли и чужое добро. Партия большевиков и Советское правительство рассчитывает, что сталинские соколы оправдают их высокое доверие, били и будут бить врага грамотно и смело, по-геройски. Подробно объяснит вам задачу Яков Владимирович, новый командующий авиацией в группе войск на Халхин-Голе. До свидания.

Все дружно вскочили с мест и мысленно благодарили за доброе слово, за возможность покрыть себя новой славой и заворожено провели глазами до самой двери.

— Прошу садиться! — прозвучала команда начальника управления.

— Кратко ваша задача заключается в том, чтобы повести за собой других. Завоевать господство в воздухе. Переломить ход событий в районе Халхин-Гола. Вылетаем завтра. Сбор в десять ноль-ноль в красном уголке Тишинского аэроклуба. Там получите сухой паек, оружие, кто не имеет, обмундирование и прочие атрибуты власти. Кому что не ясно? — строго обвел глазами всех присутствующих новый командующий.

Едва Иван переступил порог собственного дома, как Аня повисла на шее, недовольно зашептала:

— Опять в какую-нибудь дыру посылают, да? Хотя в Москве не слаще. Звонили тебе из института: разбился очередной И-180.

Погиб Томас Сузи. Сколько можно? Не жалеют людей. Торопятся.

— Поневоле спешат. Фашисты отодвигают границы на восток. Самураи — на запад. Хотят взять нас в клещи. Хочешь не хочешь, поторапливаться надо. Улетаю в Монголию. Довольна? Видишь ли, Томас упрямый был. А самолет взбалмошный какой-то. Вот и не поняли друг друга. Супрун говорит: самолет первоклассный, а мотор никудышный. Жалко. Загонят в тупик, поди. А хочется попробовать. Не судьба, видать.

— Не горюй: успеешь. Тебе носки шерстяные положить?

— Клади. Могу не успеть. Япошки могут и не дать шанс.

— А ты береги себя. Не лезь на рожон, когда не просят.

— Это ж нужно родиться вороной. Вышла бы ты замуж тогда за меня, голубка сизокрылая? — подхватил он голубку на руки и закружил на месте.

Колонна машин, с которой в какой-то Тамсаг-Булак двигалась по пустыне группа летчиков, крупных поселений на пути не встретила. И когда прибыли к месту назначения в убогое поселение из глинобитных, изредка каменных жилищ, летчики направились к одному из них навести справки об аэродроме, который им предстояло обустроить своими руками. Еще в Даурии к ним присоединились лейтенантики, не нюхавшие пороха на всамделишней войне, но зарекомендовавшие себя отличными показателями боевой подготовки. Их предполагалось постепенно вводить в бой в качестве ведомых у опытных пилотов.

— Это там, другой сторона, — показал рукой абориген.

Городок сильно смахивал на средневековую, беспорядочно разбросанную стоянку Чингисхана. Не доставало лишь голубого шатра.

— А большой аэродром? Такой площадка для разбега железной птицы? — спросил Иван. — Сколько метров туда и сюда, вдоль и поперек? — прочертил он прутиком на земле линии для большей понятливости.

— Да, да, — закивал головой степняк, расплываясь в улыбке от удовольствия, что уразумел, чего от него хотят. — Туда триста, — показал он пальцем на одну линию. — А туда… — глубокомысленно задумался друг пустыни, — больше. Чуть больше, — добавил он, тяжело вздыхая. — Три дня и три ночи на лошади скакать.

— Ужас! Что ж это за площадка? — схватился за голову Саша Мошин, выросший в глухой тайге и никогда не знавший законов пустыни.

— Лучше раз увидеть, чем сто раз услышать. Пошли! — предложил Иван, отлично понявший монгола, рассуждавшего на манер китайца из пустыни Гоби, которому что метр, что километр

— пустой звук, абстрактное понятие.

Через полчаса они вышли на другую окраину стойбища Халхов. Перед взором пришельцев раскинулась, куда ни глянь, бесконечная серая, выжаренная полустепь-полупустыня без единого деревца, без живого уголка, на чем бы мог зацепиться глаз.

Точно таким же аэродромом, но уже без всяких признаков жилья, представилось им голое место недалеко от Халхин-Гола, указанное командованием для дислокации авиаполка. Иван Федоров вошел в группу прикрытия командного пункта Жукова, расположенного на сопке Хамар-Дабы. Командующий авиацией Яков Смушкевич с пониманием отнесся к просьбе московских корифеев самолетостроения добыть исправный японский самолет для изучения его в стенах НИИ.

— Это тебе, Иван, почетная задача, — прибавил он в заключение беседы с прибывшими авиаторами.

Лучший способ получить желанный трофей — это заманить одинокий самолет в глубь своей территории, а потом принудить его к посадке. Поэтому ломать голову над планом захвата неприятельского самолета Иван не стал, а просто рассказал своему напарнику, как надо действовать в бою, чтобы противник израсходовал весь боезапас и попал в сети охотников. Опыта в таком рискованном деле ему не занимать. Просто задание усложнялось тем, что нужен был самолет новейшей конструкции. А раз так, то на нем и летал, значит, опытный летчик, прекрасно понимающий свою задачу — ни в коем случае не залетать на вражескую территорию.

Японские истребители держались в воздухе кучно, не отрывались далеко друг от друга. Такая тактика поведения в бою обедняла, ограничивала возможности каждого проявить индивидуальное мастерство, но зато укрепляла боевой дух пилотов, вселяла уверенность во взаимную поддержку в опасной ситуации.

Словом, попытки зажать одинокий истребитель в тиски и заставить его сесть на чужой территории заканчивались крахом.

С каждым новым днем товарищи пополняли список подбитых и уничтоженных самолетов противника, а попутная проблема захвата истребителя «живьем» оставалась нереализованной. И никого она сильно не волновала в полку, кроме Ивана Евграфовича, который тоже и сбивал, и поджигал врага, но это как бы не в счет.

Особенно ожесточенные бои происходили в районе сопки Баян — Цаган. Комкор Смушкевич вызвал к себе некоторых командиров авиации, действующих у озера Буир-Нур.

— Вот перед вамп карта военных действий, — развернул он рулон бумаги на пустых ящиках из-под патронов. — Фронт проходит по реке, а граница вот здесь, по сопкам Зеленая, Песчаная, отступает от правого берега на двадцать-двадцать пять километров. Под предлогом установления справедливой границы японцы захватили все правобережье. Протяженность кусочка до ста километров. Они даже вклинились на левый берег у озера, чтобы полностью взять контроль над рекой и поставить население восточной Монголии в безвыходное положение. Сами знаете: без воды — и не туды, и не сюды. А в пустыне — это голод, смерть. Заодно они решили протянуть железную дорогу на Хейлар по удобной низине вместо отрогов Большого Хингана. Отодвинуть, стало быть, границу и взять реванш за поражение у озера Хасан; еще раз проверить боеспособность Красной Армии, пришедшей на помощь дружественной державе. Ваша задача, — обратился командующий к зевающему от скуки Григорию Кравченко, — строго следить за высотой Хамар-Дабы и оберегать ее от неприятеля как зеницу ока. Ко всему прочему, при благоприятной обстановке в воздухе оказать помощь вот этому дважды секретному товарищу, получившему задание добыть и доставить японский истребитель в Москву. Так я говорю, Иван Батькович? — перевел дыхание комкор, вскидывая глаза на Федорова. — Будьте осторожны. На участке действует непостижимо коварный ас. Хорошо бы его заловить. Что не ясно?

Выдержав паузу, комкор добавил: убрать черту — Всё. По местам.

Командующий Квантунской армией марионеточного правительства Маньчжоу-Го генерал Уэдэ, безусловно, жаждал оправдать свою честь в глазах императорской свиты и во что бы то ни стало восстановить пошатнувшуюся репутацию военного наместника Маньчжурии. Для этого он стянул к Халхин-Голу крупные силы штурмовой авиации, кавалерийскую дивизию князя Дэвана, всю наличную артиллерию и пехоту, находившуюся на западе от Большого Хингана. Но и Жуков, получив полномочия чуть ли не командующего Забайкальским военным округом, бросил на Халхин-Гол мощные силы: авиацию, бронетехнику, артиллерию — все, что можно было стремительно и скрытно перебросить из глубинки на фронт, усилив фланги для окружения и уничтожения зарвавшегося неприятеля. На карту была поставлена честь не только самолюбивого комкора, но и всей Красной Армии.

Людей не жалели как с этой, так и с другой стороны. «Паны дерутся, а чубы трещат у холопов», говорят в таких случаях.

В разгар контрнаступления советско-монгольских войск

японское командование уничтожило переправу через реку: отступление войск с плацдарма стало невозможным. Солдаты, обреченные на смерть, должны были держаться за землю зубами.

В воздухе тоже творилось что-то безумное. Армады самолетов, сталкиваясь друг с другом, кружились, горели и разлетались, оставляя факелы взрывов от бомб и длинные шлейфы дыма от падающих самолетов.

Командный пункт находился в броневике, врытом на вершине горы. Жуков видел, как два истребителя с изогнутыми, как у чайки, крыльями пытались отбить от общей стаи японских самолетов «самурайчика» с нарисованной молнией на фюзеляже. После немыслимо крутых свеч, виражей и петель, одна из «ласточек» загорелась и пошла на снижение в сторону наблюдательного пункта командующего авиацией. Жуков позвонил хозяину корректировочного пункта: «Что это за летчики у вас, что вдвоем не могут справиться с одним самураем!?»

— Не пойму, товарищ командующий, разберусь — тут же ответил Яков Владимирович. — На «чайках» летают только асы.

Не успел комкор чертыхнуться второй раз, как задымила и вторая «чайка», планируя прямо на сопку.

Жуков гневно выкрикнул в трубку полевого телефона:

— Ваши асы способны таранить только гору! Займитесь… — Он не договорил, увидев, как японский истребитель бросился вдогонку за дымящейся «чайкой», явно намереваясь добить ее, вогнать в оголенные выступы Хамар-Дабы и взмыть, по традиции, свечой в солнечное небо в знак победы над врагом.

Вдруг откуда ни возьмись сверху камнем на преследователя упала «ласточка». Имя это закрепилось за «чайкой» еще в Китае и перекочевало в Монголию. Японец поздно углядел пикирующий истребитель. В азарте погони не заметил, как удалился от линии фронта. Он развернулся как раз в тот момент, когда пули застучали по корпусу с огненным драконом. Но… поздно. По хвостовому оперению резанула очередь из пулемета.

От падающего самолета отделился черный комок, над которым через несколько секунд раскрылся купол парашюта. Это очень удивило всех, кто наблюдал воздушную схватку над Хамар-Дабы, потому что за последнее время ни один японец не пытался спастись на парашюте из подбитого самолета.

Поздно вечером, когда гул моторов над рекой затих, в штабной палатке командира истребительного полка открылось совещание по итогам дня.

— Сбито три бомбардировщика, пять штурмовиков и два истребителя противника, — доложил начальник штаба.

— А сколько потеряли? — осведомился Смушкевич.

— Две «чайки» и один И-15, товарищ комкор, — сообщил командир.

— Десять к трем. Неплохо. Для начала неплохо. Но общие потери выглядят почти наоборот. Завтра армия будет наращивать удары на флангах вражеской группировки. Вам тоже необходимо увеличить количество вылетов, отвоевать господство в воздухе. Отучить самураев совать свой нос в чужие пределы. Точка. Кстати, сколько пленных подобрали?

— Одного, товарищ комкор, — бодро выдал начштаба.

— Как же так? Сбили десять самолетов и только одного взяли? Остальных что? Пехота присвоила себе, или они провалились сквозь землю?

Все уткнулись носом в землю. Яков Владимирович понял неуместность вопроса по натуженному, покрасневшему лицу комэска Кравченко. Уж кто-кто, а летчики не виноваты в том, что пленных кот наплакал.

— Добже, Панове, — смягчился комкор. — Приведите мне пленного. Возможно он что-то скажет, прояснит ситуацию.

Пленный смахивал на каратиста лет под тридцать с потухшим взором бойца, не ожидающим ничего хорошего от противника. Увидев, что его допрашивает большой начальник с золотой звездой на груди, самурай сразу заявил протест против грубого обхождения с ним рядовых солдат.

— А как они обращались с тобой? — сочувственно проворковал комкор, неотрывно глядя в негодующие глаза «каратиста».

Переводчик повторил вопрос начальника с нотками сочувствия в голосе, заменив «ты» на уважительное «вы». Пленник приободрился, услышав, что большой начальник не тыкает ему в лицо кулаком, как солдат с красной звездочкой на шлеме, и… дрогнул чистым откровением:

— Ногами пинали, в спину толкали, подзатыльник давали, — размеренно, по частям, переводил чистосердечные признания обиженного самурая переводчик, еле сдерживая смех. — Кинжал… отобрали, штыком подгоняли… сапоги сняли…

Только после этой жалобы присутствующие разглядели в темноте обмотки на ногах пленного и ношеные-переношеные ботинки. Разглядели и, как по команде, прыснули от смеха.

— Достаточно. Можно не продолжать, — прервал цепь жалоб Яков Владимирович, переходя на официальный тон допроса:

— Вы спаслись на парашюте. Почему другие летчики не пользуются им, чтобы сохранить свою жизнь?

— Они летают без парашюта. Не заслужили, — добавил странный парашютист с чувством собственного достоинства.

Командиры удивленно переглянулись, молча осмысливая услышанное.

— Допустим — это правда. Вы подожгли наш самолет. А сколько побед на вашем счету? — нарушил тишину Лакеев.

— Я поджег два самолета, — показал на пальцах пленный.

— Всего два? — изумился полковник. — На фронте давно?

— Сегодня — два истребителя. Вчера — один бомбовоз. Пять дней — пять самолетов. Хасан — три самолета…

— Стоп! Фамилия… Имя, имя! — напрягся комкор, доставая блокнот из кармана гимнастерки.

— Покажите мне летчика, который сбил меня, тогда назову свое имя, — твердо заявил пленный.

— Ну и фрукт попался. Без доказательства из первых рук не колется. Позовите Рахова. Заодно и Федорова, — распорядился комкор.

Первым вошел Рахов, мельком окинул глазами всех присутствующих и выжидательно уставился на восседающих за импровизированным столом, доложил наугад всем сразу: «Старший лейтенант…»

— Отставить! — цыкнул на него командующий и, обращаясь к пленному: — Это он поджег тебя. Доволен? — указал рукой комкор на щуплого паренька, крест-накрест перехваченного портупеей, за которым заметно выделялась высокая статная фигура Федорова, как бы подпирающая молодого летчика с тыла.

Пленный смерил придирчивым взглядом с головы до ног представленного ему победителя и вопрошающе воззрился на большого начальника с орденами. Получив утвердительный кивок, самурай сделал шаг к удачливому сопернику и низко поклонился. Отступил назад. Злобно выхватил из пазухи и бросил под ноги победителю платок:

— Я — Такео Фукудэ. Этот платок вышивали две тысячи самых счастливых девушек Японии, как талисман лучшему летчику императорской эскадры. Теперь он принадлежит тебе. Моя звезда закатилась. Платок не помог. Разрешите помолиться, попросить прощения у Будды.

Комкор опять кивнул головой. Самурай достал из кармана крохотного божка из красного дерева. Бережно поставил его дрожащими пальцами на край ящика, опустился на колени и стал молиться.

Рахов поднял шелковый платок, расшитый причудливым орнаментом с иероглифами по краям. Начальники за столом о чем-то шептались, поглядывая на разложенную карту. Кравченко, заметив появившегося Константина Симонова, жестами пригласил его поближе к столу, показывая на фронтовую газету

«Сталинские соколы». Поэтому никто не видел, куда исчез деревянный божок со стола.

Такео поднялся с колен, готовый к продолжению допроса. Федоров тихонько шепнул на ухо Виктору:

— Догадываешься: о чем он теперь молится? Сейчас попросит кинжал. Харакири.

— Дайте мне еду. Я голодный как собака, — всполошился самурай, когда ему указали на выход.

— На, выкуси! — засмеялся Виктор, поворачиваясь к сослуживцу. Не тот самурай пошел, что на Хасане.

Как писал потом Симонов: все течет и все меняется. Не меняется только звериная сущность человечества.

Когда пленного увели, командир полка продолжил обсуждение главного происшествия дня.

— Что у вас там случилось, товарищ майор, с этим кавалером двух тысяч влюбленных вышивальщиц? — повернулся Смушкевич к командиру охотников за японскими самолетами.

«Ах, вот зачем вызвали!» — отметил майор.

— Ничего особенного, товарищ комкор. Такого самурая взять живым не так просто, — переступил с ноги на ногу Федоров.

— Так и не надо было брать. Вон Рахов не ломал голову, — подал голос командир полка, оторвавшись от своих записей.

— Ему что? Над ним не висит задание Центра, товарищ комкор.

— Гм… да. Что с ведомым Мошиным?

— Не повезло. Спустился на парашюте.

— А вы? Командующий огорчен боем. Говорит: двое не могли справиться с одним. Что с самолетом?

— Ничего. Ни одной пробоины, — не дрогнув ни одним мускулом, отразил и этот наскок бывалый летчик.

— Все у Вас «ничего». Надеюсь, не завтра, так послезавтра получится что-то существенное. Значит, пробоины не было. А горел отчего? Нашли причину? — комкор посмотрел на Ивана Лакеева, зевающего в ладонь от недосыпания.

— Фокусники, товарищ комкор. Приспособили дымовые шашки для имитации загорания. Вот на эту наживку хотели подловить японца. Не удалось: помешал свой же товарищ, клюнувший на ту же приманку.

— Не пойму. Где вы такую тактику подцепили? В Испании обходились, кажется, без сомнительных новшеств, — удивленно вскинулся на своего давнего подопечного комкор.

— У японцев, товарищ комкор. Они на подобные штучки более коварны, чем немцы. Просто попался мне Федот, да не тот. Поспешил. Чтоб принудить пилота к вынужденной посадке,

нужно брать в шоры примитив, а не аса. Короче, сглупил. Исправлюсь.

Откровенное признание своей ошибки «испанцем» успокоило командование, и оно постаралось быстрее закончить разбор полетов. Пусть лишний час-другой поспят летуны.

Глава 5
От Великих Лук до Мурманска

После окружения и разгрома японской группировки генерала Камацубара фронт на реке Халхин-Гол застыл на восстановленной границе. Бои прекратились. Только воздушная война почему-то не утихала, хотя с каждым днем заметно теряла свой боевой пыл. Однако уже девятого сентября, в день провокационного нападения Германии на Польшу, стало ясно, что «испанцев» ждут интересные дела на западе.

Так оно и вышло. Через день Иван Федоров, Сергей Грицевец и Виктор Рахов вместе с командиром отряда истребителей с реактивными установками улетели на бомбардировщике в Читу, а оттуда — в Белоруссию. Каждый — в свое подразделение.

По рекомендации Громова командир бригады выделил Ивану Евграфовичу пять истребителей и три тяжелых бомбардировщика для немецкой делегации, прибывшей своим транспортом, в район Великих Лук на переговоры о нейтралитете. Переговоры быстро завершились разделением сфер влияния в Польше между СССР и Германией. Риббентроп, Геббельс и Геринг, каждый со своей свитой, разместились в предоставленных им бомбовозах и полетели, сопровождаемые эскортом из пяти истребителей, в Москву для подписания договора о дружбе.

Возвращались через день.

Пересев на свои самолеты, немецкая делегация вылетела в Пруссию под прикрытием все той же пятерки истребителей до границы на реке Неман, где их встретили истребители Люфтваффе. Покачав крыльями в традиционном приветствии, Федоров развернул свой головной истребитель на восток. Когда расходились встречным курсом в противоположные стороны, командир немецкой эскадрильи повернул голову в сторону Ивана и поприветствовал его рукой, как это делают шоферы междугородних машин, встречаясь с коллегами на дорогах.

Иван, внимательно наблюдая за летящим навстречу истребителем и выполняя традиционное покачивание, опоздал с приветствием рукой не потому, что это было в данной обстановке неожиданно или опасно, а потому, что на него смотрел пилот с одним глазом. На другом мелькнула то ли черная заплатка, то ли щегольский пластырь под морского пирата, то ли чудесная блямба, полученная в драке и затянувшая глазное яблоко иссиня-черным пятном. Поди разберись теперь, когда поезд ушел. Что теперь махать кулаками после драки? Может быть, это бабочка

угодила в масляное пятно на стекле кабины и сфокусировалась прямо в глаз. И не такое бывает.

Почетная миссия сопровождения высоких гостей из Германии завершилась для майора Федорова присвоением очередного звания и назначением на должность командира авиаполка.

В связи с тем, что осенние переговоры с Финляндией о безопасности границ, как и весенние, зашли в тупик, а великодержавные амбиции обеих стран возросли до неминуемого взрыва, произошла некоторая подвижка в расположении боевой авиации. Полк пока лишь на бумаге, его надо еще сколотить: найти подходящее местечко поближе к Ленинграду, с прицелом на Карельский перешеек, оборудовать аэродром.

Командующий военно-воздушными силами северо-западного направления Пухин предоставил в распоряжение свежеиспеченного командира полка несколько самолетов, роту саперов и полную свободу действий на благо отчизны. Однако… Триумфальное шествие Красной Армии по восточной Польше и присоединение Западной Украины и Белоруссии к советским социалистическим республикам пагубно отразилось на мышлении и тактическом соображении многих командиров. Разгром бутафорского авангарда немецких войск под Белостоком тактически еще сильнее понизил боеспособность советских войск накануне предполагаемого столкновения с финнами. Эпидемия шапкозакидательства поразила всех, начиная от маршалов и кончая последним тыловиком, отпускающим «буденовки» и противогазы солдатам. Демисезонная экипировка, отсутствие устойчивой связи между частями и подразделениями, оторванность от штабов и тылов, помноженные на жестокие морозы и упрямое следование высшим командованием первоначально заданным направлениям привело к тяжелым трагическим потерям в живой силе и технике.

Авиация в этой страшной бойне выглядела намного предпочтительнее пехоты. Но что она могла сделать в зимние, сплошь нелетные дни?

Работы по строительству бараков, ангаров, взлетного поля по существу только начались, а спешно назначенному командиру резервного авиаполка, сколоченному тоже на скорую руку, приказали прикрывать бомбовозы, гвоздившие сильно укрепленную линию Маннергейма в начавшейся «странной войне».

Потом ему приходилось сбрасывать продукты окруженным воинам восьмой армии севернее Ладоги. Из-за постоянного отсутствия командира на месте строительство базы застопорилось и неукомплектованный полк буквально повис в

воздухе. Тогда по приказу командующего авиацией Карело-финского фронта Пухина Федоров посадил остатки летного состава полка в самолет и полетел в Мурманск на помощь Борису Сафонову, дабы пополнить поредевшие ряды боевых летчиков на Крайнем Севере.

И в таком бешеном ритме воздушной акробатики пролетели четыре самых впечатлительных и поучительных года, начиная с Испании и кончая Карело-финской войной.

Постоянно передвигаясь из одной горячей точки в другую, разрываясь между двумя основными видами профессии: летчика-испытателя на птичьих правах и военного пилота без права выбора места службы и специальности по призванию, неизменно оказываясь временно привязанным, прикомандированным к чужому начальству, нередко — к иностранному двору под вымышленным именем, Иван Евграфович по своему легкомыслию, да и по воспитанию недооценивал канцелярские дела, никогда не радел ни о боевом счете лично одержанных над врагом побед, ни о продвижении по службе, ни тем более о наградах и материальном благополучии. Кстати, последние сыпались на него как из рога изобилия помимо его воли и желания. Единственное, чем он дорожил и что удерживало его на высочайшем нравственном и профессиональном уровне, вопреки бесшабашности и гордыне, так это жажда выделиться геройским поступком, желание совершить что-нибудь необычное, сопоставимое с мужеством Громова, перелетевшего через Северный полюс в Америку. Жажда подвига.

Эта затаенная с детства мечта заставляла его всегда быть собранным, готовым физически и морально к преодолению любых трудностей на пути к заветной цели. Ради этого он берег себя, не разменивался на мелочи, не добивался, как некоторые, тех же наград, постов, званий; непрестанно совершенствовал свои пилотажные навыки, учился быть выдержанным в бою, не поддаваться панике в самом опасном положении. Учился быть героем.

Глава 6
Баш на баш (формула вождя)

После завершения карело-финского побоища военные события на западе развивались столь стремительно, что Федоров не мог уследить за ними, чтобы самому определиться и выбрать то единственное место службы, которое бы удовлетворяло его профессиональные потребности летать. Не хотелось ему расставаться с военной службой, располагающей большим набором средств самовыражения. В то же время близость к столице, точнее — к корифеям воздухоплавания, к делу Чкалова, Громова, Байдукова, тянула к интереснейшей работе летчика-испытателя. Да и в Министерстве иностранных дел он зарекомендовал себя как надежный, коммуникабельный и обходительный специалист по исполнению поручений на высочайшем державном уровне. Высокий, красивый, стройный, с мягкими благородными чертами лица, он был востребован там, где главенствующая роль отводилась не столько уму, сколько привлекательному виду, умению быть аккуратным, не ударить лицом в грязь перед высокопоставленными людьми. И он блестяще справлялся с этой представительской миссией как за рубежом, так и в околокремлевском пространстве. Все это как-то удовлетворяло перспективного пилота с нерастраченными задатками Икаруса двадцатого века.

Он чувствовал в себе силу и способность совершить нечто большее, чем сбить самолет противника. Эти чудодейственные силы из месяца в месяц, из года в год накапливались в его теле и душе до такой степени, что он готов был пойти на самоубийство, лишь бы вырваться на волю, разорвать замкнутое пространство недозволенности, обрести свободу самовыражения.

Такое стремление вырваться из заколдованного круга он впервые ощутил еще в Луганске, когда увидел самолет. По недостатку знаний думал, что самолет при посадке разбивается. Он готов был тогда пожертвовать жизнью, только бы полетать вволю, почувствовать себя богом, взирающим на землю с высоты.

Потом такой прилив сил и желания он испытал по окончанию школы военных пилотов, когда его всячески старались закрепить инструктором при училище. По молодости и буйству сил он пригрозил выжать из У-2 то невозможное в области техники пилотирования, что принадлежало новейшим истребителям того времени, в случае, если не выпишут его в строевую часть. Накопившийся пар он частично спустил тогда на дуэли, которая

косвенным образом помогла ему удачно расстаться с училищем.

В Испании, отдавая всю энергию и все знания борьбе за великие идеалы революции и народовластия, он мог бы стать национальным героем, но за шесть месяцев под чужим именем прослыл только Красным Дьяволом, что придало ему еще больше уверенности в способности совершить великое деяние.

На Востоке, у озера Хасан, в Китае он как летчик-профессионал вообще не фигурировал. А если и сбивал самолеты врага, то официально не афишировал, так как участвовал в бою по личной инициативе, по договоренности с командованием под секретным китайским именем, без какого-либо строгого учета действительных побед, ибо по должности военного советника не обязан был участвовать в боевых вылетах.

Халхин-Гол дал ему как боевому летчику много. Зато идея приземлить, захватить исправный вражеский истребитель провалилась с треском. Слишком мало было отпущено ему времени для такой ювелирной работы. Задача сбить же японский самолет походила для него на трудную, но обыденную работу, не требующую высокого напряжения ума и тела. Мощный потенциал души и разума, таким образом, не нашел выхода на земле Халхов.

Карело-финская кампания промелькнула в заботах о строительстве военно-воздушной базы и формировании вверенного ему полка. Но подготовленные кадры у него отбирали для пополнения на фронт, куда он и сам вынужден был время от времени отлучаться по указанию командования, лелея единственную мысль: вот придет весна и все образуется. Появится интересное стоящее дело, откроются новые горизонты, пробудятся замороженные возможности осуществить свои мечты — превзойти своих учителей и командиров.

Весной, с окончанием финской кампании, интересная работа не появилась. Мышиная возня со строительством авиабазы, для которой надо было каждодневно выбивать в разных инстанциях тонны вечно недостающего бетона и килограммы дефицитных гвоздей, угнетала и нервировала командира полка, вынужденного заниматься не своим делом. Хотелось бросить все к чертовой матери и прислушиваться только к гулу мотора, следить за приборами высоты, управлять рычагами подкрылков и… послать к ядреной бабушке все эти наряды, звонки, шурупы, доски, всю эту бесконечную трепотню о боевой готовности без горючего, без ведущих специалистов, без элементарных удобств хотя бы для теоретических занятий и демонстраций воздушного боя.

Строительство шло по укоренившимся традициям возведения исправительно-трудовых колоний. Сначала — наблюдательные вышки, потом — колючка и взлетная полоса, затем — ангары,

наконец — жилье. Причем по тому же зековскому принципу: сначала — помещение для штаба, потом — караулка и казарма, в последнюю очередь — бараки для строителей. Разумеется, когда строители (чаще — те же самые зеки) покидали зону, жилье занимал обслуживающий персонал.

Обустройство аэродрома еще не закончилось, полк еще не был сформирован и на половину, а пришла новая директива о перемещении его на запад, на голое место нового оборонительного рубежа Гродненского направления.

Мечты о кругосветном перелете, о котором поговаривал еще Чкалов; о путешествии на Луну, расписанном еще Жюлем Верном полвека назад, отодвинулись так далеко, что утратили блеск и возможность реализации. И командир полка, истосковавшийся по настоящей работе в воздухе, решил вновь связаться с конструкторским бюро Поликарпова, вернуться к работе летчика-испытателя.

Шел мирный тяжелобеременный великими испытаниями сорок первый год. Год Змеи.

Согласно договору о нейтралитете и взаимовыгодном сотрудничестве военные ведомства СССР и Германии подписали соглашение об организации научно-практического обмена военными специалистами.

Рейхсмаршал Геринг первым проявил интерес к российской авиации и прислал в сороковом году более шестидесяти авиаторов для обмена опытом. За полгода немецкие летчики облетали все типы военных самолетов, изучили более сотни авиационных баз, ознакомились с теорией и тактикой воздушного боя и при этом недосчитались четырех летчиков, погибших при выполнении фигур высшего пилотажа.

Советское руководство с ответным дружественным визитом не спешило. В конце концов сам рейхсмаршал поинтересовался: «Почему это советские авиаторы, согласно договоренности, не хотят нанести визит в Германию? Они что, готовятся к присоединению Финляндии или… Румынии?»

После такого прозрачного намека помощник начальника Генерального штаба Смушкевич доложил новому наркому обороны:

— Звонил рейхсмаршал. Обеспокоен отсутствием нашей делегации от авиации в Берлине. Что делать?

— Это же политика! — воскликнул нарком, поднимаясь из кресла. — Он хочет захватить наших лучших специалистов накануне вторжения! Гесс улетел в Англию с целью заключить перемирие. Вы кандидат в члены ЦК ВКП (б). Позвоните туда, обрисуйте им обстановку в связи с нарастанием случаев

провокационных полетов немецких летчиков через границу. И пусть они решают.

В ЦК тоже засомневались в целесообразности ответного визита авиаторов. Но Смушкевич настаивал из тактических соображений, надеясь получить с помощью своих визитеров какие-нибудь секретные сведения о готовности Люфтваффе к нападению на СССР.

— Геринг подозревает нас в отказе дружественных отношений. Необходимо подтвердить добросовестность исполнений наших обязательств и соглашений по договору о нейтралитете, — уверял Яков Владимирович секретаря ЦК партии по иностранным делам. — Будь моя воля, я бы запретил говорить и писать кому не лень о провокациях на границе. Для подобных донесений существует контрразведка…

Посылать или не посылать группу ведущих военспецов ЦК побоялось решать самостоятельно. Доложили Сталину.

— Поручите это дело генштабу, — ответил вождь.

— Генштаб считает, товарищ Сталин, что это вопрос политики на данный момент, — немея от страха впервые соизволил перечить вождю Андрей Андреевич Андреев, исполнявший обязанности секретаря ЦК по внешним связям.

— А каковы результаты работы немецкой делегации?

— Она выразила благодарность нам за предоставленную возможность на практике ознакомиться с производством самолетов и технической характеристикой их непосредственно в воздухе, товарищ Сталин, — гораздо ровнее прозвучал голос секретаря.

— Сколько человек надо посылать? — Вопрос Сталина упал, как снег на голову.

— Их делегация состояла из шестидесяти трех специалистов, Иосиф Виссарионович. Четверо из них разбились.

— Харашо. Обменяйте на этих четверых — и достаточно. Пошлите фанатов. Специалистов нада беречь, товарищ «трижды Андрей».

Ох, и коварная штука — политика. Глава государства — с ног до головы политик. Иногда брякнет такую абракадабру, что всем аппаратом не попадешь в яблочко. Что значит «беречь специалистов»? Не посылать вовсе? Отдать на убой фанатичных мальчишек? Или все же послать специалистов? Будь он хоть четырежды Андрей, а задачу с четырьмя неизвестными ему не решить. Точнее, решить-то можно, но как угадать так, чтобы понравилось Сталину? Весь аппарат ЦК только тем и занимается, чтобы угодить патрону. И «трижды Андрей» снял телефонную трубку, а вместе с ней и ответственность за исход предприятия

чисто по-партийному:

— Отрядите взамен четырех. Специалистов надо беречь, — и «Андрей в кубе» положил трубку.

В штабе телефонограмму из ЦК долго читали-перечитывали. Всех вводила в заблуждение последняя фраза. Как ее понять? Многие склонялись к тому, чтобы выполнить эту миссию формально, для отчета. Послать горе-специалистов и таким способом усыпить бдительность потенциального врага отсутствием высококвалифицированных кадров в СССР. Заставить гитлеровское командование поверить в расхожий на Западе миф, что великая социалистическая держава — всего-навсего «колосс на глиняных ногах». Другие, в том числе и начальник Генерального штаба Шапошников, предлагали послать «специалистов» из контрразведки. «Важно, не показать себя, а зачерпнуть как можно больше секретных сведений», — настаивал могущественный босс военной машины. Третьи советовали отправить в немецкие дебри самолетостроения толковых инженеров. «Перенимать опыт — так уж перенимать его с перспективой на будущее», — рядили они.

— Но как быть тогда с программой? — сокрушался генерал-лейтенант Смушкевич, хватаясь за голову, занятый перебазированием военно-воздушных сил на новые рубежи.

На него и взвалил проблему научно-технического обмена Шапошников, «трижды начальник», как именовали Бориса Михайловича в кулуарах академии имени Фрунзе.

В непринужденной манере Яков Владимирович поинтересовался мудреным решением у помощника Сталина Поскребышева, а потом у секретаря ЦК. От молчаливого поскребыша сталинского окружения хитрый последыш еврейской крови ничего не добился.

Зато «Андрей в кубе» с чисто русской прямолинейностью охотно ляпнул, не вникая глубоко в смысл сказанного:

— Да он просто сыграл вничью. Баш на баш. Не хотел, чтобы там разбилось больше четырех. Вероятно, после гибели лучших испытателей генсек потерял веру в Поликарпова. Мы не можем рисковать специалистами в угоду германскому рейху. Ничья — лучший выход из создавшегося положения, — раскрыл подоплеку своей формулы «баш на баш» «трижды Андрей».

Заваленный и без того массой неотложных дел, герой Испании и Халхин-Гола не стал ломать голову над проблемой и распорядился срочно готовить документы на не очень привязанных к месту авиаторов, способных, по его мнению, закрыть всевозможные бреши в программе, рассчитанной, по меньшей мере, на шестьдесят человек, и одновременно

удовлетворить наказ вождя «послать фанатов».

Командировочные документы на три месяца спешно выписали на поликарповских «безработных», временно оказавшихся не у дел: Супруна, Викторова, Стефановского и затерявшегося на дорогах перемещения войск Федорова.

Глава 7
Рыцарь с бриллиантами

В Берлин четверка фанатично преданных авиации летчиков прибыла в начале июня. Ведущим специалистом группы стал Степан Павлович Супрун, побывавший на заводах Германии еще в тридцать девятом году и облетавший «Хейнкель-100», представленный тогда фирмой как новейший истребитель того времени.

Разумеется, все четверо прекрасно понимали, что теперь немцы новейших самолетов им не покажут. Но… чем черт не шутит. И на старуху бывает проруха. Руководителем делегации назначили генерала Петрова.

Нужно заметить, что военные летчики-испытатели, не обремененные воинскими уставами внутренней службы и казарменными условиями бытия, редко, только в особых случаях облачались в армейскую форму со знаками различий. Как правило, они предпочитали полувоенную форму без символов воинской субординации. Хромовые сапоги, галифе, гимнастерка без нашивок, кожаная куртка или «сталинский» френч, испанская пилотка под мягкий шлем или полувоенная фуражка «под наркома» — вот излюбленная униформа летчика-испытателя довоенного поколения. Немудрено, что полусекретная делегация авиаторов, за исключением руководителя группы, показалась чиновникам Германии, хотя и под своими настоящими именами, но весьма несерьезной и загадочной.

В первый же день знакомства с планом посещения заводов крупных производителей самолетов Степан заявил, что советских летчиков мало, а программа большая, поэтому отдых и адаптация к местному времени и теоретическое ознакомление с летательными аппаратами различного класса исключаются, а практические полеты необходимо уплотнить в два раза.

Чиновники Люфтваффе крайне удивились такому отказу от общепринятого правила акклиматизации перед опасной работой и долго шептались между собой, прежде чем сказать дорогим гостям что-то определенное.

Наконец престарелый пузатый генерал, видимо, пользующийся авторитетом среди своих спецов, осклабился приветливой улыбкой дьявола, готового сожрать любого гостя с потрохами, и злорадно процедил сквозь зубы, не стесняясь элегантной переводчицы:

— Черт подери этих русских! Может быть, они прямо сегодня

хотят оседлать наших битюгов? — Он имел в виду тяжелые бомбардировщики, о которых зашла речь.

Опустив ругательство, посольская переводчица слово в слово передала издевательскую интонацию важного чиновника. Но в этот момент счел нужным персонально познакомиться с членами делегации державшийся особняком военный с припухшим глазом.

— Минуточку, господа! Прежде всего хотелось бы знать, с кем лично нам выпало счастье встретиться? — поинтересовался разноглазый. — Полковник Адольф Галланд, командир эскадры Люфтваффе. Честь имею, — отрекомендовался Третий (по мнению адмирала Канариса) Адольф германского рейха. Вторым главный контрразведчик вермахта считал богатого единомышленника фюрера, банкира и промышленника Адольфа Густлова.

Представились друг другу и остальные участники встречи. Федоров первым уловил иронию в сказанном о битюгах и не выдержал, влез поперед старших:

— Факт. Мы готовы сегодня же оседлать ваших коней. И в первую очередь — знаменитых скакунов Мессершмитта. Везите нас на конюшню, если не устали, гер полковник. Иван Евграфич. Честь имею, — цинично улыбнулся неизвестный агентуре Канариса какой-то, как послышалось немцам, граф Иван.

Ни один мускул не шевельнулся на скулах разноглазого, пока переводчица рейха излагала выпад русского «графа». Только правая бровь полковника полезла вверх по мере постепенного постижения сути перевода и застыла изогнутым крылом чайки над сверлящим оком стервятника, падкого до свежатинки.

Застыла и… едва родившийся спор сник под воздействием противостоящих друг другу энергетических полей.

— Зер гут! Вы готовы лететь в Аушбург? — глазом не моргнув воскликнул полковник, перехватывая инициативу переговоров у генерала с выдающимся животом, почтительно сомкнувшим рот. Господин Мессершмитт будет очень рад такому смелому испытателю.

— Яволь, гер полковник, — в тон своему сопернику вскинул голову и слегка кивнул в знак согласия нетерпеливый поклонник мессершмиттовских скакунов.

Тут же договорились, что Супрун отправится на заводы Хейнкеля, Стефановский посетит научно-исследовательский центр Люфтваффе, а Викторов ознакомится с производством штурмовиков Юнкерса. В случае организационных неурядиц и чрезвычайных происшествий держать связь с руководителем делегации «профессором» Петровым, обосновавшимся в советском посольстве в Берлине.

Ближе к вечеру Иван Евграфович в сопровождении переводчика из посольства и представителя Люфтваффе барона Галланда прилетел в город крупнейшего авиапромышленника, поставщика лучших истребителей германскому вермахту. С ходу направились в огромный ангар, где стояли уже апробированные в воздухе и готовые к продаже самолеты. Походили вокруг одного «мессера», постучали по дюрали костяшками пальцев и направились в кабинет главного механика для ознакомления с технической документацией. Просмотрев несколько листов с чертежами, Иван Евграфович заявил, что он плохо разбирается в немецком языке и хотел бы увидеть и пощупать кабину истребителя. Так ему, летчику, а не инженеру, сподручнее!

Немцы посовещались между собой и сказали, что для этого требуется разрешение главного инженера. Полковник Галланд вскользь заметил, что ему нужно засвидетельствовать свое почтение владельцу завода, чтобы утрясти некоторые формальности относительно пребывания гостя в частном владении.

— Рад буду поужинать с мистером Иваном в заводском кафе, — откланялся барон.

Прошло полчаса, прежде чем был разыскан главный инженер и получено согласие на изучение приборов внутри кабины самолета. Покрутив рычаги управления, пощупав руками каждый винтик и отжав несколько раз педали ногами, Иван осветился улыбкой. Механик во время этого ознакомления стоял внизу, изредка перебрасываясь с переводчиком двумя-тремя фразами.

— Аллее гут! Зер гут! — по-немецки зачирикал довольный практикант, открывая фонарь. — А можно попробовать мотор на холостом ходу? — уже по-русски обратился к механику молодой человек, явно исчерпавший запас знаний немецкого языка.

— Найн! Уммёглик! — Нет! Невозможно! — испуганно замахал руками механик. — Для этого нужно письменное разрешение главного инженера и вывести самолет на летное поле.

— Бюрократы! Мать вашу за ногу! — чисто по-русски выразил сожаление несостоявшийся испытатель мотора, покидая кабину.

Вместе с переводчиком и механиком составили заявку на апробирование в полевых условиях мотора любого самолета конструкции Мессершмитта.

К вечеру появился Галланд, переодетый в черный смокинг и ослепительно белую рубашку с блистающим Железным крестом с бриллиантами под кадыком вместо бабочки. Поинтересовался успехами гостя. Узнав, что из-за немецкой педантичности мотор не удалось прослушать даже на месте, в ангаре, полковник

пообещал посодействовать о сокращении некоторых формальностей в стажировке русских летчиков.

— А каков срок обучения? — полюбопытствовал Иван.

— Для переквалификации — три месяца, — последовал ответ.

— О нет! Так не пойдет! Факт. У нас программа рассчитана на месяц. Ферштеен? С облетом всех типов самолетов. Понимаете? С такими условиями работы мне тут делать нечего. Законно. Я звоню руководителю делегации и завтра уезжаю, — убежденно зачастил ретивый летчик, вышагивая рядом с разноглазым собеседником в смокинге по пути в заводское кафе, чтобы поужинать за счет фирмы.

— Ха-ха-ха! То же самое говорят ваши камарада, — рассмеялся таинственный покровитель русского авиатора.

Впрочем таинственным он оставался чисто формально. Одноглазый прекрасно сознавал, что русские раскусили его при первой встрече. Слишком популярным и приметным был летчик, потерявший глаз при испытании самолета. Да и Железный крест с бриллиантами за Испанию прославил его на всю Европу. Но Иван Евграфович не подавал виду, что знает Галланда по Испании. Во-первых, раскрывать себя, откровенничать с кем бы то ни было, тем более с потенциальным врагом, запрещала инструкция, полученная при отъезде на Лубянке; во-вторых, жить и работать секретно, иногда под чужим именем за рубежом, вошло в привычку, стало, как говорят, второй натурой.

Противно, конечно, скрывать свое истинное «я», фальшивить с интересным собеседником, но что поделаешь. Се ля ви — говорят французы. Такова жизнь. Ведь и Галланд тоже наверняка знает о нем многое, но делает вид, что не знает ничего. Почему и он кривит душой? Сколько это может продолжаться? Хорошо бы выведать у него тайны мадридского двора.

Ужин трезвенников не развязал язык ни тому, ни другому.

На следующий день выяснилось, что мотор можно прослушать только на месте под непосредственным руководством механика. Картина обучения напомнила Федорову первые дни постижения искусства летать в Луганском аэроклубе. Он сидел в кабине с открытым фонарем, а механик стоял рядом на крыле и через борт тыкал рукой, какую кнопку нажимать, чтобы запустить мотор, как рычажок двигать, чтобы увеличить подачу газа, уменьшить обороты пропеллера, перекрыть горючее. Прямо как первокласснику за партой, выводящему прописную букву. Смешно и оскорбительно для летчика экстра-класса. И это еще не всё! Чтобы сделать «пробежку» по полю, необходимо сдать экзамены по теории и материальной части. Ужас!

В полдень вновь появился Галланд, и Иван взмолился:

— Господин полковник, помогите приступить к полетам! Вы друзья нам или враги? — сгоряча ляпнул раздосадованный стажер берлинского Центра. И полковник просиял:

— Фройндшафт! Фройндшафт иммер гут! Я мог бы с вами полетать, но мне запрещают. На это есть инструкторы. Я поговорю с директором завода. Он даст указание принять экзамены экстерном. Идет?

— Гут. Зер гут! Данке шен, — благодарил своего случайно появившегося покровителя обрадованный Федоров и в знак признательности протянул руку для пожатия. — Камарада Дьябло Рохо.

На что кавалер Железного креста с бриллиантами многозначительно кивнул головой, панибратски тыча пальцем в грудь:

— Где твой Звезда, Женья?

Федоров понял, что герр полковник знает о нем больше, чем он сам о себе. Даже о том, что близкие друзья прозвали его Женей в память о погибшем товарище, тоже летчике-испытателе. Федоров своей внешностью и непринужденным обращением здорово напоминал им Евгения Уляхина. Вечером Иван Евграфович доложил своему руководителю, что экзамены по теории и матчасти самолета он сдал на «четверку». Завтра приступает к стажировке.

Весь следующий день ушел на полеты с инструктором. Собственно, инструктор находился в самолете лишь для формы. Иван заходил на большой круг с набором высоты, исполнял несколько переворотов, после чего уходил на посадку и требовал следующий самолет другой модификации. Вскоре он облетал все марки «мессершмитта» и потребовал свидетельство о допуске к самостоятельным полетам. Такое свидетельство на немецком языке ему выдали.

На третий день на летное поле высыпала вся прислуга аэродрома, так как по «беспроволочному телефону» распространился слух, что русский будет делать «тод-нумер», петлю Нестерова.

По такому случаю приехали и представители администрации. Но к самолету Ивана Евграфовича не допустили. Оказалось, что для самостоятельных полетов с выполнением замысловатых фигур «какого-то Нестерова» нужен договор с фирмой об уплате стоимости самолета на случай катастрофы или повреждения.

Выручил опять-таки случайно появившийся обладатель Рыцарского Креста с бриллиантами. Он предложил фирме застраховать летательный аппарат, а в случае неудачного исхода

полета уплатить стоимость самолета из своего кармана. Федоров от радости прилюдно ударил по рукам, что и было зафиксировано фотокорреспондентами некоторых газет.

Молва об этой сделке распространилась по всему городу с быстротой колокольного звона. И хотя день со всей этой проволочкой подошел к обеденному перерыву и немцы, строго придерживаясь трапезных традиций, покинули аэродром, Иван махнул рукой на обидно урчащий желудок и до наступления темноты успел поднять в воздух и апробировать наиболее приглянувшиеся конструкции самолетов, пообещав на следующий день выжать из них «все, что можно». Но и этого было достаточно, чтобы газеты с утра раструбили о предстоящем зрелище в воздухе… с летальным исходом.

Ночью прошел дождь. На утро, когда товарищи его где-то топтались на месте, прослушивая моторы с техником, сдавали экзамены по теории и матчасти, Иван выруливал самолет на старт. По сигналу механика он плавно взмыл в небо и стал накручивать над аэродромом одну за другой гирлянду фигур из высшего пилотажа. Все наблюдавшие этот фейерверк необыкновенного сплава индивидуального мастерства и совершенства техники были в шоке, в недоумении, особенно немецкие спецы.

Как можно такое вытворять экспромтом, без учебы, без соответствующей подготовки? Поэтому при удачном «па» необычного танца на фоне бледно-голубого небосвода многие аплодировали, ахали от удивления, ревели от восторга, замирали от удовольствия и сладости созерцания. Небесная литургия, да и только! Одни плакали слезами умиления, другие негодовали от зависти и несбывшихся надежд. Как же?! Обещанное комментаторами радио и газет смертоубийство в русском стиле не состоялось. После полудня Мессершмитт-младший устроил для Ивана Евграфовича торжественный обед. Еще бы! Такой рекламы для своего товара он никак не ожидал.

Федоров сидел рядом с Галландом в центре застолья, а напротив расположилась на тронных креслах с высокими резными спинками молодая чета короля авиастроения.

По завершении официальных приветствий, поздравлений, тостов и третьей рюмки коньяка, Иван отважился, несмотря на все отечественные инструкции и рядом сидящую переводчицу из особого отдела посольства, на весьма опасный шаг. Пытливо заглядывая в здоровый глаз соседа — гордости рейха, он задал ему в высшей степени щекотливый вопрос:

— Почему немецкие летчики в тридцать седьмом году допустили гнусную акцию в отношении русского летчика

Бочарова?

Застигнутый врасплох, немецкий ас едва не поперхнулся: — Какую акцию?

— Да изрубили тело Хосе Галарса и сбросили на парашюте.

Галланд долго приходил в себя от не принятого в высшем свете на подобных раутах удара под дых. Потом, видимо, приняв какое-то решение, грустно заметил:

— То были головорезы из итальянской дивизии и молодчики нового командующего «Кондора» Рихтгофена. Он — сторонник устрашительных мер на войне. Это издержки животной сущности гомо сапиенс. Я лично не знал… ни Хосе Галарсио, ни Примо Джебилли, ни… Дьябло Рохо. Верь, я был возмущен, когда прочитал об этом в республиканских газетах. У вас ведь тоже есть такие командиры. В знак протеста против актов бесчеловечности я потом ушел из этой эскадры.

— Да, но… — запнулся Иван из-за повторного чувствительного щипка переводчицы за штанину под столом. — Подавайте выпьем за ней… невмешательство, — чутко вышел из замешательства быстро протрезвевший любитель острых ощущений.

Глава 8
Воздушный спектакль

Поздно вечером к Ивану Евграфовичу в номер на двоих пожаловал руководитель делегации. Федоров доложил о выполнении программы «Мессер».

— Знаю. Вы даже переборщили, — угрюмо буркнул генерал. — Номер на двоих тоже неспроста вам предоставили. Пользуетесь? — бросил многозначительный взгляд на широкую двуспальную кровать официальный попечитель авиаторов.

От такого грубого намека молодой человек внутренне вознегодовал, вспомнив трепещущий поцелуй Ани на проводах, но сдержался, неловко приглаживая волосы на затылке.

Глава делегации тоже почувствовал себя неуютно в уютном номере подопечного и раскрыл портсигар, предлагая папиросы.

— Не курю. С детства. Когда решил стать летчиком, — жестко ответил, как отрубил, замкнувшийся испытатель.

— Не серчай. Я ведь по-доброму хотел предостеречь… — захлопнул портсигар генерал.

— А ребята как? — пошел на попятную от скользкой темы подопечный, пользующийся покровительством немецкого полковника.

— Подбираются к стажировке, а надо закругляться. Уезжать. Время сокращается не по дням, а по часам.

— Я могу помочь. Меня допустили к самостоятельным полетам. Факт. С кого начинать? С какой марки?

— Допустим, допустим. Им Мессершмитт не указ. Предположим, Супрун выйдет напрямую завтра. У него там давние связи. Правда, время другое. Хейнкель играет под дудочку Люфтваффе.

— Я думаю, главное им нужен договор о возмещении ущерба в случае… поломок, товарищ генерал, — запнулся Иван, испугавшись навязчивой фразы «гибели самолета». — Ну, страховка. Это же частное предприятие. Оно удавится за копейку.

— Если все самолеты страховать, это нам, знаешь, в какую копеечку влетит? Без поломок? Сегодня же поговорю с послом о гарантиях возмещения ущерба в случае… аварий, — в свою очередь спохватился смутившийся генерал. — А ты с утра поезжай к Петру Михайловичу: авось пригодишься. Вот представление на пропуск в научно-испытательный Центр Люфтваффе. У него же позондируй о ночлеге. Спокойной ночи, герой, — попрощался шеф.

Главное здание испытательного Центра Люфтваффе больше походило на элитную казарму, чем на помпезный дворец царя воздушных владений, неимоверно раздутых за последние годы — от берегов Атлантики до окраин Черного моря.

Стефановский отечески поздравил Ваню (иначе он и не называл его в приватных обстоятельствах) с блестящим завершением программы, посоветовал хорошенько познакомиться с Центром переподготовки летчиков, а сам поспешил на стажировку.

Наказ старшего товарища «хорошенько» ознакомиться с Центром молодой летчик, воодушевленный успехами, понял как прирожденный разведчик, привыкший совать свой нос куда не следует: во все дырочки и щели. Иван представился дежурному по корпусу и попросил показать библиотеку.

Научно-исследовательская литература на незнакомом языке произвела на преуспевшего испытателя точно такое же впечатление, как музыка Вагнера на глухонемого. Тогда впечатлительный исследователь искусства самолетовождения обратился с просьбой к методисту с фельдфебельскими погонами показать наглядные пособия по изучению военных самолетов. Но библиотекарь, вышколенный разговаривать на классическом языке Иоганна Гёте и Генриха Гейне, ничего не понял из его просьбы на упрощенном немецко-русском наречии с украинским уклоном.

— Нике, никс ферштеен, — разводил руками фельдфебель, тараща глаза на незнакомца с мудреным акцентом.

— Плакаты, альбом, — долбил Федоров свое, приложив трубочкой сложенные кулаки к своему глазу наподобие того, как прикладывают подзорную трубу, чтоб разглядеть под носом избушку на опушке.

— Ах, зо! Плакатэ, альбом. Битте мит цу, — поманил он пальчиком за собой странного посетителя в подсобное помещение.

Когда библиотечный работник ушел к своему барьеру, Иван принялся рассматривать наглядность, развешанную на стенах.

Затем обратил внимание на картотеку с выдвижными ящичками.

И., о счастье! В них он обнаружил слайды размером 7х7, наклеенные на картон с изображением военных машин: танков, пушек, кораблей, самолетов и краткой характеристикой на обороте. Он выбрал около трех десятков военных самолетов разной классификации, у которых темноватой краской были затушеваны места, защищенные бронёй: моторы, кабины летчика, сиденья стрелков.

Осторожно, посматривая на входную дверь, распихал их в сапоги и принялся, как ни в чем не бывало, разглядывать альбомы, мало приспособленные, к сожалению, к тому, чтобы их незаметно вынести за пределы опасной зоны.

К обеду приехал «профессор» Петров, единственный среди авиаторов, ничем не смахивающий на военного. Всех остальных, переодетых в гражданскую форму, выдавала военная выправка и строгость в обращении с окружающими. За глаза все называли его профессором, что полностью соответствовало его званию и его внешнему виду. Он показал карт-бланш за подписью трех ответственных лиц, гарантирующих оплату стоимости самолетов, разбитых советскими испытателями.

— Все! Даю «зеленый» на взлет любого самолета, какой может предоставить вам Центр, — не скрывая ликования, слегка пританцовывал генерал без каких-либо генеральских отличий.

— Иван Евграфович сегодня выходит на «дорнье». Начните с разведчика. «Фокеры», я думаю, Петр Михайлович осилит за три дня. На большее не рассчитывайте, милые. Обстановка не позволяет. Только, пожалуйста, поспешайте не спеша. Мы должны вернуться домой все на зло врагам, на радость друзьям.

Однако, несмотря на предоставленные гарантии, руководство Центра наложило запрет на самостоятельные полеты. И тут-то выяснилось, что необходимо застраховать и жизнь испытателей. Напрасно Степан Павлович, как староста группы, и «профессор» доказывали руководителям Центра, что страховать жизнь не обязательно, что это добровольное дело каждого свободного человека. При этом они ссылались на решение подобной проблемы администрацией Вилли Мессершмитта, что они, в конце концов, будут жаловаться правительству на искусственно создаваемые препоны по обмену опытом между дружественными державами. Вошедший в обширный кабинет полковник с приплюснутым больным глазом стремительно вскинул правую руку: «Хайль Гитлер!»

— Хайль! — тотчас прозвучало в ответ от подтянувшихся офицеров Центра.

— Что мне делать с этими друзьями по неволе? — пожаловался руководитель Центра вошедшему полковнику, хотя сам имел генеральские погоны. — Они не понимают, что у нас государственное учреждение, а не частная лавочка Мессершмитта. Закон обязывает нас заключать страховое обязательство с летчиками.

— Так застрахуйте их — и концы в воду! — отрубил полковник, не моргнув глазом.

— Не можем. Иностранных граждан страхует частная

фирма, — развел руками генерал.

Посольский переводчик «профессора» наклонился к Супруну:

— Бесполезно. Пора уезжать.

— А кто может разрешить полеты моим подопечным? — по-прежнему обращаясь к генералу, спросил «профессор» в надежде, что полковник, перед которым все вытянулись в струнку, может внести кое-какие поправки в ситуацию.

Генерал демонстративно поднял указательный палец вверх и показал глазами в потолок.

— Ну, так позвоните! — встрепенулся «профессор», наивно полагая, что аккуратный генерал указал на вышестоящую инстанцию.

— Я могу обратиться к Юпитеру только через соответствующие инстанции. У меня нет телефона прямой связи. — При этом дисциплинированный генерал выразительно посмотрел на полковника.

— Минуточку! — шагнул к телефону полковник. Набрал номер и протянул трубку генералу: — Поясните ему проблему.

Генерал приложил трубку к уху. И когда из мембраны прозвучал вальяжный голос: «Рейхсмаршал слушает», — генерал онемел, побледнел, потом покраснел и сбивчиво изложил просьбу советской делегации, чуть подрагивая в коленках.

— Так точно! — вдруг вытянулся «во фрунт» генерал, бережно опуская трубку на рычаги.

И четверо друзей приступили к самостоятельным полетам. Оказывается, и в законной Германии слово «пахана» выше всякого закона.

Показательные полеты «профессор» назначил на пятнадцатое число. Поэтому с утра все стажировались на очередном типе аппарата, а после обеда самостоятельно тренировались на избранных машинах для воздушного шоу. В день приходилось по восемь вылетов.

И вот настал последний прощальный день. С утра все были в приподнятом настроении. Из посольства то и дело звонили по поводу программы выступления, распорядка дня, места и времени проведения помпезного приема, о порядке официальных приветствий и других мелочах великосветской тусовки. Уточняли состав приглашенных лиц на вечерний банкет в честь героев дня. «Профессор» не отходил от телефона до тех пор, пока его не пригласили в микроавтобус, идущий налетное поле.

К этому времени вокруг столичного аэродрома скопилось немало зевак: бритоголовых лоботрясов, расфуфыренных дам, подобострастных пенсионеров — заядлых любителей воздушных парадов, технарей, представителей авиационных заводов, жадных

до сенсации радиокомментаторов, газетчиков, солдат и прочих поклонников пышных торжеств. Под конец приготовлений приехали на черных лимузинах высокопоставленные чиновники военно-воздушных сил и Национал-социалистической партии.

Последние взошли на обширный грубо сколоченный деревянный помост с метровым по живот бордюром, обтянутым снаружи коричневым полотном. Переднюю стенку бордюра, обращенную в сторону взлетной полосы, украшал лозунг: «Эс лебен Дойчланд!»

По бокам, буквами помельче, со стороны, где отводилось место для приглашенных гостей, надо понимать, и советского посольства, можно было прочитать, что победит дружба. А с другой боковины, где расположились курсанты военных авиаучилищ и военные чиновники пониже рангом, чем те, что на помосте, плакат гласил, что немецкие воздушные войска непобедимы.

Взвилась и рассыпалась веером зеленая ракета, возвещающая о начале воздушного представления. Тысячеголосый вопль толпы «Вива-а-а-т!» приглушили через громкоговорители звуки духового оркестра, грянувшего популярный патриотический шлягер: «Дойчланд, Дойчланд — юбер аллее!»

Показательное выступление началось из глубины аэродрома, где виднелись ангары и вспомогательные здания. От еле заметных рядов выстроенных самолетов один за другим отделились три штурмовика и не спеша потянулись к стартовой полосе. По сигналу красной ракеты они в том же порядке: друг за дружкой, взлетели и скрылись в серо-дымчатой дали пасмурного неба; но тут же появились обратным курсом в четком строю, похожим на кончик стрелы: впереди — командир, позади — эскорт фронтом из двух машин. Вдруг они синхронно «клюнули» вниз, на бешеной скорости спикировали в центр аэродрома, выравниваясь у самой земли. Описав петлю Нестерова, снова сорвались в пике, оглушая грохотом моторов собравшуюся публику, со страхом взирающую на заколдованный строй светло-коричневых птиц с черными крестами на крыльях. Развернувшись на краю полигона, самолеты ушли на посадку в другой конец поля.

Сидя в кабине истребителя с открытым фонарем, Иван алчно следил за полетом товарищей, искренне восхищался их групповым виражом у самой земли и всем сердцем рвался на старт, чтобы удивить публику своим мастерством. Пока он таким образом мечтал о предстоящем выступлении, разводящий офицер дал сигнал флажком «на выход» и… новейшая модель легкого истребителя гордым селезнем поплыла на старт.

Когда самолет оторвался от земли и по прямой поднялся на стометровую высоту, Иван не стал тянуть ручку на себя, сдерживаясь от искушения взмыть вверх. Выровняв «хейнкель» горизонтально и не убрав шасси, он свалился на крыло под прямым углом и в таком положении описал круг над аэродромом, вплотную пролетая у самой кромки полукруга, образовавшегося из оцепления и публики, столпившейся по обе стороны трибуны. На выходе из бокового виража он еще раз свалился на крыло и теперь уже вниз головой — вверх колесами пролетел над шумно ликующими поклонниками воздушного спектакля.

После такого простенького вступления самолет круто задрал нос вверх, выписал три восходящих петли Нестерова и уже с километровой высоты штопором ввинтился в центр аэродрома.

Снова вираж, и вот послушный истребитель по спирали взбирается почти до перистых облаков и оттуда, с поднебесья катится бочкой по наклонной, срывается в штопор, но через три витка переходит в отвесное пикирование и… выйдя у самой земли из казалось бы гибельного положения, проносится вдоль растянувшихся рядов публики.

Толпа сатанеет, рукоплещет, и ничто не может усмирить море бушующих эмоций. Ни каменные лица начальства на трибуне, ни настоятельные просьбы полицейских соблюдать благопристойный порядок на виду высокого руководства рейха, ни налет английской авиации на Дюнкерк, форпост немецких войск, изготовившихся для прыжка на Англию, как оповестило радио, прервав комментарии по поводу воздушной акробатики в небе.

В заключение программы каждый из четверых поочередно выполнил свой коронный номер на избранном типе самолета. Иван последним, под занавес, прошелся «колесом» из «мертвых петель» почти на бреющем полете буквально перед носом ужаснувшейся толпы и вновь вызвал шум рукоплесканий и каскад непроизвольно вырвавшихся вздохов.

Глава 9
Железный крест рыцаря

В честь завершения общей программы по обмену опытом, рейхсмаршал Люфтваффе устроил прием.

Перед входом в главный корпус вымуштрованные сотрудники военной полиции проверяли пригласительный билет: отрывали пропуск, находили в своих списках номер и фамилию приглашенного, заполняли графу прибытия и только после этого разрешали пройти. В полуосвещенной гостиной можно было перевести дыхание, осмотреться, отдохнуть на банкетке, почитать за низким журнальным столиком газету или полистать рекламный буклет какой-нибудь авиационной фирмы.

Высокие прямоугольные окна гостиной были задернуты плотными темно-коричневыми гардинами, в просвете между которыми угадывалась деревянная драпировка на случай бомбежки.

Разглядывая исподтишка обстановку, Иван Евграфович отметил про себя, что, кроме портрета Гитлера и нескольких картин на военные темы, ничего лишнего, тем более крикливого, на стенах не было. Прочная светомаскировка на окнах и простенькая фотовитрина из истории становления Люфтваффе наводили на мысль, что праздничное настроение, переживаемое им и окружающими людьми — не долговечно, омрачено какими-то подспудными тревогами, несмотря на внешнюю бодрость, даже веселость участников сборища.

Показался Геббельс. Вместо того чтобы пройти в банкетный зал через боковую тайную дверь, как это заведено у высших чинов, «головастик» на тонких ножках проплыл гоголем, прошествовал под ручку с благоверной через парадный вход, через всю гостиную под льстивый лепет одобрения и чинопочитания.

«Вот если бы таким макаром продефилировал через вверенное ему учреждение импозантный Геринг — куда ни шло.

Все-таки — летчик, — продолжал по наивности размышлять Федоров. — А Геббельс? Обезьяна-обезьяной! А туда же! В славу. Сорвать хоть пару аплодисментов — и то приятно. Как все-таки мало требуется мелкому честолюбцу?»

Вслед за министром пропаганды неторопливо, с чувством собственного достоинства двинулись в обеденный зал и все остальные. Часы показывали без десяти четыре.

Длинные столы, накрытые белоснежными скатертями с

голубыми узорами по краям, радовали глаз набором всевозможных напитков по центру стола вкупе с холодными закусками. Через каждые полтора метра стояли хлебницы с тонко нарезанными булочками. По обеим сторонам этого своеобразного оазиса из пищевой фауны и флоры, запечатанной в бутылки и красиво заправленной в салатницы, тянулся ряд пустых тарелок. Слева от них лежала десертная ложка, вилка, а справа — нож с зубчиками для отбивного мяса. Тут же красовались вазочки для объедков, стопочка, бокал и сложенная пилоткой голубоватая салфетка с номером приглашенного. Тарелки с бутербродами (ветчина, сыр, колбаса, осетрина, красная икра) перемежались с чашами салата. Огурчики, грибочки, зелень, черешня захватывали дух изголодавшихся участников военно-спортивного шоу.

У входа в столовую распорядитель злачных мест с двумя подручными кадетами вновь попросил гостей предъявить пригласительный, оторвал талон банкетного зала и только после такой контрольно-пропускной процедуры вежливо промурлыкал:

— Очень приятно, проходите, сектор В.

Кадет с приглаженной челочкой под фюрера подвел гостей к банкеткам слева от торцевого стола. Места оказались с внутренней стороны левого крыла застолья не случайно. Их заполнили люди, преимущественно в штатском. Справа от головного стола разместилась военная каста.

Когда все расселись, согласно указанным местам, ровно в шестнадцать ноль-ноль из боковой двери появились величественный, с выдающимися женскими ляжками и заметным брюшком рейхсмаршал Геринг и щуплый, поджарый Геббельс, который рядом с тучным голиафом Люфтваффе выглядел совсем карликом, но тем не менее и ему достались аплодисменты тщеславия наравне с популярным другом.

Под шумок приветствий Иван осмотрелся и немало удивился тому, что оказался в изоляции от своих товарищей. Между ним и профессором Петровым, сидящим ближе всех к нему, располагались незнакомые лица: то ли фискалы, то ли, на всякий пожарный случай, мордовороты в штатском. Рядом, впритык к главному столу, оказался барон Галланд, появление которого он в суете разбежавшихся глаз и навалившихся впечатлений просто прозевал.

Но вот шум и сдержанные аплодисменты стихли. Министр пропаганды заглянул в листок, что-то сказал в сторону советской делегации и предоставил слово рейхсмаршалу. Грузное, излишне упитанное тело главного шефа авиации приподнялось из-за стола и заслонило маленького «головастика», как мысленно нарек министра Федоров, чуточку шокированный нежданной

изоляцией.

После вступительного слова маршал предложил тост за доблестных, как он выразился, летчиков великой страны. Жидкие аплодисменты, шум заработанных штопоров и приглушенный звон стекла возвестил о том, что слушатели за столом охотно поддержали казенный призыв главаря военной авиации выпить за российских вундеркиндов воздухоплавания.

Кривоглазый Адольф выхватил из груды напитков четырехгранный пузырь и галантно показал прозрачное содержимое сосуда своему «руссише камрад»:

— Шнапс?

Иван испугался невольно закравшейся мыслишки: «Накачать хочет, что ли?» — и поспешно указал на красивую этикетку с непонятным словом «Хюгель».

— О! Битте шён! Пожалуйста, — легко согласился навязчивый друг. — Эльзас теперь наш. Я с удовольствием разделю с вами вкус этого коньяка. Ваше здоровье! Мы сначала чокнемся, чтобы выпить, а потом, как это у русских, вы-пи-вать, чтобы чокаться.

«Ох, черт возьми! Крепкий орешек оказался. Ну, да где наша не пропадала? — подумал Иван, занюхивая глоток ломтиком белого хлеба. — Чего доброго — опьянею. Надо было указать на бутылку с гроздьями винограда. Мускатель не шибко ударит в голову за столь деликатным столом, факт. Но… после драки кулаками не машут».

Вслух же он заявил, соглашаясь с проявленным дружелюбием:

— Зер гут! Отлично! — и степенно взялся за огурчик двумя пальцами, упустив из виду рогатую вилку.

С ответным словом выступил генерал Петров. Он поблагодарил руководство Центра за прием, похвалил тружеников авиационных заводов за высокие технические достижения в области самолетостроения и предложил тост «за доблестное оружие Люфтваффе».

«Так-с, вашим салом по нашим мусалам», — мелькнула озорная мысль у раскрасневшегося юнца из страны Советов в окружении матерых специалистов по части выпивки и вербовки шпионской клиентуры.

Зал заметно оживился, налегая на закуску и пить. Галланд наклонился к уху соседа:

— Хочешь поучаствовать в настоящем деле?

— Каком? — машинально спросил захмелевший испытатель крепости неведомого коньячка.

— Воздушный цирк на берегу Ла-Манша. Один день летал,

другой день отдыхать здесь. Ферштеен? Я работаю английский цирк. Сегодня здесь — завтра там. Команданте эскадра. Ферштеен?

— Не-е. Профессор, — показал рукой выпивший, но еще не пьяный гость в сторону руководителя делегации.

— Твой отдых не свободен? — прищурил один глаз наниматель «цирковых работников», в то время как веки другого ока даже не дрогнули.

Между тем министр пропаганды, постукивая пальчиком по наручным часам, показал циферблат Герингу. Маршал манерно пожал плечами. Потом обратился к сидящему рядом генералу. В итоге предупредительно зазвенел колокольчик председательствующего «головастика» и в зале воцарилась тишина.

— Правительство и высшее командование Люфтваффе, — надтреснутым лающимся голосом возвестил министр, — решило наградить русских летчиков за выдающиеся успехи в испытании немецких военных самолетов почетным знаком отличного пилота Третьего рейха и денежной премией в виде юбилейной золотой монеты достоинством в десять тысяч марок каждая.

Когда стихли холодные официальные аплодисменты, поднялся начальник Центра. Зычным голосом он объявил:

— Первым удостоен этой награды грюппен-фюрер господин Супрун! Коммен зи, битте, ам дер тиш. Подойдите, пожалуйта, к столу.

Подталкиваемый товарищами, Степан отставил свой стул и скромно предстал перед начальственным чуть возвышенным столом, опустив руки по швам. Геринг, перегнувшись через сравнительно узкий стол, привычным движением рук приколол к рубашке отличительный знак и вручил на бархатной подушечке золотую монету. Выпрямился и… вдруг вздел правую руку:

— Хайль Гитлер!

Степан растерялся. Мотнул головой и промямлил, уже оборачиваясь к залу: — Хайль!

Правая сторона, где сидели в основном военные, разразилась редкими аплодисментами, после которых генерал-полковник вычитал фамилию «старейшего группы» Стефановского.

Получив награду, Петр Михайлович на стандартное нацистское приветствие рейхсмаршала, удерживая коробочку с монетой в правой руке, как держали когда-то гусары свой головной убор перед дамой, гордо откланялся легким поклоном головы: «Честь имею!» За что тоже заработал несколько хлопков в ладоши, но уже с левой стороны, где сидели товарищи и представители фирм.

Вызванный к столу Викторов держался как солдат перед трибуналом: бодро и бездыханно. Но в последний момент дрогнул. На энергичное приветствие «Хайль!» запинаясь промычал: «Бляпремного благодарен». На что слева и справа раздались сдержанные нечленораздельные звуки то ли негодования, то ли удовлетворения.

Время предстать перед рейхсмаршалом, как перед богом, вплотную подступило к четвертому, последнему летчику, а Иван Федоров сидел и все еще лихорадочно перебирал в памяти варианты ответа на явно провокационное и в тот же момент как бы невинное, традиционное приветствие высочайшего чиновника официально дружественного государства, на которое требуется не простой, не раболепный, а предельно смелый, достойный и одновременно дипломатичный, не дай бог — оскорбительный, ответ.

Охотнее всего он хотел бы отделаться шуточкой. «Планета — это та же огромная сцена, на которой человек постоянно шутит, если не с Богом, то со своей долей», — говаривал он иногда «подшофе». Но не та обстановка, не то собрание, где бы можно было шутя выразить и свои чувства благодарности к людям, заметившим его талант, и чувства классовой неприязни к их антикоммунистической морали, которые он впитал с молоком матери, задерганной нуждой и гнетом социальной несправедливости. Но как выбрать из хаоса нахлынувших чувств и мыслей тот стиль поведения, который бы в точности выразил противоречивую сущность его ума и духа?

На самом пике произнесенной начальником Центра фразы: «Награждается самый молодой и самый талантливый пилот…» и разгар поднявшихся чувств претендента на заслуженное вознаграждение из боковой двери показался высокий подтянутый генерал в коричневом френче с аксельбантами, и все сидящие за председательствующим столом как по команде повернули голову к вошедшему, а в руках начальника Центра задрожал лист. Отступив в сторону, вошедший громко выкрикнул, воздевая руку вперед: «Хайль Гитлер!»

Все вскочили: кто мгновенно, кто замешкавшись, кто с недопустимым запозданием. Последние нашлись и среди военных, доведенных данным приветствием, казалось, до автоматизма.

Федоров тоже вскочил, подчиняясь скорее стадному чувству единения, чем осознанному долгу уважения. Тем более, что уважительный сосед, вскакивая, поддернул за собой и несколько задержавшегося подопечного.

«Хайль!» «Хайль!» «Хайль!» — трижды, с нарастающим

энтузиазмом прозвучало в ответ как раз в момент появления человека с фанатично устремленным в пустоту взглядом из-под нависшей кокетливо зачесанной челочки.

Люди за представительским столом раздвинулись, и торжествующий босс почитателей коричневого цвета оказался между Геббельсом и Герингом, как истукан между Сциллой и Харибдой. Мало-помалу в зале воцарился порядок, нарушенный явлением кумира нацизма, а самоназначенный президиум застолья, обменявшись короткими фразами между собой, вынес постановление устами все того же генерал-полковника:

— Именем фюрера и высшего руководства Люфтваффе награждается самый молодой и самый талантливый из русских пилотов — Иван Федоров денежной премией и Рыцарским железным крестом!

Наэлектризованный зал буквально разрядился громом рукоплесканий, а Геринг встал рядом с генерал-полковником, принял из рук фюрера орден с подвязкой и перегнулся к обалдевшему виновнику шумных оваций, подошедшему к столу на ватных ногах с помощью находчивого покровителя.

Остальную процедуру посвящения русского Ивана в немецкого рыцаря истребительной авиации опьяневший баловень фортуны помнит как во сне.

Петр Михайлович Стефановский как-то рассказывал сослуживцам, что немецкий полковник якобы пытался нагнуть Ивану голову, чтобы рейхсмаршалу было удобно набросить на шею ленточную петлю с Железным крестом, а новоиспеченный рыцарь Люфтваффе наоборот — откидывал голову назад, выпячивая грудь, на которую, в конце концов, как на не в меру упрямого верблюда, и набросили подвязку под сдержанный смех окружающих.

Степан Павлович Супрун уверял, напротив, что петля оказалась маловатой для бычьей шеи мастера по вольной борьбе и потому, к великому неудовольствию рейхсмаршала, крест вынужденно распластали на груди, заправив ленту под воротник.

На приветствие: «Хайль Гитлер!» новорожденный рыцарь Железного креста вскинул кулак и вместо выкрика «Рот фронт!» рявкнул «Зик хайль!» что повергло некоторых в шок.

Но не растерявшийся полковник с гитлеровскими усиками резко развернулся к залу и троекратно, с паузами, взмахивая как заправский дирижер рукой, проскандировал: «Зик!» На что присутствующие в зале после каждого заклинания полковника, вначале неуверенно, но затем более воодушевленно трижды пролаяли: — Хайль!

Выпили за победу. После чего фюрер предложил тост за

дружбу. И каждый раз стопка Ивана опустошалась до дна, потому что нельзя было не выпить за победу, которую он сам провозгласил. И нельзя было отказаться от тоста фюрера, от дружбы, от прочих восхитительных уговоров чокнуться за мир, за детей, за успех, за прекрасное будущее, за тех, кто в воздухе и… черт знает за что.

Высшее руководство рейха поднялось из-за стола и спустилось на ступеньку ниже, на уровень сидящих в зале. Держа наполовину заполненные рюмки в руке, фюрер и его свита начали принимать поздравления от окружающих, чокаясь налево и направо, медленно продвигаясь к выходу. Все вскочили, стараясь дотянуться своей стопочкой или бокалом до заветной рюмочки своего кумира.

Иван тоже вскочил, подхватив на лету бокал соседа с янтарной жидкостью, и двинулся к Гитлеру. Но не так-то просто было чокнуться с главарем наци, окруженным сборищем поклонников.

С не совсем трезвым рыцарем чокались все, чтобы он отошел в сторону, довольствуясь малым, но это как раз и подзадоривало осмелевшего плебея с королевскими замашками. Наконец Гитлер как будто посмотрел на него, не решаясь на панибратское движение рукой, но в последний момент отвернулся, что-то сказал Герингу, и тот уделил внимание настырному гостю: совсем оттеснил его от фюрера своей тушей, предлагая чокнуться один на один. «Сталин и Гитлер — дружба?!» — неопределенно высказал наболевшее разгоряченный соучастник великосветской тусовки.

— Я-я. Фройндшаф, дружба, — закивал головой рейхсмаршал, чокаясь одновременно и с полковником Люфтваффе. — Вот карандаш. Запишите мой телефон. Осторожно: он секретный. Будьте здоровы. Не теряйте его в сутолоке дня, — загадочно улыбнулся маршал полковнику так, что Иван Евграфович никак не мог взять в толк — кого или что не терять: карандаш, номер телефона или его самого, сверхсекретного летчика-испытателя, бдительно охраняемого со всех сторон даже здесь, за столом, на виду у родного посольства, на глазах у милейшего профессора ЦАГИ.

— Все! Баста! Раз он не захотел со мной выпить, я тоже не стану пить. Я хоть и дурак в политике, но тоже кое в чем петрю, Адольф… как там тебя по батюшке. Не нужен мне этот карандаш сто лет. Я такую же оглоблю на глазах у Клима Ворошилова сунул в голенище. Не веришь? — бормотал униженный рыцарь, отставляя бокал на соседний стол.

— Это секретный карандаш. Понимаешь? Он может стрелять.

Осторожно. Геринг подарил его тебе, Женя, — долбил свое полковник, засовывая карандаш в карман диагоналевой гимнастерки.

— Хватит вам любезничать на середине зала, — подступился к неразлучной парочке Стефановский. — Посол приглашает вас к своему столику.

— Данке шён, абер… Спасибо, но меня ждут коллеги, — изящно откланялся командир воздушной эскадры «английского цирка».

Высшее руководство рейха к этому времени удалилось, и все присутствующие теперь перегруппировались за столами по своим интересам и правилам воинской субординации. Остаток торжественного обеда прошел, таким образом, в более естественной обстановке без официальной учтивости и показного уважения. По приглашению посла летчики отправились на территорию советского посольства, где именинникам судного дня посоветовали хорошо отдохнуть в связи с вылетом ранним утром на родину.

Таким образом, культурная программа, рассчитанная на два дня по завершении показательных полетов, переносилась из Берлина в Москву, где золотые монеты реализовать было крайне сложно и неинтересно. Ко всему этому, военный атташе, отвечая на вопрос пилотов: с чем связана такая поспешность, уклончиво заметил, что боится за нетипичную обстановку, создавшуюся вокруг рыцаря. Из чего все заключили, что виноват в столь загадочной обстановке Федоров, а улетать приходится всем. Завидуя и негодуя, товарищи прикусили языки, прекрасно понимая, что дома их ждут ни какими законами не предусмотренные побочные отчеты и допросы под маской благожелательности. Исходя из этих, в общем-то, защитных предположений, кавалер Рыцарского креста раздобыл молоток, достал из баульчика складной перочинный ножичек ручной работы с набором двенадцати миниатюрных инструментов, просверлил четыре дырочки и приколотил, присобачил Крест на каблук левого сапога. После такого нравственно-очистительного обряда предусмотрительный герой берлинского неба забылся крепким сном праведника, уверившего в безопасность каких бы то ни было встреч впереди.

Когда город еще покоился тихим порой вздрагивающим забытьём прошедшего дня, группа молчаливых авиаторов в сопровождении оперуполномоченного по особо важным делам прибыла на аэродром, погрузилась на транспортный самолет министерства внешней торговли и благополучно взлетела по заранее согласованному графику движения. В Бресте —

остановка, дозаправка и снова в путь.

В Москве их встретила группа командиров из управления ВВС во главе с заместителем наркома обороны генерал-лейтенантом Рычаговым, позади которого маячила фигура преуспевающего чекиста Копировского с новенькими знаками силовых структур. Пожав друг другу руки, летчики обменялись общими, ничего не значащими фразами и двинулись к машинам.

— А где же твой Железный крест? — не скрывая зависти и чувств мнимого превосходства, благодаря агентурной осведомленности, спросил с ухмылкой чекист.

— А вот он! — не без злорадства задрал ногу Иван, показывая не в меру любопытному дознавателю помеченный каблук. «Что, выкусил?» — в свою очередь мысленно улыбнулся испытатель, стараясь не хромать.

До начала войны оставалось ровно четыре дня.

Часть 4
Великая Отечественная

Глава 1
Вотчина Мао-Дзедуна

Сдав отчеты и технические характеристики на испытанные самолеты в Германии своему руководителю по командировке милейшему «профессору», Иван Евграфович решил лично отнести похищенные в библиотеке Люфтваффе карточки заместителю наркома обороны Рычагову, чтобы тот пристроил их куда следует.

Прежде всего, для изучения и, может быть, для иллюстрации на курсах подготовки командиров в авиационной академии. Но того на месте не оказалось. Тут же, на проходной, он позвонил в кабинет Смушкевичу.

Яков Владимирович обрадовался звонку и с ходу выпалил:

— Слушай меня внимательно. Тебя разыскивает наркомат иностранных дел. Командировка в Китай. Я дал согласие. Зайди в отдел межправительственных связей. И поторопись. Тобой интересуются контрразведчики. У тебя все в порядке? Что это за связи с Галландом?

— Шапочное знакомство. Какое еще может быть? Летчик он, думается, то, что надо, — как-то сразу закашлявшись упал духом самодеятельный разведчик секретных материалов Люфтваффе, закашлявшись.

— Добро. Будь здоров. Не кашляй. Желаю удачи, — положил трубку помощник начальника генерального штаба.

«Вот тебе, бабушка, и Юрьев день — чесал затылок себе по дороге Иван — Какой тебе отдых, когда на пятки наступают сыщики по ловле блох? Галланд, несомненно, тот еще летчик. Но и я, кажется, не лыком шит. Пусть они попробуют придраться. Впрочем, придраться можно и к телеграфному столбу. За стыковку с иностранным агентом. Вон Григорий Михайлович Штерн. Герой Советского Союза, генерал, член ЦК партии, а все-таки взят в наручники. За что? Неумело руководил армией или неумело исполнял дурацкие предписания сверху? За это снимают с должности, но не отдают под суд специалистам по экзекуции. Эти любого могут превратить в козла отпущения. Главное — не сорваться. В игре с шулерами на ярмарки тщеславия надо быть осторожным. Чем дальше от политических интриг, тем лучше».

Постояв на мосту Москвы-реки, глядя на воду, он невольно вспомнил чье-то изречение, что все течет и все меняется, как вон те девчонки, брызгая друг на друга у кромки воды. Хорошо бы искупаться, очиститься от наносной золотистой пыли германского рейха, отдаться естественным радостям бытия, как те

подростки, барахтающиеся на отмели. АН нет. Время поджимает.

Упустишь — потеряешь то, что имеешь. По большому счету, ясно. Дома Аня показала телефонограмму из наркомата иностранных дел, не скрывая недовольства слишком кратковременным свиданием с вечно улетающим куда-то мужем.

Спрятав подальше карандаш Геринга, Железный крест, золотую монету и карточки с изображением самолетов, Федоров отправился на Смоленскую площадь за документами на выезд в Китай.

Через два дня он был уже в Алма-Ате, откуда на перекладных, где железкой, где на машинах, добрался в Кульджу.

Известие о нападении Германии на СССР он услышал по пути от Талды-Кургана до границы из уст попутчиков. И первым нестерпимым желанием его было немедленно вернуться в Москву.

Туда, где, считал он, необходимо быть ему по долгу службы, по праву боевого летчика. По зову сердца, наконец. Однако здравомыслие одержало верх. Подумал: а вдруг это широкомасштабная провокация перед броском через Ла-Манш. Ведь сколько раз писали об этом, говорили на совещаниях, предупреждали по телефону — не поддаваться на провокации. Да и нельзя ему по личному усмотрению ослушаться, отказаться от правительственного поручения. Его ждут в Кульдже. Если дело с Германией без дураков, надобно действовать по уставу, по форме, а не с кондачка.

Генеральное консульство Советского Союза располагалось в Урумчи — столице Синьцзян-Уйгурского района. Недалеко, но и не близко от провинциального городишка, где надлежало наладить сборку самолетов, поступающих из Казахстана. Федоров значился военным советником, отвечал за качество выпускаемой продукции наравне с директором завода по сборке самолетов.

Кроме консультаций по летно-тактическим вопросам при штабе военно-воздушных сил Китая, в его обязанности входила завершающая проверка самолета после «обкатки» заводскими пилотами. Работа не ахти тяжелая, но скучная. Контрольный полет, подпись на сопровождающих документах, инструктаж, участие в совещаниях: изо дня в день, из недели в неделю — одно и то же. От одной жары можно с ума сойти, не то что от однообразия застывшего времени в глуши.

А вести из Москвы все тревожнее и мрачнее. Немцы захватили Киев, подошли к Смоленску. Что же их никто не может остановить? От генерального консула на его рапорт — ни ответа, ни привета. Не выдержал военный советник, улетел в Урумчи.

Разговор с главным военным представителем консульства

был коротким.

«Понимаем, сочувствуем, но помочь не можем: здесь тоже фронт». И вот на стол главному консулу в Китае положили лист бумаги, источающий крик души отчаянного патриота сталинской державы.

«Командующему ВВС Красной Армии.
Копия Генеральному консулу СССР
в Синьцзянской провинции Китая г. Урумчи,
И. Н. Бакулину
от летчика-испытателя И. Е. Федорова.
27.07.1941 г.
Рапорт

Прошу Вашего распоряжения об откомандирования меня с Западного Китая, объекта-600 в Советский Союз — действующую армию, так как свою основную работу я окончил, а то, что осталось на сегодняшний день — то ее может любой рядовой летчик-испытатель выполнить успешно и без меня.

Считаю, что мне как командиру ИАП и окончившему ЛВАКУ (Липецкие высшие авиационные курсы управления) в 1939 г. дважды краснознаменцу в такой период отсиживаться в таком глубоком тылу и почивать на лаврах не пристало. Но, несмотря на мою бесконечную просьбу по месту службы, где яи по сей день продолжаю обивать пороги по всем инстанциям, желаемых результатов все нет, как нет.

И только это обстоятельство заставило меня обратиться лично к Вам с полным горячих чувств и желания как можно побыстрей попасть на советскую землю и в первых рядах с нашими бесстрашными соколами уничтожать стервятников, тем самым, очищая небо нашей любимой Родины от всякого мусора и нечисти, тем более что мне немецкая тактика войны уже давно известна по ПИРЕНЕЯМ: я их еще там с 1937 по 1938 г. основательно лупил и теперь только буду рад, если мне Вы предоставите снова возможность чувствительно пощекотать их, да так, чтобы ни один не воскресал обратно. Только удовлетворите мою просьбу, и все случится так, как быстрее нельзя.

Мой адрес: Западный Китай, г. Урумчи, Ген. Консульство СССР, зав. Сельхозмашин (директор завода В. С. Еськов) ФЕДОРОВУ Ивану Евграфовичу».

На рапорте внизу крупным почерком надпись: «Не считаю целесообразным отзывать без соответствующей замены. И. Бакулин».

Консул вызвал секретаря, подвинул рапорт навстречу:

— Это отправьте очередной почтой с донесениями о состоянии дел за неделю.

Повернувшись к посетителю, сердито проронил:

— Пока суд да дело, Иван Евграфович, а к следующему четвергу подготовьте звено или эскадрилью и продемонстрируйте над резиденцией Мао Дзедуна мощь и боевую готовность китайской авиации защищать стены коммунистической крепости в Манасе. Пусть порадуется Председатель своими летчиками в день рождения.

Манас был обителью тибетских монахов, спустившихся с отрогов Тянь-Шаня еще в тринадцатом веке. Мао приспособил обитель под свою резиденцию после поражения революции в тридцатые годы.

Сценарий «парада» был расписан по минутам. И вот над Манасом появилась группа самолетов. Растянувшись по звеньям, истребители дважды пролетели над стенами монастыря, демонстрируя обманную численность авиации повторным появлением.

Вся охрана крепости и маодзедуновская гвардия высыпала наверх, чтобы полюбоваться крылатой техникой, редким зрелищем в глухой провинции.

В заключение показухи, когда небо очистилось от стальных птиц, Иван Евграфович не удержался от соблазна показать свой характер воздушного хулигана в образе китайского летчика.

Поднявшись ввысь, он спикировал прямо на главную башню, где находился всеми уважаемый именинник. Потом промчался над стеной, усеянной любопытными аборигенами Синьцзянской полупустыни, на бреющем полете. Доблестную стражу и борцов за коммунистические идеалы как ветром сдуло со стены.

Потрясенный результатом устрашающего полета, Мао Дзедун вызвал летчика к себе и перед строем преданных ему воинов наградил легионера, перевернувшегося в китайца Ие-Ваньфеда, орденом бесстрашного Дракона и вручил зардевшему от гордости Ивану огромную раковину со словами:

— Эту раковину добыли со дна Желтого моря. Она символизирует жемчужное счастье и приносит удачу путнику. Береги ее.

Прошел месяц с того показательного дня, когда Мао отметил Федорова королевским жестом начинающего политика Китая, а ответ на рапорт все не приходил. Тогда он написал новый рапорт и передал его в Москву с улетающим на родину товарищем.

Так он писал одну за другой свои просьбы и переправлял во все влиятельные инстанции, которые могли содействовать его возвращению на родину.

Наконец из Москвы пришло предписание: откомандировать И. Е. Федорова на авиационный завод в Нижний Новгород в

распоряжение конструкторского бюро С. А. Лавочкина.

Глава 2
На крыльях мечты

Ему предоставили бывшую квартиру Валерия Чкалова, и былое вновь навалилось на него комом невостребованных возможностей и ворохом несбывшихся надежд. Но это была уже настоящая работа, где требовался ум и филигранная сноровка настоящего пилота. Не то что на бреющем полете расстреливать стада сайгаков или пугать маодзедуновскую свиту.

Аня мгновенно навела порядок в квартире, и его быт приобрел долгожданный оттенок семейного благополучия. Вскоре жену зачислили на должность связного пилота, выделили продовольственный пай, талоны на бесплатные обеды в заводской столовой. Казалось, чего еще не хватает двум любящим друг друга молодым людям в тяжелую пору военного лихолетья? А не хватало ребенка.

Еще в тридцать девятом году, в пору призрачного благополучия, когда уже имелась двухкомнатная квартира (в связи с присвоением почетного звания Героя), они приютили сироту-мальчонку пяти лет, оказавшегося на большой дороге победоносного шествия Красной Армии по Западной Белоруссии. Но 22 июня сорок первого, когда Федоров изнывал в Китае, Аня в срочном порядке под огнем немецкой артиллерии вывезла на связном ПО-2 красное знамя авиабригады вместе с начальником секретной части. Сын же остался на оккупированной территории под присмотром соседей. О его судьбе ничего не было известно.

И вот к ней вернулось женское счастье. А какое это счастье без связующего звена, без совместного плода любви, без сладости материнства? Ей страстно захотелось иметь ребенка. Хоть на стену лезь от тоски по живому комочку. Во время бесконечного передвижения при отступлении от одного аэродрома к другому, в глухую полночь непогоды сердце стыло от одиночества и горьких воспоминаний о мальчишке, к которому успела привязаться. Что с ним? Как он один в пустой квартире без материнской ласки, без родительского присмотра? Сумеет ли не потеряться, выжить? Понять, что он не один, о нем помнят и надеются на встречу? Благо, что Ваня возвратился. Есть к кому прижаться в трудную минуту. И быт наладился, и работа интересная, по специальности, а все чего-то не хватает. Как будто жизнь впустую пролетает. Тянешь воз, надрываешься, оглянешься, а он — без поклажи. Порожняк.

А у Ивана свои проблемы, своя печаль. Квартира Чкалова

многое напомнила. Не сбылись мечты обкрутиться вокруг «шарика».

Не те времена настали. А главное, он не дотянулся до учителя, легендарного летчика, гения высшего пилотажа. Так хочется доказать миру, что он — наследник Чкалова и последователь Громова, тоже на многое способен, горазд и подвиг совершить, и смерть перебороть, и жизнь положить на алтарь Отечества.

Только бы ему приказали, поручили, доверили. Фронт — вот то единственное место, где он сможет полностью реализовать все свои способности, показать свое мастерство пилота, свою силу.

Узнав о гибели Супруна, Иван месяц ходил замкнутым, молчаливым, нахохлившимся тугодумом, просчитывая варианты появления на фронте, достойные самого неукротимого авантюриста двадцатого века. Как и все, со школьной скамьи он помнил слова Горького о том, что в жизни всегда есть место подвигу.

«Сейчас это место на фронте, — думал он. — Пора пробиваться дальше. Не для того он вырвался из китайской глуши, чтобы протирать штаны, сидя в самолете на лямках парашюта, будь он трижды проклят. У немцев, у япошек он за спиной. Удобно и легко с ним покидать самолет, вываливаться из кабины падающей машины. А тут сидишь на этих толстенных металлических лямках и за какие-то десять — двадцать минут, при неимоверных перегрузках в воздухе, они так впиваются в ягодицы, что целый день потом ходишь, как избитый палкой по заднице. Посадить бы этого конструктора в самолет, покрутить бы с ним все петли, виражи, свечи, а потом заставить покинуть кабину при штопоре, он бы сразу почувствовал бездарность своего изобретения и пошел бы крутить быкам хвосты, при наличии совести, разумеется».

Так он шел, предаваясь горьким мыслям, после очередного полета, как ужаленный в седалище, и проклинал парашют, а навстречу ему оружейник тормозит на велосипеде:

— Что не весел, нос повесил? Ужель с ума сводит жена?

С оружейником Вахмистровым он познакомился сразу, как приехал на завод. Что-то было в нем притягивающее. То ли мажорный настрой души, то ли открытость ума, то ли доверчивость сердца. По слухам, он улетал куда-то под Москву пристреливать свою пушку в зенитной батарее. И вот теперь вернулся с фронтового полигона, похоже, довольный своей поездкой.

— Что новенькое узнал на фронте? — в тон ему сказал пилот.

— Да как будто Москва вне опасности. А как дальше будет —

нам невдомек. Наше дело маленькое: куй победу там, где прикажут.

— Ну, вот. Ты поешь ту же самую песню, что и все, — безнадежно махнул рукой Иван. — И скучно, и грустно, и некому руку подать.

— Не понял. Вот тебе моя рука. Правда, маленькая, не то что у тебя, но… верная. Это не я говорю тебе. Это сказал мне сам Громов. Знаешь — кто он? «Давай — говорит — пристраивай свою пушчонку на самолет. У тебя верная рука». Чуешь?

— Громов? Где он? — вмиг преобразился импровизатор лермонтовского стиха.

— За Москвой, под Калинином. Недалеко от Ржева.

— А что у тебя за пушка? Нельзя ее на истребитель? — разгорелись глаза испытателя.

— Не знаю. Попробую на бомбовоз вначале. Все тебе хочется быстро. Раз-два и — в дамки. Помню, ты, как появился у нас, бредил крупнокалиберным пулеметом. А теперь вот пушку на блюдечке подавай. Нельзя так. Быстро только кошки… того, скребутся, — смущенно добавил инженер.

— Крупнокалиберный — хорошо, а пушка — лучше, понял? Главное, чтоб она строчила, как пулемет, — впервые улыбнулся чему-то своему, потаенному, Иван. — На фронт мне надо. Не подскажешь, кому лично написать? Начальство наверху поменялось — не могу допетрить: кому рапорт подать, как достучаться.

— Вот пушку пристрою, вместе полетим начальству показывать в действии. Там виднее будет. По рукам?

— Лады. Держи пять. Только не тяни кота за хвост. Жми на все педали, и победа будет за нами.

Прошел месяц, а просвета впереди, в котором он смог бы точно сориентироваться и выйти на цель, не образовалось. И он подал рапорт на имя народного комиссара авиационной промышленности. Но отзыва не получил. Видимо, все ответы оседали в кабинете директора завода.

Глава 3
Побег

Пушку все-таки вмонтировали на новейший, еще не запущенный в серийное производство истребитель ЛаГГ-3. Оружейникам пришлось изрядно повозиться, чтобы втиснуть скорострельное 20 миллиметровое орудие в крыло. Иван Евграфович не мог нарадоваться на грозно торчащие вперед стволы из-под крыльев. Итоги стрельбы по мишеням ошеломили бывалого летчика с первых выстрелов. Он поразил все мишени из разных положений.

Ночью долго не мог уснуть. Перебирал в памяти все этапы воздушных схваток в Испании, в Китае, на Халхин-Голе и не мог найти сходства ни с одним оружием, испытанным ранее на истребителях всевозможных конструкций. «Вот бы мне попробовать ее в настоящем бою», — думал он.

Изобретатель чудо-пушки опять укатил на фронт собирать техническую характеристику на свое детище где-то в районе города Калинина. На утро Федоров потребовал установить мишени на земле, чтобы проверить эффективность стрельбы по наземным целям. И снова фурор. Он не верил своим глазам: макеты танков, машин, самолетов разметались в пух и прах, едва попадали в крестовину прицела. И он решил: «Пора. Хватит ждать манны с неба. Пальма первенства опять достанется другому. Кто виноват? Что мешает ему исполнить свой воинский долг непосредственно на передовой? Неужели Железный крест от Гитлера? Если так, то теперь, когда наступление немцев на Дону развивается, перестраховщики не поверят в его благие порывы, даже если он перейдет из комсомольцев в члены ВКП (б)».

Доложив о результатах стрельбы, он попросил технарей заправить самолет горючим под горловину и обеспечить полный боекомплект. Коменданту аэродрома заявил, что осталась одна мишень, которую необходимо поджечь для отчета.

Сделал прощальный круг над городом. Увидел мост через Оку и вновь засомневался. Правильно ли он поступает? Побег на сверхсекретном перспективном самолете не простят. Под трибунал подведут запросто. Если не расстреляют, то воевать придется, в лучшем случае, с винтовкой в руках. А то и без… мол, добудешь в бою. К аэродрому не подпустят за сто кило — метров. Это уж как пить дать. И тут его осенила блестящая мысль: «А что, если…»

Он еще раз пролетел над мостом теперь уже вдоль реки.

Сделал горку и решился: «Где наша не пропадала? За такое дело по головке не погладят, точно. Но на фронт спишут без промедления». Развернул самолет и с ходу, на бреющем полете нырнул под мост. Радионаушники смягчили удар звукового эха от перекрытий моста на барабанные перепонки. Вираж, и с верхней мертвой точки снова под мост.

«Отлично, — сам себя мысленно подбодрил пилот. — Кажется, по мосту движется железнодорожный состав. Ну что ж, поезд — не помеха. Пусть знают наших. Третий круг — это уже кое-что. Можно зайти и на четвертый. Пусть шарахаются все не только под мостом».

Но неожиданно ударили зенитки. Дымные разрывы снарядов встали на пути к намеченной цели. «Это нам ни к чему», — мелькнуло в голове, оглушенной эхом от моста. Он совсем упустил из памяти, что мост охраняется по всем правилам войны от возможных налетов авиации противника. — Пора домой. Хотя ситуация… Раз зенитки заработали, значит, делу табак. Вмешается вся госохрана. Придется сжигать все мосты за собой».

Убрав уже выпущенные шасси для посадки, Иван совершил традиционный круг над аэродромом, передал по радио диспетчеру: «Всем, всем, всем! Прощайте. Улетаю на фронт. Встретимся после войны, если живы останемся». Покачав крыльями, самолет скрылся за облаками.

Направление — строго на запад. Без компаса. Без карты. Без конечного пункта назначения. На фронт. На деревню к дедушке. Благо, что еще только десять часов и самый удлиненный световой день в году. День начала войны. Главное — добраться до Москвы. Дальше — места, знакомые с довоенных времен. А пока можно ориентироваться по железной дороге. Вахмистров брал командировку до Ржева. Там и нужно искать место приземления. Успокоившись и отмякнув от глухоты, беглец начал строить план реабилитации своего имени в глазах фронтового командования.

Пролетев окраины Москвы на высоте, кавалер Железного креста снизился до пятисот метров, чтобы получше разглядеть полевые аэродромы прифронтовой полосы. Бензин на исходе. Четыреста километров с хвостиком опустошили баки почти до дна.

К тому же посадка на аэродром для заправки горючим даст возможность навести справки о местонахождении третьей воздушной армии, где у него резко возрастут шансы достойно выкрутиться из щекотливого положения.

Зайдя с запада, беглец приземлился на знакомый аэродром в Монино с надеждой, что его кто-то узнает и поможет выйти из затруднений с горючим.

Не заглушая мотора, подрулил к замаскированному бензовозу и только после этой предусмотрительной процедуры заглушил двигатель.

К самолету подошли трое чумазых красноармейцев. Открыв фонарь и степенно спустившись на гаревую дорожку, летчик доверительно признался зачуханным работягам:

— Значит так, друзья. Заправьте мне самолет так, чтобы хватило горючего до Москвы и обратно. Я маленько не рассчитал, проблуждал в облаках, а донесение срочное. Выручайте, и родина вас не забудет.

— Это мы не могем. Хвост занести — пожалуйста, а бензин надо просить у Лехи, — отозвался на пламенный патриотический призыв один из трех прислужников авторитетного хвоста.

— Давайте сюда Леху. Скажите, важное донесение из штаба армии. Бегом, — командирским голосом подстегнул солдат бравый пилот в иностранном берете.

Подтолкнув друг друга, двое нехотя оторвались от созерцания летуна и потрусили в укрытие, замаскированное ветками ивняка. Леха появился вместе с угрюмым командиром отделения с двумя треугольничками в петлицах линялой гимнастерки. Выслушав просьбу незнакомого летчика, хозяин бензовоза спокойно заявил:

— Не могу. У меня бензин на строгом учете. Без накладной с базы не имею права. Только по приказу коменданта.

— Что значит — не могу? С вами говорит штабной командир. Я приказываю: подключайте шланг и заправляйте самолет. Иначе я вас пристрелю за невыполнение приказа, — выхватил сердитый «штабник» наган из кобуры и щелкнул затвором. — Ну! — добавил он, угрожающе наставляя пистолет на слугу бензокрана.

— Ну, так бы и сказали. Сейчас, сейчас, — засуетился шофер бензовоза на краю поля. — Я только доложу командиру и мигом заправлю, не беспокойтесь.

— Никаких командиров, заливай. А с командиром я сам поговорю. Исполняйте, — грозно напирала важная птица из «штаба армии», упавшая с неба на голову бедных красноармейцев, привыкших исполнять малейшие капризы всеми уважаемых летунов.

— Где ваш командир? Ведите меня к нему.

И… уловка сработала. Красноармейцы зашевелились. Леха стал раскручивать шланг. Сержант подался в караульное помещение, оборудованное в одном из капониров. Стараясь не переигрывать, залетный гость направился в сторону наполовину сожженного села, прихватив с собой двух сопровождающих, знающих квартиру коменданта. Пройдя метров двести, плут и

обманщик поневоле остановился:

— Вот что, бойцы-стрельцы. Вы идите, ищите своего командира, доложите ему по-форме. А я — к самолету. Ваш Леха может спутать горловину и зафуговать бензин в масло. Тогда всем вам влетит по первое число.

Пока заправщик подключал насос, подошло еще несколько человек. Лейтенант в летной форме представился дежурным по аэродрому. Попросил предъявить документы. Иван с готовностью показал пропуск на закодированный завод, прикрывая пальцами начальные буквы фамилии. Ничего не поняв из пропуска на какой-то объект под номером двухзначного числа, дежурный потребовал показать удостоверение военнослужащего. Навешивая случайным слушателям на уши лапшу из мифического штаба армии, загадочный пилот возмущенно заявил:

— Я везу секретное спецдонесение. Раскрывать свое имя как дипкурьер не имею права. Вот мое удостоверение. Запишите номер его. Этого достаточно, чтобы выяснить: кто есть кто.

Прибежал сержант из караула, доложил дежурному, что командир полка приказал не заправлять самолет до его прихода.

Лейтенант дал команду шоферу убрать шланг. Леха кинулся отключать насос. Властный летчик придержал его за рукав.

— Не спешите наступать мне на мозоли, товарищи. Я же не пьяный. Со мной шутки плохи, — построжал таинственный дипкурьер, расстегивая китайскую кожанку от полдневной жары так, чтобы все увидели два ордена Красного Знамени на гимнастерке. Леха раскрыл рот от ужаса, увидев, как решительный летчик потянулся рукой к нагану. Но вместо того чтобы выхватить наган, серьезный гость спокойно засунул в карман галифе удостоверение личности, которое доставал для демонстрации дежурному из кармана гимнастерки.

— Продолжайте качать, — бросил он полупросьбу-полуприказ обомлевшему бензозаправщику. — Если нужно подписать какие-либо расходные документы, пожалуйста, — обратился орденоносный летун к дежурному. — Сейчас гляну на табло и я… к вашим услугам.

С этими словами Иван вскочил на крыло, забрался в кабину и облегченно перевел дыхание. В кабине он почувствовал себя в безопасности.

Дело в том, что к самолету приближалась группа вооруженных бойцов во главе с комендантом, а от села спешил еще какой-то командир с посыльными.

— Хорош. Убирайте шланг. Да побыстрей, ядрена вошь. Я опаздываю.

Собственно, последнюю фразу он выкрикнул по инерции

больше для убедительности, чем для обмана. Ее можно было и не произносить. Все и так поняли, что летчик спешит удрать по добру по здорову. Капитан что-то показывал ладонью, призывая спуститься на землю.

— От винта! — взревел летчик, размахивая рукой. Фонарь захлопнулся. Еще раз, показав рукой знак через плексиглас «от мотора», необычный летчик запустил двигатель.

Комедия с заправкой подошла к концу. А могла закончиться драмой. И даже трагедией, промедли он несколько минут. Или брякни не то слово.

Глава 4
Погоня

Из Моннно искатель фронтовых приключений взял курс на восток. Но едва оно скрылось за горизонтом, самолет развернулся влево и устремился на север. «Пусть догоняют меня на востоке, если вздумают ловить», — явно расслабился авиатор, всю свою жизнь посвятивший диагностике полета самолета, а не его поимки.

Летунам из Монино было до лампочки, куда направилась залетная птица, по их понятиям, высокого парения. Слава Богу, что все закончилось без громкого скандала, так сказать, на местном уровне.

Пролетев сотни полторы километров и достигнув берегов Волги, Федоров спустился с заоблачных высот пониже и стал высматривать подходящий аэродром. Под крылом промелькнул один, другой, но, по еле заметным признакам, на обочинах взлетного поля маскировались бомбардировщики, а ему требовались истребители. Впрочем, не обязательно искать воткнутые в стожок вилы, обходя каждую копну. Можно расспросить сеносгребателей у любого стожка и потом действовать наверняка. Совершив посадку на пустующий аэродром, беглец предусмотрительно развернул самолет на старт и выключил мотор. К нему немедленно подступили невесть откуда взявшиеся люди. Он спустился на крыло и попросил напиться воды. Не очень-то разговорчивые хозяева все же принесли кружку и ведро воды. Утолив жажду и умыв лицо, шею, приблудный пилот сообщил, что ему нужен ориентир расположения истребительной авиации.

Дежурный по аэродрому и вскоре появившийся вслед за ним комендант отказались назвать даже приблизительное направление, простодушно ссылаясь на многочисленные приказы и предупреждения о шпионской диверсионной деятельности вражьей стороны. Версия о том, что он новичок на этой местности и пригнал самолет с авиационного завода для Громова, не вызвала нужного доверия, так как он не смог назвать пункта назначения. Ссылка на то, что он забыл название городка недалеко от Калинина тоже не сработала.

Холодный прием настораживал, не снимал нервной напряженки и без того измотанного летчика в странной экипировке, находящегося в прифронтовой полосе без каких-либо сопровождающих документов. Найти в стоге вилы, полагаясь на

помощь людей, оказалось гораздо сложнее, чем искать самому.

Между тем люди, окружившие самолет с заводскими номерами, куда-то уходили и приходили, подозрительно перешептываясь, и дальнейшее пребывание на замкнутом, необщительном поле становилось бессмысленным. Вдруг над аэродромом появился штурмовик. Сделал круг и пошел на посадку. Сердце в груди провинившегося испытателя оборвалось и затрепетало на ветру как осенний лист. «Неужели по мою душу? — сверкнула зловещая мысль: — Сдаваться? Или… вперед, на запад, ближе к линии огня? Там скорее поймут сердце бойца. Так и есть. Идут ко мне. Нет, братцы, еще не вечер. Рано поднимать лапки вверх».

Ни одна складочка не дрогнула на лице напружинившегося пилота в поразительном одеянии.

— Я вижу: от вас толку мало. А выслушивать мораль вашего начальства мне неохота. Отойдите от мотора, — прикрикнул импозантный пилот, вскочив на крыло. Элегантно, как на спортивном снаряде, забросил ноги в кабину. Еще минута, и рев мотора заглушил слова, посланные ему подошедшими пассажирами приземлившегося штурмовика.

Не успел он набрать высоту, как впереди выросли комочки дыма от разрыва зенитных снарядов. Самолет кинулся в другую сторону, но и там ударили зенитки, преграждая путь. Поняв, что его как волка обложили красными флажками, принуждая к посадке на покинутый аэродром, истребитель по восходящей спирали буквально вкрутился в спасительное небо и растаял в голубизне небесного простора.

При подлете к городу его встретили два Яка. Зашли с хвоста. Пристроились попутно с двух сторон по курсу. Федоров покачал крыльями. Яки сдержанно ответили тем же. «Что за люди?» — подумал некоронованный король высшего пилотажа и увеличил скорость. Яки — тоже. ЛаГГ-3 вправо, а ему наперерез фосфоресцирующие пули. Влево — та же картина. Похоже, взяли «в шоры». Смирение — не лучший выход из безвыходного положения. Горка, переворот — и ЛаГГ уже у хвоста правого конвоира. Для порядка пальнул трассирующими влево, вправо, мол, не рыпайся — хуже будет: следуй в своем направлении.

Як попытался тем же способом через переворот зайти в хвост преследователю, но свалился в штопор. «Плохо дело. Придется отвечать еще и за разбитый самолет», — подумал Иван.

К счастью обоих, Як у самой земли выровнялся и на бреющем полете ушел в сторону. Второй Як, висевший выше, тоже отвалил. Победа. Можно внимательно осмотреться.

Впереди на возвышенном месте в центре большого села

выделялась церковь. Рабы Божьи знали когда-то, где строить храмы Господни. Далеко видно. Вокруг по закоулкам под заборами несколько машин. Рядом с поселением открылся аэродром.

Не иначе как солидный штаб квартируется в таком воистину пригожем месте.

«Хватит мыкаться в дебрях прифронтовой полосы. Пора. Будь что будет», — рассудил военный летчик, нарушивший загон военного времени ради священного права защищать свою родину там, где повелели ему сердце и совесть патриота.

Глава 5
Плаха — или папаха?

Телеграфист догнал генерала Громова, когда тот уже вышел из штаба, чтобы сесть в свой знаменитый «Кадиллак» и выехать в расположение бригады штурмовиков, где предстояла разборка чрезвычайных происшествий в армии за последний месяц.

— Товарищ генерал-лейтенант! Срочная!

Михаил Михайлович развернул шифровку: «Ком. Калининским фронтом, копия — Ком. 3-й воздушной армии. Немедленно арестовать и предать суду военного трибунала летчика-испытателя Федорова И. Е. за угон сверхсекретного истребителя ЛаГГ-3 с новейшим вооружением. Самолет и арестанта сопроводить в Нижний Новгород. В случае попытки перелета линии фронта самолет уничтожить всеми имеющимися в Вашем распоряжении средствами ПВО. Директор завода 21, генерал-майор Гостинцев».

— Пусть этим делом займется особый отдел, — возвратил прочитанную «морзянку» генерал обратно телеграфисту. «Федоров, Федоров. Какой же это Федоров?» — пытался вспомнить генерал, направляясь к машине, но полученный приказ Верховного с короткой жесткой припиской командующего фронтом вытеснил из головы четкие образы знакомых, подернутые туманом довоенной поры.

Совещание в Мигалово подходило к концу.

— Со штурмовиками все ясно. А что творится в бригаде истребителей? Только, пожалуйста, покороче, — пошевелил пальцами на груди командующий.

С места поднялся командир корпуса Жильцов:

— Летчик Решетов, старший лейтенант, на счету — девяносто два боевых вылета, три сбитых самолета противника и два в группе. Расстрелял своего ведомого прямо в воздухе, когда тот в третий раз покинул его в бою.

— Отлично. Дальше и еще короче, — заерзал на стуле генерал. — А итог какой?

— Решетов сбил «мессера» и, весь изрешеченный, еле дотянул до аэродрома, а ведомый спустился на парашюте и целехоньким пришел в расположение полка. В итоге потеряли один самолет.

— А теперь вот теряем и боевого летчика, — грустно проронил Байдуков, заместитель командующего по технике пилотажа. — Какова моральная обстановка в полку? Почему личные счеты между пилотами выносите за пределы бригады?

Кто жалуется?

— Нормальная обстановка, — пожал плечами комкор. — Первым смалодушничал ведомый. С него и сыр-бор загорелся.

— В полку обсуждали? — не унимался Байдуков.

— Ведомого пожалели, а ведущего командир полка представил на суд армии. Самолет-то загубили.

— Вот, вот. Труса простили, храбреца наказали, и это вы считаете нормальным? Почему Елдыкин предал гласности инцидент, который вполне можно было исчерпать на месте?

— Самосуд все-таки, — вяло защищался комкор.

— Самосуд — это когда судят сами. А ваш Елдыкин умыл руки, отдал пилота на суд другим. Это тоже считаете нормальным?

— Не зарывайся, Юра, — шепнул на ухо своему заместителю командующий и вслух добавил: — Достаточно. Следующий.

— Александр Чертов, лейтенант, истребитель. Застрелил свою подругу, сержанта Галю, прямо в землянке, заподозрив ее в измене.

— Он — что? В браке с ней? Застал с любовником в постели? — прервал докладчика начальник штаба.

— В том-то и дело: расписан. А стрелял сослепу, через дверную плащ-палатку.

— Значит, стрелял за дело. Каким же образом любовник увернулся от пули? — поинтересовался полковник из политотдела.

— В том-то и дело, что не за дело, товарищ начальник политотдела. Он стрелял на авось, через плащ-палатку, на голос, по наущению товарищей, когда в землянку зашел врач-гинеколог. Сам пошел в «Смерш» с повинной. Она оказалась беременной.

— Ну, с вами не соскучишься, — усмехнулся командарм. — Следующий.

— Аркадий Покровский, младший лейтенант, истребитель. Подговорил товарища, и вдвоем сбросили девушку с балкона второго этажа гарнизонного дома офицеров.

— Кошмар. За что? — На этот раз вопрос прозвучал из-под кафедры проповедника слова божьего, где облюбовал себе место командир дивизии тяжелых бомбардировщиков.

— За то, что она предпочла станцевать белое танго с пехотинцем, — монотонно проговорил докладчик, откладывая очередной лист в сторону.

— Н-да, честь — превыше всего. Если бы с такой ревностью они разделывались с противником в бою, вот тогда бы, — раздумчиво заметил подполковник Юмашев, — было бы здорово, а так…

— Если бы да кабы во рту росли грибы, Андрей Борисович, так нам бы делать было нечего, — подал голос начальник «СМЕРШа».

— Ясно. Следующий и попроще: мне тяжко слушать Ваши реляции, командир, — вздохнул командующий.

— Калугин Федор, Минченко Петр, Рыкуш Михаил бросили в котел вместо мяса повара за невкусный суп кандей-водолей, как они выразились.

— Сварили? Вкусно получилось? — осведомился начальник тыла.

— Не удалось. Только обварили, но суп испоганили.

— Поделом, значит, искупали? — вновь осведомился Громов.

— Никак нет, товарищ командарм. По пьянке.

— Ох, батенька, не могу. Полегче давай. Время не ждет, враг не спит, — намекнул командарм на непозволительную роскошь фронтового заседания.

Через приоткрытые двери и разбитые стекла донесся вой пикирующего самолета. Все замерли в ожидании взрыва. Но его не последовало. Начальник штаба обратился к руководителю совещания по поводу резолюции.

— Всю остальную шатию-братию отдать на усмотрение особого отдела. Перечисленных летчиков разжаловать до рядовых и сержантов, переодеть в солдатскую форму и рассовать по другим полкам. Нет возражений против такого решения? — обвел глазами присутствующих Михаил Михайлович, прислушиваясь к нарастающему шуму снаружи. — Совещание закрываю. Давайте все-таки посмотрим: что там происходит?

С этими словами председательствующий встал с места и поспешил на колокольню, где размещался наблюдательный пункт.

Перед ними раздвинулась завораживающая панорама Валдайской возвышенности с ветхими домишками под ногами и аэродромом за околицей обширной деревни, распростертой вдоль речушки. Самолет замедленной бочкой приблизился к церквушке, рядом с которой стояла колокольня. Вдруг он на крутом вираже облетел церковный посад, чуть ли не касаясь креста на звоннице, и на скорости взмыл вверх. Прокрутив все мыслимые и немыслимые фигуры конькобежца на льду, пилот змейкой ушел в сторону аэродрома.

— Кто это? — спросил начальник штаба у наблюдателя. — Посадить сукина сына за такие вольности.

— Не спеши, Ким Македонович. Я узнал его по почерку. Поехали на поле, там все выяснится, — оживился командующий.

Проделав каскад фигур высшего пилотажа и облетев церковь

на радостях еще раз за то, что нашел приличный штаб, судя по машинам, Федоров запросил посадку. Диспетчерская служба дала добро. Лихо приземлившись, «сукин сын» аккуратно подрулил к командному пункту и выключил мотор. К нему направились со всех концов охрана, техники, комендант. Пилот не спеша открыл фонарь, прислушался к воцарившейся тишине, охватившей измученную душу гулом беснующих надежд и сомнений. Чтоб там ни было, а он уже дома. Дальше бежать нет смысла. Да и некуда: впереди фронт. Позади плаха. Будь что будет. Мир не без добрых людей. Поэтому жизнь прекрасна и удивительна.

Снаружи доносились обрывки приглушенных разговоров, догадки доморощенных знатоков иностранной униформы: «немец», «французик», «перебежчик», «берет американа», «номер не тот».

Став на крыло, пилот зычно, как и подобает победителю гонки на пределе, воскликнул, похлопывая ладонью по капоту:

— Салют сталинским соколам. В свою бригаду примете кашеварить бедного летуна с завода?

— Ваня? Откуда? Какими судьбами? — выступил один из летчиков.

— Гриша? Вот это да! Вот что значит: земляк земляка чует издалека, — соскочил с крыла пилот, расставляя руки для объятий.

— Надолго? Как понять твой партизанский камуфляж? — подхватил под грудки Онуфриенко луганского дружка.

— Земляк земляка чует издалека, — приговаривал видный из себя презентабельный летчик, тиская друга детства. — Хотелось бы навсегда. Вот счастье. Не было ни гроша и вдруг — алтын.

— О! Начальство к нам, — раздался чей-то ликующий голос.

— И похоже — дюже высокое, — отозвался другой менее восторженно.

Глава 6
В гостях у Громова

Черный лимузин, пикап и полуторка остановились на пятачке возле командного пункта. Толпа аэродромной челяди во главе с комендантом и странным гостем двинулась к машинам. Из лимузина вылез рослый подобранный командир с генеральскими лампасами. За ним — другой, пониже чином.

Иван подался навстречу, ощущая за спиной стойкую энергетическую поддержку притихшей аэродромной прислуги. Вытянувшись для рапорта, Онуфриенко уступил право рапортовать первым земляку. Обе стороны молча присматривались друг к другу. Чем закончится встреча? Оба лагеря видели и невольно восхищались ювелирным искусством пилота. Но если обитатели аэродрома целиком и полностью приняли странного летчика в свой кагал, особенно после радушного, братского приема Онуфриенко, то штабная когорта была настроена менее дружелюбно, даже в какой-то мере агрессивно за проявленные «вольности» без ее санкции. Возникла извечная проблема противостояния между низами и верхами. Сошлись вода и пламя. Что же будет?

Федоров шагнул вперед и бодро по уставу представился: — Летчик-испытатель Федоров прибыл на фронт испытывать новую пушку в боевых условиях.

«Ага, кое-что выясняется. Интересно, что там говорится в телеграмме о вооружении? Но… куда тебя с такими данными?» — на мгновение замешкался командарм с ответной реакцией.

— Под ваше крыло, товарищ генерал-лейтенант, — добавил Иван менее бравурно.

«Н-да-с. Ясно. Придется брать под защиту. Попробуем, — и Михаил Михайлович, как старому знакомому, в порядке проверки морального состояния свалившегося сверху товарища по участию в московских авиапарадах подал два пальца. Иван наложил свои два. Пожав захватом пальцы, они внимательно посмотрели друг другу в глаза, и впервые на лицах их разгладились еле заметные складки недоверия. На сердце беглеца отлегло.

— Говори, с чем пожаловал, — обыденным тоном спросил командующий, складывая руки на груди.

Толпа с той и другой стороны удовлетворенно вздохнула, выпустила, так сказать, накопившийся пар напряжения, качнулась душой и телом навстречу друг другу. В этот момент прозвучала сирена: «Воздух».

Служба наблюдения передала: «Приближается одинокий самолет «Хейнкель-111». Онуфриенко сконфуженно скомандовал: «Все в укрытие».

Федоров встрепенулся:

— Товарищ генерал-лейтенант, разрешите обновить пушку. Отучить фашиста летать безнаказанно.

— Благословляю, — махнул рукой генерал так, что никто не понял: то ли он осенил тремя пальцами летчика на дело, то ли отдал ему честь.

Через две-три минуты Федоров вырулил на старт и передал по радио: «Как вам опустить стервятника на землю? С факелом или с зонтиком?»

— С зонтиком, — последовал ответ радиста.

А еще через некоторое время все стали свидетелями того, как вылетевший на перехват «ЛаГГ-3» зашел «хейнкелю» с хвоста и несколькими выстрелами в упор отрубил ему левое крыло с мотором. К сожалению немецкий разведчик так вращался на уцелевшем моторе, что его летчики не смогли воспользоваться парашютом.

Когда Федоров приземлился, Громов поздравил его с первой победой. Подъехавший с наблюдательного пункта командир бригады обратился к генералу с просьбой назначить ему в заместители вновь прибывшего летчика, как он понял, от Бога.

— Подумаем, а пока накормить его и пусть отдыхает до утра, — распорядился командарм.

В штабе Михаилу Михайловичу показали еще две срочные телеграммы. Одна, из управления фронта, гласила, что в тылу появился неизвестный самолет, который пытался сбить высланный ему на перехват истребитель. «Вооружен и очень опасен». Вторая, из Нижнего Новгорода, вызвала в штабе разночтение, противоречивую реакцию членов Военного Совета: «Ком. ВВС. Копия — командующему 3-й воздушной армии Громову. Прошу вернуть на завод летчика-испытателя Федорова И. Е. вместе с самолетом ЛаГГ-3: завод испытывает острую нужду в испытателе высшего класса. С уважением С. А. Лавочкин, генеральный конструктор».

На заседание Военного Совета пригласили начальника особого отдела.

— Дайте мне телеграмму, поступившую с этого завода раньше, обратился командующий к начальнику «СМЕРШа». — Что вы скажете по ее поводу?

— Арестовать и отправить на завод. Пусть там разбираются, — сказал, как с плеч свалил мешок картошки, начальник отдела.

— А вы, какого мнения? — повернулся командарм к начальнику штаба.

— Жаль такого летчика отдавать под суд, — скривился начштаба.

— А что порекомендует нам член Военного Совета?

— Сам не знаю. На фронт бегут единицы, а с фронта — тысячи, только мы их считаем без вести пропавшими. Наградить его надо, если не за побег на фронт, то хотя бы за сбитый самолет.

— Добро. Предлагаю решение совещания высшего командного состава при Военном Совете утвердить, а дело Федорова согласовать с вышестоящими инстанциями. Нет возражений?

— Михаил Михайлович, что ответить генералу Гостинцеву? — спросил особист, когда члены Совета потянулись к выходу.

— Кто такой Гостинцев? Много чести, чтоб ему отвечать. А вот Лавочкину отбить телеграмму: «Самолет возвращаем. Дело Федорова отправили на рассмотрение штаба ВВС. Громов». — В комнату вошел адъютант. — Байдукова, Ким Македоныча и начальника связи сюда, — указал карандашом командарм на стол.

Прошло несколько минут и все четверо предстали перед столом. Командарм уставился на связиста:

— Немедленно свяжитесь от моего имени с командующим фронтом. Вам, Антон Герасимович, — перевел взгляд на адъютанта командарм, — подготовить письмо народному комиссару авиационной промышленности Шахурину с просьбой оставить летчика и тэ дэ для испытания самолетов завода 21 непосредственно в боевых условиях фронта. Ким Македонович, подготовьте приказ: а) о назначении Федорова старшим инспектором по технике пилотирования, б) Байдукова откомандировать на курсы высшего комсостава в академию имени Жуковского.

Дверь без стука распахнулась, и главный связист доложил:

— На проводе командующий фронтом.

Громов поднял телефонную трубку с желтого аппарата. Из мембраны донесся суровый голос командующего: «Конев слушает».

— Это Громов. Здравствуйте, Иван Степанович, разрешите мне оставить у себя беглого летчика-испытателя. Мне он позарез нужен.

— А кто его у вас отбирает?

— НКВД. Он в розыске. Удрал с завода на фронт. Под

военный трибунал попадает.

— Ну так что? Он вам сват-брат или маменькин сынок-голубок?

— Если бы так, я бы вам не звонил, Иван Степанович.

— Добро. Оставляйте. Удравшего на фронт не судят.

— Слышал, Юра? Вот тебе и замена. Сегодня же передать все полномочия и… с Богом. За три месяца ты академиком не станешь, но хоть отдохнешь. Позови этого барбоса сюда и собирай вещи в дорогу.

Не успел командующий как следует умыться перед ужином, приготовленным у командира истребительного полка, как примчался виновник переполоха в стане ищеек:

— Товарищ генерал-лейтенант, майор Федоров явился по Вашему приказанию.

— Покушал? За дело. Садись в самолет и — на аэродром в Торжок. Там его поставь, куда покажет начальник штаба резервного полка. А сам на связном прилетай в Бошарово. Там мой командный пункт. Я буду там. Счастливо.

— Есть, — развернулся Иван и в дверях столкнулся плечом в плечо с рослым армейским капитаном с красным околышком на фуражке.

— Здрасте, я ваша тетя, — улыбнулся капитан, разглядывая презентабельного незнакомца в берете. — Рад познакомиться. Пащенко.

— Виноват. Очень приятно. Честь имею, — увернулся Иван от знакомства, уступая дорогу вошедшему.

Проскользнув мимо и пролетев, как ошпаренный, тамбур, на выходе он увидел второго представителя военной жандармерии.

Замедлив шаг, он намерился и здесь прошмыгнуть мимо, не задерживая внимания на ком бы то ни было.

— Минуточку, — выставил руку, как шлагбаум, старательный сыщик московского управления политического сыска. — Я вас знаю.

— Не имею чести, — угрюмо процедил Иван, упершись в плечо заступившему дорогу. — Руки! — конвульсивно дернулся кулак, удерживаемый вскипевшим благоразумием.

Глаза Копировского, как и в том, далеком 38-м году во время потасовки по случаю награждения «испанцев», испуганно округлились, а туловище инстинктивно отпрянуло в сторону от воображаемого удара апперкотом снизу.

— Все равно далеко не уйдешь отсюда, — злобно оскалился шпик.

— А яне собираюсь уходить, — с нотками примирения отпарировал боксер довоенной поры.

На командный пункт Громов прилетел к вечеру, заказал ужин на двоих и принялся просматривать донесения за истекший день, делая сразу пометки для предстоящих распоряжений и приказов.

Покончив с неотложными делами бумажной канцелярии и справившись по телефону о ходе переподготовки летчиков-истребителей на штурмовиков, командующий попросил ординарца привести от связистов новичка.

Федоров переступил порог КП, теряясь в догадках, чем закончилась встреча Громова с представителями службы государственной безопасности. Но с первой же минуты, с попытки доложить по-форме, Михаил Михайлович отсек официальный тон общения: «Отставить!» И гораздо тише, даже вкрадчиво, пригласил за стол, что не могло не служить добрым знаком в сложной обстановке вокруг его криминального поступка.

— Рассказывай, где пропадал больше года, как попал к нам? Это важно для дела. Чтобы оправдать твое поведение, я должен знать всю подноготную твоего появления у нас, — раскрылся генерал после того, как выпили за встречу по стопочке «зверобойчика», настоянного на спирту.

И Федоров, изредка черпая ложкой окрошку со снетками, которую уже и забыл, где и когда ел, поведал свою историю: как попал в Китай, как начал писать рапорты во все инстанции, чтобы его направили на фронт; как в конце концов ему разрешили вернуться на Родину, но не на фронт, а в Нижний Новгород, где потерял все надежды влиться в первые ряды защитников отечества; как от оружейника Вахмистрова прослышал об испытании пушки на Калининском фронте; как от безысходности закрутил мертвые петли под мостом на Оке, а потом и пустился наутек «по компасу Кагановича» прямо на запад; как на исходе бензина решил заправиться, чтобы спокойно искать места дислокациии истребительной авиации; как избавлялся от мнимых и взаправдашних преследователей, посланных вдогонку.

— Н-да-с. Понимаю, — откинувшись на спинку стула, затеребил пальцами на груди командарм. — Ты рвался сразиться с врагом лично. Это похвально. Но мне хочется, чтобы ты привил молодым пилотам навыки высшего пилотажа. Один в поле — не воин. Один не может решить исход битвы, как бы ни был он храбр и силен. А вот если навалиться на врага по высшим правилам пилотажа всей армией — это будет уже совсем другая музыка. Согласен? Чудесно. Я назначаю тебя старшим инспектором по технике пилотирования и временно исполняющим обязанности заместителя, вместо Байдукова. Так мне легче тебя оградить от дурошлепов из эНКэВэДэ.

— А вот и Георгий Филиппович, легкий на помине, —

возгласил чуть разомлевший командарм, поднимаясь навстречу своему помощнику. — Опоздал, дорогой. Мы все съели. Ты видишь, кто ко мне прилетел?

— Пока вижу. Да я на минутку заскочил к вам, Михаил Михайлович. Попрощаться.

— Спасибо. Передай ему сначала свои дела, а потом попрощаемся, Юра, по-людски, по-военному.

Обменявшись планшетками и доложив, скорее ради формальности, чем необходимости, о сдаче и приеме обязанностей заместителя по технике пилотирования, боевые товарищи выпили за успех каждого на своем посту и закусили остатками снеди.

Глава 7
Между Сциллой и Харибдой

Обустроившись на месте главного инспектора пилотажа, Иван Федоров избрал своим постоянным местом пребывания аэродром в городе Торжке, куда поступали новые самолеты на пополнение армии и где находился центр по улучшению профессиональных навыков необстрелянных летчиков.

Знакомясь с положением дел на местах, он побывал на всех аэродромах, но чаще всего стремился быть в полках истребительной авиации, расквартированных ближе к фронту, чтобы при любом удобном случае взмыть в воздух, что, собственно, не входило в его обязанности да и не поощрялось командованием. Сбитые им самолеты зачислялись на счет соответствующего полка, бригады, а вот записать победу на его имя было очень сложно. И не потому, что его имя не значилось ни в одном из списков личного состава эскадрильи или полка, а потому что на фронте он находился как бы в подвешенном состоянии, временно, до получения особых санкций вышестоящих организаций: наркомата авиационной промышленности и главного штаба военно-воздушных сил. Да он и не беспокоился о каком-то учете побед. Не в его характере было заботиться о бумажной волоките с записями в вахтенном журнале подразделений. Гордость не позволяла ему вмешиваться в порядок какой-то регистрации одержанных побед. Тем более, что он порой сам открещивался от них, отдавал их своим ведомым, которых менял в каждой новой своей ипостаси, как знатная дама перчатки.

На радостях, что он обрел право непосредственно драться с врагом, новоиспеченный заместитель много летал, тщательно следил за вражеской авиацией, всячески старался быть в гуще воздушных сражений, но мало занимался канцелярщиной, запустил переписку с частями и подразделениями, не составлял своевременно отчеты, донесения, проекты приказов и вообще недооценивал значение документации, считал ее излишней роскошью в условиях фронта, что не могло не вызывать у Громова определенного раздражения. Однако командарм любил его за романтическую настроенность ума, за готовность в любую минуту кинуться в огонь и воду по приказу шефа и потому терпел его партизанские замашки и недочеты в работе.

Когда его положение упрочилось в связи с полученными сверху разрешениями оставить беглеца в качестве летчика-

испытателя при штабе воздушной армии, Иван написал письмо домой, единственно близкому человеку, кровно связанному с детством, отрочеством, юностью, с луганщиной, нежданно-негаданно очутившейся под пятой самовластного директора.

«Здравствуй, моя дорогая сизокрылая голубка, любимая Анечка. Привет тебе от твоего беглеца Ивана-Женьки. Сообщаю, сто я пока жив, здоров, в отличном настроении, чего и тебе желаю, моя милая Анечка. Радость моя, я очень все понимаю и хорошо знаю о том, что ты на меня в большой обиде за мое бегство, да еще и на опытном самолете. Мой поступок такого рода считаю правильным, вовремя и кстати. Теперь я нахожусь на своем месте. А то какая же это была бы война без меня? Так должен поступать каждый мужчина, который по-настоящему любит свою Родину. Не думай обо мне дурно, что я не попрощался с тобой. Просто так получилось не по моей воле.

27 июня я получил задание пострелять из новой пушки на полигоне. Мишени разлетелись вдребезги. Меня осенила мысль: испытать это мощное оружие в настоящем бою. На обратном пути увидел мост через Оку. Раз по-хорошему не хотят отпустить на фронт, так, может, со скандалом спишут. Разогнал самолет до бешеной скорости и со злости под мост. Сделал три мертвых петли с пролетом под мост. Зенитчики открыли заградительный огонь. Тут я и решил дать деру на фронт. Прости… за это. Подлетел к Монино, а у меня горючего кот наплакал. Сел на аэродром, подрулил к бензозаправщику, говорю: «Будь другом, заправь», а он: «Не могу. Только с разрешения коменданта Фролова», который где-то далеко. Я выхватил свой ржавый пистолет и ему в живот: «Считаю до трех, раз…» Короче, стал заправляться, а тут подъехала машина, военные, я быстро расписался и ходу. Запустил мотор, а они мне показывают руками крест. Потом меня пытались принудить к посадке два истребителя: но я вышел из положения с помощью контратаки. Они испугались, а может решили не связываться со мной. В общем, нашел подходящий аэродром, штабные машины в деревне, я им показал серию акробатических номеров и приземлился. Встретили нормально. Гриша Онуфриенко меня узнал, Громов приехал: а тут «хейнкель» летит. Я с разрешения Михаила Михайловича его и развалил на части с помощью чудо-пушки. Все поразились. А командир бригады Филомотицкий подскочил на «козлике», когда я совершил посадку, и кричит: «Ты сбил? Я только в газетах читал, по радио слышал, а теперь своими глазами увидел, как можно колошматить фашистов. Канистру спирта сюда!»

Вот такие у меня пироги. А как у тебя дела? Директор,

наверное, рвет и мечет? Пиши подробно обо всем. Привет знакомым. Целую, обнимаю бессчетно раз, твой Ваня-дураня».

Уполномоченные по особо важным делам из наркомата внутренних дел Пащенко и Копировский, не добившись от Громова выдачи беглого летчика, попросили от «СМЕРШа» обоснованного отказа «для отчета», мол, им пообещали представить такое обоснование, как только получат сверху ответ на сделанные запросы. Чекисты уехали в Москву не солоно хлебавши.

И вот они получили секретный пакет с корреспонденцией из Третьей воздушной армии, официальный документ, извещающий о том, что дело Федорова о побеге на фронт передано на рассмотрение военного трибунала Калининского фронта. Из пакета извлекли и письмо беглеца, сложенное в толстый треугольничек с маленькой писулькой, приклеенной уголком к обратной стороне конверта, с просьбой отправить письмо по назначению.

Капитан Копировский жадно схватил письмо, удовлетворенно развернул бумагу и стал читать. Пробежав глазами с пятого на десятое листы, исписанные мелким почерком, недовольно хмыкнул:

— Ничего существенного. Красноречием не блещет, а еще майор. И сразу — в заместители командарма. Бардак на фронте: порядок надо наводить. Как только Громов отважился на такую хохму? — с презрением двинул письмо недовольный следователь под руку товарища.

— На то он и Громовержец, — раздумчиво обронил Пащенко, складывая листы. — Что позволительно Юпитеру, то недоступно Ганимеду. Слышал такое? Видимо, красноречию в летной школе его не учили. Майору простительно. У нас и генералы не то, что в письмах, даже в служебных документах такие ляпсусы допускают, хоть стой — хоть падай. А вот пишет он об очень существенном. Придется дело закрыть. Пусть воюет на здоровье.

— С таким подходом к громким делам нам в генералы не выбиться, — не скрывая раздражения, захлопал ящиками столаретивый опер.

— По мне: лучше остаться без генеральских лампасов, чем без ушей, — заметил старшой. — Помнишь, как при Ежове твой предшественник допрашивал комбрига Криворучко?

— Казака, что ли? Его же расстреляли.

— Да, расстреляли. После того, как он оторвал уши своему следователю. Схватил за уши, приподнял и тряхнул так, что от ушей только раковины остались.

— Слыхал. Здоровый был гад. Недаром их Каганович жучил

на Кубани при коллективизации.

— Недаром. Казаки сродни летчикам и морякам. Не терпят издевательства и оскорблений. Гордость не позволяет им опускаться до холуйского пресмыкательства. Федоров — тот же лев. Лучше его не дразнить.

Глава 8
Ни шагу назад

В конце июля в армию поступил приказ Верховного главнокомандующего № 227 с предписанием: обсудить во всех частях и подразделениях, принять соответствующие меры. Громов наложил резолюцию: «Зачитать». О мерах решил повременить. Позвонил в штаб фронта, предложил осужденных трибуналом летчиков не отправлять в пехоту, на передний край, а сколотить из них штрафной отряд.

Идея использовать провинившихся авиаторов по специальности начальнику штаба понравилась, но: «Формируйте отряд под свою ответственность так, чтобы не перелетели они на сторону противника». В штабе Верховного командования проблему о проштрафившихся летунах отдали на откуп главному управлению ВВС, которое и разрешило командованию Третьей воздушной армии «в порядке эксперимента» создать истребительный отряд прикрытия военных объектов фронта. Указание поступило по телефону под грифом «секретно» от командующего авиацией Новикова с предупреждением нигде не афишировать отряд и всячески скрывать его происхождение.

Отряд решили сформировать при запасном полку. Громов вызвал лучших командиров эскадрилий в надежде, что кто-нибудь из них добровольно возьмет на себя смелость командовать группой штрафников. Андрей Боровых, Василий Зайцев, Григорий Онуфриенко молча выслушали предложение командарма, но никто не шевельнул даже бровью. Нарушая затянувшуюся паузу, самый старший из них и серьезный Зайцев выдавил из себя первопричину гробового молчания: «Если надо, я не откажусь. А добровольно подставлять свою голову под пули преступников-негодяев — по меньшей мере неразумно».

Любимчик полка, всегда веселый и легкий на слово командир звена Боровых, прозванный «Борюниором», за борьбу на равных со стариками в бою, несмотря на свои двадцать лет непорочной юности, брякнул то ли в шутку, то ли всерьез:

— Штрафниками пусть управляется штрафник. Ему нечего терять, кроме своих цепей.

— Андрей Егорович, я же предлагаю вам полк, а вы шутить изволите, — в тон молодому командиру ответил командарм.

— Михаил Михайлович, разрешите мне возглавить этих архаровцев, — вскочил сидевший в сторонке Федоров, витающий в облаках воздушных сражений. — Мне это больше с руки, чем

другим.

— Нежелательно, но… благодарствую. Даю две недели на раскачку, — поднялся и командарм, — все свободны.

Первая группа штрафников создавалась в Торжке, на месте базирования резервного полка, куда на пополнение армии поступали преимущественно «Яки» и английские «харикейны», которые уступали «мессершмиттам» в скорости и вооружении. За две недели с двух фронтов наскребли около шестидесяти авиаторов, способных без предварительной подготовки начать боевые действия, хотя некоторым требовалось какое-то время для освоения незнакомых типов самолетов.

За это время неутомимому командиру штрафного отряда удалось встретиться с заводским оружейником, Иван Евграфович попросил Вахмистрова заменить четыре пулемета, расположенных на крыльях истребителя, четырьмя пушками.

— Представляешь, какую панику можно вызвать в стане врага, ворвавшись в гущу бомбовозов? — живописал романтик неба.

Перегоняя английские истребители из Мурманска, Иван Евграфович изучил новинку управления огнем, впервые введенную в практику стрельбы Борисом Сафоновым, который все пулеметы на истребителе электропроводом подвел на одну гашетку, чтобы одновременно стрелять по мишени из всех стволов. Позаимствовав это новшество, командир полка рискнул испытать новую систему в бою вместе с наскоро сколоченной группой штрафников. Вылетели на перехват вражеской армаде бомбардировщиков, взявшей курс на Рубцово.

Встреча произошла над селом Федотово. Набрав приличную высоту, группа увидела больше десятка «мессеров», охранявших бомбовозов. Командир отряда по радио приказал своим архаровцам атаковать неприятельские истребители, а сам кувырком, имитируя подбитую машину, ринулся вниз на двухмоторные «юнкерсы». Сблизившись с противником метров на сто, выровнял самолет и первыми выстрелами расстрелял ведущую тройку неприятеля. Один «юнкере» свалился на бок и упал вниз, другой задымил и повернул назад. Армада заколебалась, но с курса не сбилась.

Выйдя из пикирования почти у самой земли, вошедший в раж новатор концентрированного огня размахнулся повторить удачный маневр, но столкнулся с двумя «мессерами», напавшими на одинокий «Як», удирающий во все лопатки. Кучным огнем с дальней дистанции испытатель новой огневой системы израсходовал почти весь запас патронов, но чувствительно врезал одному «комарику» под хвост, хотя и сам чуть не угодил вслед за

противником носом в приволжскую пойму от огня другого преследователя. Еле дотянул до аэродрома истерзанный в хвост и в гриву командир, брошенный разлетевшимися подчиненными.

Когда у него извлекли из ноги пули и забинтовали разрезы, начальник штаба сообщил, что командарм ждет его доклад о первом боевом вылете отряда. Штабная землянка в три наката, где он уже несколько раз ночевал, напомнила ему о том, что пора и свой командный пункт оборудовать при отряде по всем правилам войны. Разговор оказался коротким.

— Как прошла боевая операция? — послышалось в трубке после того, как городской коммутатор подсоединил Башарово.

— Неважно, товарищ командующий. Первый блин комом, — честно признался командир, не решаясь раскрывать всю правду о прошедшем бое.

— Мне Волков доложил об этом. Конкретнее диктуй.

— Три самолета противника записали на счет отряда, но противник выполнил свою задачу. Мы не смогли ему помешать. Ребята сплоховали. Учтем: дело поправимое.

— Добро. Собери весь личный состав: Юмашев к вам вылетает.

Андрей Борисович привез инструкцию и приказ командарма «во исполнение» приказа Верховного Главнокомандующего № 227 от 28 июля.

Посадив в пустующем капонире всех в круг, командир отряда по совместительству спокойно начал:

— Когда я вышел из пикирования, чтоб снова занять выгодную позицию для нападения, я никого не увидел, кроме одного истребителя, удирающего от двух «мессеров». Кто это был? Кому я обязан отвлекающим маневром, благодаря которому мне удалось поразить одного преследователя, увлекшегося погоней?

— Ну, я, — поднялся молодой красноармеец в просоленной выцветшей на солнце гимнастерке, совсем не соображая, как это он «маневрировал», отвлекая противника.

— Почему улепетывал без оглядки?

— А что я мог сделать против дюжины «худых»? — огрызнулся пилот, приготовившийся к проработке.

— Я же разбил вас по парам. Предупредил, что ведомый не должен отставать от ведущего. Тем более покидать его. Почему никто не поспешил к тебе на помощь? Где же были остальные?

— Это вы у них спросите, — искоса глянул юноша на соседей, безучастно ожидающих разноса.

— Ладно, садись. Я к тому говорю, чтоб вы знали место в строю и железный закон летчика: без взаимопонимания в бою и

без смелого, уверенного пилотирования успеха не добиться. Посмотрите на себя — на кого вы похожи? Красные соколы вы или мокрые курицы? Воротнички грязные, сапоги нечищенные, рубашки не стираны со дня переодевания. Хотите, чтоб вас отправили с винтовкой в окопы вшей кормить? Так? Не желаете летать, честно искупать свою вину на крыльях — скатертью дорожка. Ройте капониры, заносите хвосты, только не позорьте имя летчика. У меня всё. Прослушайте приказ.

Подполковник Юмашев, сидевший рядом с командиром полка, встал, одернул гимнастерку, засунул левую руку за пояс, а правой сдержанно, как заправский воспитатель, начал рубить в лад своим назиданиям и выводам:

— Да, дела у вас пока неважные. Положение на фронте тоже неустойчивое. Но надо выстоять. Ни шагу назад. Об этом приказ. Послушайте: «Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило». «Можем ли выдержать удар, а потом и отбросить врага назад?» — спрашивает товарищ Сталин и тут же отвечает, — перевел дыхание Юмашев, впервые выступая на фронте в роли пропагандиста и воспитателя из-за нехватки политработников, — «да, можем. Ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно, и наш фронт получает все больше и больше самолетов, танков, артиллерии, минометов. «Чего же у нас не хватает?» — спрашивает опять Верховный Главнокомандующий — оторвался от чтения Андрей Борисович, взмахивая текстом приказа. — «Не хватает порядка, дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях и авиаэскадрильях. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять нашу Родину. Ни шагу назад без приказа высшего командования».

— Дальше в приказе четко сказано, что с паникерами и трусами церемониться не следует, — пояснил подполковник заключительную часть приказа, переходя к насущным проблемам завтрашнего дня. — Вашему командиру дано право расстреливать без суда и следствия любого, покинувшего место боя без приказа. Согласно распоряжению командарма с сегодняшнего дня всем летчикам назначается дополнительное питание. Срок пребывания в штрафном полку может закончиться в двух случаях: или вследствие тяжелого ранения и госпитализации, или по особому представлению командования за победы над противником. В последнем случае вам возвращается прежнее звание, форма, награды и даже ждет повышение в звании или должности. Первый бой показал, что дисциплина у вас хромает на обе ноги.

Подумайте об этом. Пусть вдохновляют вас подвиги Николая Гастелло и Виктора Талалихина, Степана Супруна, а не образы трусов и предателей.

Летчиков, осужденных военным трибуналом, стали разыскивать по всем фронтам и воинским соединениям, хотя не всюду это распоряжение штаба ВВС находило понимание. Особенно у чинов органов военной прокуратуры. Не хотели они загружать себя работой, на счет которой не было письменного приказа. Все держалось на телефонном праве. Иногда доходило до курьезов. Не командование авиасоединения заботилось об отправке штрафника по назначению, а сама матушка-пехота, меньше всего заинтересованная в том, чтобы отзывать с переднего края в общем-то грамотных храбрых солдат, загнанных не по специальности в окоп. Таким парадоксальным событием в полку оказалось письмо пехотинцев из Новгородского «язычка» на имя Ворошилова и пересланное Громову. Тот передал его Федорову:

— Кадра погибает. Попробуй выдернуть из Ильменского болота.

По письму выходило, что командир звена Алексей Компаниец, при вступлении в члены ВКП (б) скрыл свое кулацкое происхождение, пытался защитить честь своего отца, не осудил его достойным образом, вел себя с компетентными органами не совсем корректно, за что разжалован и осужден на пять лет тюрьмы, но приговор военного суда заменен командованием части отправкой в штрафной батальон.

Письмо заканчивалось словами крамольной закваски: «Ужели в нашей авиации такой избыток специалистов, что даже пилота с высшим образованием посылают на передовую орудовать лопатой и винтовкой вместо самолета и пушки? Помогите рожденному летать снова обрести крылья, чтобы бить врага более результативно. По поручению товарищей — бывший танкист Стешенко».

В штабе фронта Ивану показали на карте, где находится тот самый «язычок», на котором «загибается» какой-то Компаниец.

Ночью связной самолет У-2 сел на заранее облюбованную площадку в центре выступа. Предъявив удостоверение личности и объяснив цель прибытия, летчик показал распоряжение штаба фронта командиру стрелкового полка. Тот покрутил, покрутил бумажку, не зная, что делать, а потом сказал:

— Узнай сначала, что за фрукт, и забирай. Не велика потеря. Расписку лишь оставь на всякий случай.

Связались с батальоном. Не прошло и полчаса, как перед «спасителем» предстал высокий импозантный парень в

солдатской гимнастерке.

— Давно на фронте? — поинтересовался Иван, рассчитывая на откровенность собеседника.

— На каком? — исподлобья глянул солдат на щеголеватого летчика и отвернулся.

— Ясно. За что угодил в пехоту? — наступал на горло бывшего летчика миссионер самого элитного рода войск.

— А вам зачем знать? — угрюмо огрызнулся тот. — Что вам надо от меня?

— Летать хочешь? — взял быка за рога покупатель «кадры».

— Еще бы. Но… отлетался. От авиации меня отлучили.

— Знаю. Со мной полетишь?

— Куда? Какая надобность? Мне и здесь хорошо. Ребята уважают. Я бы с удовольствием, да… грехи в рай не пускают. Родился не потомственным пролетарием, а в семье справного казака-пластуна.

— Так в чем дело? У нас сын за отца не отвечает. Сталин об этом на всю страну объявил. На кого обиделся? На чинуш? Плюнь на них. Обида — горю не помощник. Что было, то уплыло. Начни летать — и все вернется вновь: и жизнь, и смысл, и небо, и… любовь. Мало? Пошли, пока я не раздумал.

Солдат замялся:

— Можно с товарищами попрощаться?

— Валяй. Одна нога здесь — другая там, — доставая карт-бланш командующего воздушной армии, бросил Иван Евграфович.

Послюнявив кончик карандаша, он черкнул несколько фраз командиру стрелкового полка: «Согласно указаниям командующего ВВС беру на поруки бывшего командира звена штурмовой авиации Алексея Петровича Компанийца для дальнейшего прохождения службы в особом отряде истребителей при армии. Зам. Федоров». Потом добавил «майор» и полез в штабную землянку.

Глава 9
Штрафбат

Торжок встретил их новостью. Начштаба получил сразу десять новеньких «Яков» и тут же по старой привычке распределил по бригадам. Иван Евграфович опротестовал решение и приказал все истребители оставить в распоряжение отряда штрафников. Мысль о том, что новые машины должны поступать на вооружение боевых соединений, а штрафники пусть воюют на старых после ремонта, старший инспектор и заместитель командарма отмел с ходу: «Штрафникам новые Яки нужнее».

Мало того, он потребовал перевести ему в полк на добровольных началах лучших командиров звеньев на должность повыше. Таким образом, у него под рукой оказались такие молодые перспективные летчики, как Михаил Баранов, Иван Зудилов, Сергей Иванов, Николай Игнатьев. И полк заработал с ощутимыми результатами. Ему доверили охранять не только стратегические объекты в тылу, но и передний край.

Вся эта чехарда с самолетами и отзывом лучших пилотов не могла не вызвать у командиров соединений глухого раздражения. К тому же ревность к неограниченным правам командира штрафного полка вызывала у некоторых ненависть к майору с генеральскими полномочиями. Это расхождение портило кровь и Громову. Он послал представление на присвоение своему помощнику звания подполковника. Каково же было общее удивление в стане завистников и поклонников молодого заместителя, когда из штаба ВВС пришла телеграмма, что Федорову Ивану Евграфовичу присвоено звание полковника еще в феврале сорокового года. Когда об этом сообщили Федорову, Иван растроганно признался перед Михаилом Михайловичем, как перед батюшкой:

— Каюсь. Я Пухина недолюбливал. Когда меня назначили командиром полка и с началом Карело-финской кампании полк переподчинили образовавшемуся фронту, меня все время грабили. Можете представить мое положение? Только подготовлю летчиков к боевым вылетам, как поступает приказ отправить их на пополнение в другие подразделения фронта. Просьбы включить полк в боевые действия остались без внимания. Более того, в феврале сорокового года подчистили всех, кого можно было, и остался я гол как сокол с одним У-2 и случайным бомбардировщиком. А тут пришла телеграмма отправить этот

бомбовоз под Мурманск. Я самовольно посадил в него шесть «безлошадных» летчиков и подался к Борису Сафонову. По существу, удрал, временно, так сказать, отлучился на фронт. Не мог я допустить, чтоб война продолжалась без меня. Так и воевал я на Севере, выходит, командиром полка без… полка. Скрытно. Боялся, что меня накажут за самоволку. Сбитые в бою самолеты поэтому не учитывались. Молился Богу, чтоб меня не поперли из майоров снова в капитаны, как после Испании… — Старался загладить свой грех боевыми вылетами и заручиться поддержкой командования Северного флота. По окончании финской кампании я вернулся в родную бригаду, радуясь, что меня, как резервиста, Пухин забыл. Приказ не дошел до меня. Застрял на фронте. Полк как бы растворился. Мне тогда не до послужного списка было. А другим — и подавно. Оказывается, Галланд называл меня при встрече полковником не ради красного словца. Он знал обо мне то, о чем я даже не догадывался. Вот в чем суть дела. Все заискивают или ненавидят. А теперь, с четырьмя шпалами, и вовсе замусолят.

— Не волнуйся. Держи хвост трубой — и все образуется, как в лучших домах Люксембурга, — заключил генерал, давая знать, что исповедь закончена. Пора вернуться к суете текущего дня.

К концу сентября многие штрафники имели на своем счету по два-три и более сбитых самолетов противника, но официально им эти победы не засчитывались. Чтобы как-то удерживать их на высоком моральном уровне, Иван Евграфович уговорил командарма представить группу наиболее отличившихся пилотов к реабилитации. Подготовил приказ о награждении и ходатайство перед командующим фронтом о снятии судимости. Представленные характеристики на шестерых осужденных, в том числе и на Компанийца, положили вместе с прошением о помиловании на стол командующего фронтом Конева. Иван Степанович хотел было уже наложить резолюцию на углу ходатайства «В приказ» и расписаться, как вдруг ему позвонил командир триста шестнадцатой стрелковой дивизии с просьбой подкрепить «язычок» зенитной артиллерией. Уж больно досаждают ему «юнкерсы».

— А как выполняется мое приказание, чтобы истребители целый день барражировали над выступом? — сурово осведомился Конев.

— После обеда были они. Даже сбили «раму», а с утра не было их. Не видно было, — пожаловался командир на летчиков, не задумываясь над последствием своего легкомыслия в условиях ожесточенного внедрения приказа Верховного № 227.

Командир дивизии не подозревал, что командующий

фронтом искал повода показать всему командирскому корпусу, как необходимо действовать в случаях невыполнения подчиненными отданного приказа в соответствии с призывом партии: «Ни шагу назад».

— Срочно доложите в штаб, и я приму меры, — сердито бросил трубку командующий и тут же вызвал начальника контрразведки:

— Немедленно выявить, кто обязан был патрулировать «апендикс» и расстрелять барбосов за грубое нарушение боевого устава.

Наступление немцев на юге набирало силу. Фронт от Курска до Ростова сдвинулся и за лето докатился до реки Дон на всем его протяжении, а полчища Манштейна прорвались в Ставрополье и на Кубань.

Приказ Верховного «Ни шагу назад» тоже накапливал злость и энергию обороняющихся не только на юге. На Центральном фронте эта ожесточенная энергия направлялась командованием на пресечение малейшего проявления паники, трусости и недисциплинированности.

Отступающих на юге толпами расстреливали из пулеметов заградительные отряды, созданные органами «СМЕРШа». Конев, избравший, как и Жуков, жесткий, не терпящий возражения стиль руководства, искал повода в эти трудные драматичные дни эффектно проявить свою безграничную власть и решимость держать в узде как своих подчиненных, так и тонкие нити управления войсками. К авиаторам он относился благосклонно. Но когда ему доложили, что «апендикс» был отдан под контроль штрафникам, он пуще прежнего настроился расправиться с разгильдяями. Да так, чтобы другим неповадно было игнорировать его распоряжения. Поэтому он приказал выстроить весь личный состав истребительного полка и на его глазах расстрелять виновников наплевательского отношения к приказам свыше по всем правилам военной экзекуции.

Комендантский взвод вырыл ров в человеческий рост и приготовился совершить разработанный до мелочи ритуал расстрела и погребения преступников в полевых условиях. Обычно это делалось так: по бокам ямы выстраивалось каре из сослуживцев осужденных; напротив ямы — взвод или отделение исполнителей судебного решения; за спиной исполнителей поодаль располагались судьи, то есть командование части.

Провинившихся ставили на краю могилы. Зачитывался приговор: «Именем закона…» После чего подавалась команда: «По изменникам Родины — заряжай». Первое слово варьировалось в зависимости от содержания приговора: по предателям, по

преступникам, по дезертирам, и так далее. Патрон затвором из патронника досылался в ствол, и винтовка приставлялась снова к ноге. По команде «На прицел изготовиться» винтовка вскидывалась прикладом к плечу. По команде «Пли» или «Огонь» производился залп.

После этого представитель «СМЕРШа» подходил к яме и делал контрольный выстрел. Саперы забрасывали яму грунтом, слегка утаптывая, разравнивая землю. Заместитель командира части подавал команду: «Подразделения, смирно! По местам расположения! Ша-а-гом марш». И войска повзводно, поротно, в определенном порядке проходили всем полком или дивизией по месту погребения расстрелянных.

Но суда не было. Письменный приказ не поступал, и Федоров отказался выстраивать полк по устному распоряжению начальника особого отдела армии, хотя шестерых летчиков, патрулировавших указанный участок согласно расписанию полетов, назвал и не препятствовал их аресту. Об этом самолюбивые чиновники военной жандармерии немедленно доложили Коневу.

Как и любое дежурство, барражирование — простейшая боевая операция, не требующая особого ума и напряжения сил. Поэтому и поставил командир полка на него новичков, чтобы они освоились с местностью, притерлись друг к другу, лишний раз опробовали свои машины.

Шесть пилотов стояли под конвоем в строю уже без поясов, ничего не понимая, за чьи грехи они должны расплачиваться прежде всего честью, а может быть и жизнью. Весь полк клокотал недоумением, прячась по землянкам и закоулкам, когда командующий фронтом въехал на аэродром на своем джипе в сопровождении свиты и целого взвода автоматчиков.

По пути начальник «СМЕРШа» обрисовал взбунтовавшегося командира полка в меру нелицеприятными красками: «Полковник, высокий, своевольный. Побывал на всех локальных войнах. Любимчик Ворошилова. В финскую посадил остатки резервного полка в бомбардировщик и улетел из Луги в Мурманск без особого на то разрешения».

— А командование? — задал вопрос командующий.

— Командование махнуло рукой. Не стало связываться с видным партизаном. На наш фронт тоже удрал из Нижнего Новгорода на сверхсекретном самолете, — продолжал аттестовывать бунтовщика особист с одной звездочкой на погонах без просветов. — Вот такого «сокола» и пригрел командарм, сразу своим заместителем назначил.

— Припоминаю. Громов его выгораживал перед органами

прокуратуры. Но я не собираюсь его оправдывать. Пристрелю, как бешеную собаку, если виноват.

Джип остановился у командного пункта. Конев выскочил и сразу направился к группе командиров, встречавших его. Глазами безошибочно определил мятежного полковника, но угрожающе спросил: — Кто командир?

— Полковник Федоров, товарищ генерал-лейтенант, — честь по чести под козырек спокойно представился Иван Евграфович.

— Почему не построил полк? — лицом к лицу наставил свою прыть командующий.

— Я особому отделу не подчиняюсь, а приказа от вас не…

— Какие тебе приказы? — оборвал на полуслове генерал вытянувшегося перед ним полковника. — Вам мало приказа Верховного? — при этом он двумя руками схватился за петлицы побледневшего командира и с такой силой рванул, что Ивану Евграфовичу стоило огромных усилий удержаться на ногах, не дрогнуть ни одним мускулом окаменевшего лица. Петлицы с пуговицами полетели на землю. — Что ты за командир, что не можешь поставить к стенке каких-то негодяев, нарушивших приказ?

— Они не виноваты, не нарушали приказ, товарищ…

— Кто ж виноват? Ты? Не организовал дежурство, не дал команду? — наседал командующий, чуть ли не топая ногами.

— Вот график дежурства, вот приказ, товарищ…

— Почему же их не было там с утра? Пехота не видела зонтика над собой. Это как понимать?

— Она и не могла их видеть. С утра была облачность. Самолеты барражировали сверху. Чем выше, тем шире обзор. А барражировать ниже облаков опасно. Могут по ошибке и свои подстрелить, и противник днем не дремлет, — ответил полковник, заметив перемену в генеральском гневе.

— Запросите сводку метеостанции с восьми до двенадцати в районе Осташково, — повернулся командующий к адъютанту.

Адъютант скрылся на командном пункте. Все застыли в ожидании приговора фронтовой метеослужбы.

Конев впервые глянул на шеренгу приговоренных к расстрелу солдат без головных уборов, без поясов, злобно метавших косые взгляды на приехавших начальников. Наконец появился адъютант. Из дальней землянки вырвались скорбные звуки морского марша погибающих:

«Наверх вы, товарищи, все по местам: последний парад наступает»… Вырвались и тут же с испугу приглохли, не дожидаясь грозного окрика начальства.

— Прекратить! — рявкнул грузноватый начальник штаба.

Конев выхватил из рук помощника радиограмму и тут же пожалел о своей нетерпеливости: негоже командующему фронтом волноваться на глазах у подчиненных. По слишком добродушному взгляду адъютанта он понял: содержание донесения не соответствует его возбужденному состоянию. И по мере того, как, уже не торопясь, вникал в смысл каждого слова радиограммы, укрощал свой гнев и крутую волю. Скупые слова метеосводки:

«Облачно. Температура воздуха… Влажность… Ветер юго-западный, слабый» невольно заставляли думать о другом. О том огромном напряжении, которое испытывал он и все его окружающие за последние месяцы в связи с опасным наступлением немцев на юге. Прочитав еще раз подпись начальника метеослужбы и возвратив сводку адъютанту, генерал-лейтенант обронил, не скрывая досаду:

— Твоя правда, командир. Впервые отменяю свое приказание, — устало махнул рукой в миг посеревший командующий, направляясь к джипу.

Видимо, легко отданный приказ не так-то легко отменить для честолюбивой натуры.

Когда об этом Иван Евграфович рассказал Громову, Михаил Михайлович грустно вздохнул:

— Неисповедимы пути Господни. Придется тебе нацепить погоны подполковника.

— Да мне все равно. Лишь бы не дразнить гусей. Компанийца жалко. Когда гроза миновала и выпили за спасение душ умерших, как на духу признался мне перед отбоем: «Если бы он подошел ко мне и стал оскорблять, не сдержался бы, ударил». Так допекли бедолагу все эти дутые доказательства, мыльные пузыри какой-то вины. Он ведь угодил в штрафбат за то, что воспротивился давать какие-то показания, порочащие честь отца, оставшегося на оккупированной территории Кубани. Нелегко ему будет в жизни.

— Всем нелегко. Разве только прихлебателям… Да любителям таскать жареные каштаны из огня чужими руками, — флегматично заметил некогда темпераментный покоритель северной Америки.

Глава 10
Перелом

Ближе к середине осени фронт на Дону застыл в ожидании грядущих событий и лишь на юге продолжал углубляться в сторону Грозного и Владикавказа. Позиционное противостояние на центральном фронте ослабло, обе стороны сократили активные действия, передав некоторые подвижные соединения, особенно авиационные, в оперативное подчинение Юга. Там решалась судьба летней кампании. Кому быть на колеснице Фортуны, въезжающей в Триумфальные ворота Берлина или Москвы: наступающим или обороняющимся?

И вот на Калининском фронте появилась неприятельская группа летчиков-истребителей из эскадры «Мельдерс», призванной заменить поредевшие ряды Люфтваффе. Эта эскадра за двадцать дней начала Великой Отечественной войны уничтожила, в основном на аэродромах, около пятисот советских самолетов, потеряв только три. Командир эскадры Вернер Мельдерс в двадцать восемь лет получил звание полковника и Железный крест с бриллиантами за сбитый сто первый самолет противника «МИГ-3», которым управлял Герой Советского Союза Степан Супрун, удостоенный после гибели второй Золотой медали Героя. Сам Мельдерс трагически погиб в авиакатастрофе, но его имя было присвоено эскадре, по-прежнему наводившей ужас на советских летчиков.

О появлении группы «Мельдерс» доложили компетентным лицам в Москву. Но пока там думали и гадали, что предпринять, полк штрафников ощутимо растаял, и командование предложило его реабилитировать, восстановить всех оставшихся в живых в правах и званиях. Федоров составил отчет за два месяца командования полком по совместительству и представил всех уцелевших пилотов к наградам и званиям на одну ступень выше прежней.

Всю эту представительскую процедуру он поручил начальнику штаба Волкову. Но все подбитые и уничтоженные самолеты противника штрафникам не засчитали. В том числе и командиру, имевшему к тому времени восемнадцать лично сбитых самолетов и пять в группе. Волков принадлежал к нелетающим авиаторам и ревниво скрыл этот факт при рассмотрении рапорта в штабе фронта, свалил командира в одну кучу с провинившимися пилотами. Да и сам Конев, подписывавший приказ о награждении, посчитал, что орден

Александра Невского достаточно полно отражает боевые заслуги командира полка, который оставил у него неприятный осадок. Надо же, пришлось отменить приказ о расстреле каких-то разгильдяев.

Появление группы немецких асов, самолеты которых были разрисованы игральными картами от вальта до туза, растеребили старые испанские раны. Там «Кондор» его волновал, здесь «Мельдерс» обеспокоил. Он узнал, что Супрун погиб именно от огня летчиков этой эскадры, и теперь загорелся померяться силами с предводителем группы «картежников».

«Картежники» появлялись на том или ином участке фронта внезапно, активно включались в работу и наводили, так сказать, порядок в небе, добиваясь полного господства в воздухе, то есть перелома ситуации на участке в свою пользу. Воздушные короли и джокеры таким способом заменяли значительные силы истребительной авиации, отозванной на отдых или под Сталинград.

Превосходно владея техникой пилотирования, «картежники» распоясались до того, что в одиночку залетали на прифронтовые аэродромы и сбрасывали вымпел с кичливым вызовом на поединок по всем правилам рыцарского этикета. Об этих дуэлях Иван Евграфович прослышал, когда побывал по долгу службы на Воронежском фронте. Теперь вот «картежники» объявились и на участке дислокации Третьей воздушной армии.

По сведениям одного командира полка какой-то «червовый туз» дважды прилетал на их аэродром и оба раза улетал победителем поединка. На третий раз в полку не нашлось храбреца встретиться с ним один на один. Узнав об этом, Федоров решил сразиться с ним. Нечего и говорить, что уставом поединки не предусмотрены, а командирам его ранга вступать в такой бой запрещалось без острой на то необходимости, диктуемой обстановкой.

Когда Громов брал беглеца под свою защиту от НКВД, то он пообещал конструктору Лавочкину и наркому Шахурину беречь как зеницу ока летчика-испытателя с Божьей искрой. Но назначенный командиром штрафников в нестандартной обстановке, когда назначать оказалось некого, а приказ Верховного «Ни шагу назад» как-то нужно было претворять в жизнь, Федоров получил право личным примером воспитывать летчиков с клеймом военного трибунала. В первом же боевом сражении эти колобродники рассыпались в разные стороны, бросив своего командира на произвол судьбы. Но он не стал упрекать их в трусости; два заваленных «юнкерса» и подбитый «мессер» лучше всяких нравоучений помогли ему сколотить

работоспособный коллектив летчиков, оставивший заметный след в негласной истории фронта. Этот отряд после его расформирования послужил ядром для создания по образцу немцев особого полка асов под эгидой главного управления ВВС.

Командиры частей и соединений не были заинтересованы в этой идее, неохотно отдавали свои лучшие кадры для сомнительного эксперимента «по образцу немцев». Учиться у врага считалось предосудительным. Низкопоклонство перед врагом?

Политические органы и контрразведка бдительно следили за подобными «крамольными» поползновениями отдельных командиров перенимать стратегию и тактику неприятеля в свою пользу, хотя сам Сталин в том же приказе «Ни шагу назад» призывал «поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу». Но, что позволено Царю, то запрещалось другим. Поэтому каждый здравомыслящий командир учился у врага втихаря, не афишируя свое «низкопоклонство», рискуя, между прочим, своей честью и добрым именем.

Громов ценил Ивана Евграфовича именно за риск, мужество брать на себя ответственность за свои действия.

Долго не появлялся «Червовый туз» над аэродромом, где дважды одерживал победу в поединке, а на третий — удалился порожняком. Наконец он прилетел и сбросил кусок фанеры с наклеенной запиской: «Руссише камарад! Немецкий летчик Беерен Брок вызывает на дуэль любого заслуженного летчика Красной Армии скрестить мечи ТЕТ-А-ТЕТ».

Прочитав такое, честолюбивый ас восхитился лаконичным посланием и поспешил в самолет, стоявший наготове. Круживший на высоте «мессер» выждал, когда взлетевший Як-1 набрал высоту и пошел на сближение. Взлетая, Иван Евграфович больше всего опасался подвоха со стороны противника — быть атакованным сразу при взлете, когда и скорость не та, и угол для атаки, мягко выражаясь, тошнотворный.

Немец оказался благородным: дал набрать высоту и спокойно выйти на лобовую встречу. Еще больше поразился Иван, когда немец покачал крыльями, приблизившись на выстрел, и отвернул в сторону, за невидимую черту поединка. Такая уверенность противника насторожила бывалого летчика и обрадовала: законы рыцарских поединков он чтил с юности и стремился подражать мушкетерам Дюма в повседневной жизни. Железный крест Третьего рейха поддерживал в нем веру в честное, уважительное отношение воинов друг к другу, не — взирая на классовую и национальную рознь. И он тоже, качнув крыльями, отвернул в

другую сторону.

Разойдясь, самолеты снова стали сближаться. «Червонный туз» открыл огонь с дальней дистанции. Не прекращая огня, он давил на газ и на психику, выжимая из мотора нарастающий вой, переходящий в визг. Молниеносно оценив скорость «мессера», Иван сделал «горку», уйдя таким манером от сближения в лоб и прицельного выстрела. Заложив глубокий вираж, он на миг оказался сзади противника и сверху ударил короткой очередью из пулемета по хвостовому оперению «худого», как прозвали между собой, перекликаясь в эфире, советские летчики «Мессершмитт Вф-109». Обладая преимуществом в скорости, немецкий ас ушел по дуге вверх и оттуда спикировал на «толстячка» с короткими крыльями, как снисходительно отзывались немцы о «яках».

Вираж, переворот и вот уже «Як» в хвосте за «мессером».

Кружа и падая то на крыло, то вниз головой, они сместились в сторону от аэродрома.

Снизу этот бой казался игрой клоунов Пата и Паташона: кто кого перехитрит, переспорит. Не исключено, что некоторым этот поединок напоминал бой боксеров легчайшего веса: худой длинный против плотного коротышки. Один придерживается тактики дальнего сражения и старается ударить сверху, другой избрал манеру ближнего боя и пытается достать снизу, на предельно низкой высоте, где преимущество в скорости одного переходит в превосходство маневренности другого. В конце концов «коротышка», уже весь изрешеченный, вышел из очередного пикирования у самой земли и снизу на вираже ударил с короткой дистанции противника по «животу». «Худой» потерял осмысленный курс движения, а потом, после добавочной серии ударов совсем сорвался в штопор. Летчик вывалился из кабины и повис на стропах парашюта.

Верный рыцарским законам не на словах, а на деле, победитель не стал расстреливать летчика на парашюте, как это делали некоторые триумфаторы с обеих сторон. Правда, чаще над территорией противника. Против такого метода расправы над побежденным выступал кавалер Рыцарского креста Вальтер Новотны. Он твердо придерживался подлинно рыцарского и, между прочим, джентльменского правила — не добивать поверженного врага, и даже пытался убедить командование Люфтваффе ввести это правило в норму поведения, в инструкцию по тактике боя. Этому правилу поклонялись отдельные пилоты эскадры «Мельдерс». Не исключено, что сбитый «Червовый туз» принадлежал к этой группе рыцарей.

Кстати, по некоторым свидетельствам, Франц Бееренброк относился к числу тех, кто внутренне осуждал политику

фашиствующей верхушки, направленную на поголовное истребление врага, о чем Иван Евграфович конечно же не знал, так как не поинтересовался судьбой втихомолку сбитого им самолета и спасшегося летчика. Его не раз упрекали за партизанщину, и за каждый сбитый самолет, вместо благодарности, он мог схватить нагоняй от командования.

Несмотря на печальный исход поединка, отряд немецких асов продолжал подчищать ослабленные подразделения советской авиации, частично переданной под Сталинград, легко расправляясь с наскоро подготовленным пополнением, притаившимся в предвкушении начала контрнаступления войск Рокоссовского на Дону, поэтому Иван Евграфович спал и во сне видел свой контрудар по гитлеровским стервятникам. Он намерился доказать обнаглевшим асам Люфтваффе, что Калининский фронт располагает не худшими кадрами, чем группа «картежников», а заодно и подтолкнуть свое командование на создание такой же группы из советских летчиков.

Несколько раз он вылетал на аэродром врага и по их методу сбрасывал «вымпел», консервную банку с запиской, с указанием параметров и времени поединка. А чтобы банка заметнее была и не потерялась, привязывал к ней проводочком красную тряпочку, развевающуюся на лету. Немцы аккуратно вылетали на рандеву, но неизменно терпели поражение. На третий раз они грубо нарушили правила единоборства: встретили его парой «мессеров» новейшей модификации. Так что бывший атаман разбойничьей шайки штрафников еле унес крылья на свою территорию.

Тогда он сбросил вымпел с предложением выставлять двух и более участников дуэли. Немцы приняли свое же предложение с клеймом Ивана, и первый бой, по этикету бросившего перчатку, разгорелся над домом принявших вызов, где одержать победу, как известно, помогают даже стены.

Иван Евграфович вылетел на встречу со своим лучшим ведомым по отряду штрафников Анатолием Решетовым, который за два месяца пребывания в штрафотряде пережил все, что могло случиться на войне с пилотом и его самолетом: от пожара в воздухе до взрыва на земле, от спуска на продырявленном парашюте до посадки «на брюхо»; но ни разу не был серьезно ранен, чтобы смыть позорное клеймо уголовника в процедурке приличного госпиталя. Награжденный орденом Красной Звезды и произведенный в капитаны после расформирования отряда, он согласился тянуть лямку в резервном полку на должности командира эскадрильи ради уважения и сердечной привязанности к Федорову с майорскими погонами, так как обещанные Громовым шпалы подполковника находились где-то в пути.

Дуэль «два на два» закончилась вничью со счетом ноль-ноль, потому что у звездокрылых бензин оставался на донышке после долгого ожидания противника и бесплодного боя, а крестокрылые позвали на помощь тяжеловооруженные «фокке-вульфы», от которых, как известно, не так просто унести ноги даже на вираже. Возмущенный коварством врага, вошедший в азарт заместитель командарма сбросил вымпел теперь уже с приглашением драться «стенка на стенку»; но предупредил гитлеровцев, что если они снова нарушат правила поединка, последует наказание от самого Громовержца.

«Картежники» расшифровали слово Громовержец правильно, а вот фразу «стенка на стенку» перевели неточно и выставили против прилетевшей эскадрильи краснозвездных целую эскадру. При такой, мягко выражаясь, подлянке бой закончился поражением Красных и торжеством Черных, что вызвало тревогу в кулуарах штаба фронта. Не санкционированные потери в живой силе и технике тяжелым бременем легли на широкие плечи закоперщика «картежной» игры, избитого в хвост и гриву, но тем не менее чудом спасшегося от преследователей в окопе. Сердобольные красноармейцы перевязали ему простреленные плечи и отправили на аэродром.

Пока особый отдел собирал на руководителя фронтовой самодеятельности компрометирующий материал и подсчитывал количество сбитых и подбитых самолетов с попавшими в плен пилотами для предстоящей разборки в суде, раненый, но не убитый горем инспектор по технике пилотирования, пользуясь пока не отнятыми правами заместителя командарма, организовал за могучей спиной Громовержца реваншистский налет с подключением штурмовой авиации на «провинившийся» аэродром «картежников» и спалил его дотла, что помогло Громову списать ранее понесенные потери на успешно проведенную операцию, временно рассеять сгустившиеся тучи над головой своего помощника и даже ускорить формирование полка асов в пику немцам.

Келейный шумок за кулисами штаба вокруг самодеятельных поединков достиг чутких ушных раковин командующего фронтом. Иван Степанович снизошел до телефонного вызова на ковер устроителя небесной партизанщины; получил прямое подтверждение из официальных уст, взятого на карандаш защитника разбойных летунов спецотряда, как значилась группа штрафников в различных полусекретных, простосекретных и сверхсекретных бумагах с надлежащими крестами, тобишь грифами секретности, и обозвал героя воздушных баталий анархистом, что звучало на языке особистов в свете

незабываемого Приказа Верховного от 28 июля как проявление недисциплинированности и… «самодеятельности в организации сомнительных экспериментов».

Мало того, что командующий фронтом обозвал известного летчика обидным словом, он назвал его, вперемежку с трехъярусным матом, еще и пособником князя Кропоткина, последнего основоположника отрицания диктатуры пролетариата, пролетарской дисциплины и руководящей роли Коммунистической партии. Кроме навешанных породистых идейно-политических собак и отборных морально-психологических блох, Иван Степанович приказал подать ему рапорт с объяснительной запиской. Что и было незамедлительно исполнено опальным командиром полка по совместительству. Стремясь подспудно оправдать свои неоднозначные действия, старший инспектор невзначай упомянул добрым словом начальника ВВС Новикова, положительно отозвавшегося о проекте создания элитного полка асов, как у противника, чтобы навести порядок в воздухе там, где он непоправимо разрушен. Прочитав представленную объяснительную абракадабру, Конев позвонил Громову с целью прояснить темные пятна на рапорте анархиствующего прожектера прогерманских прожектов и получил от небесного повелителя грома вразумительное подтверждение целесообразности образования такого спецподразделения. Надо же прикрывать черные дыры в небе из-за оттяжки значительных сил фронтовой авиации на ликвидацию Сталинградского котла. Поразмыслив, два самых авторитетных генерала центрального фронта вышли на связь с командующим воздушными войсками и получили добро на формирование полка асов в качестве панацеи от всех прорех в обороне. Лед тронулся.

Глава 11
Контроль и господство

Вскоре со всего фронта собрали опытных летчиков, сколотили мобильную группу. Эскадрильи рассредоточили по всему фронту, но так, чтобы можно было быстро соединиться. Главная задача: разгромить подвижную группировку немцев, установить контроль, а затем и господство в воздухе.

Но как можно уничтожить целую группировку? Фронт недвижим.

Все зарылись, укрылись, замаскировались. Бомбардировать некого и нечего. Особенно в непогоду, когда добрый хозяин даже собаку во двор не выпускает, когда не горит. А горело где-то на юге, под Сталинградом. Центральный же и Северный фронты законсервировались, заморозились.

Рожденный летать не может не летать. Что делать в таком положении военному летчику от Бога? Вот и выдумала бесовская авианемчура с голубой кровью эдакое научно-демоновское понятие — «свободная охота». Человек с голубой кровью больше, чем человек — убеждал главный идеолог и вдохновитель германского фашизма Фридрих Ницше.

И вот уже сотни, тысячи последователей его бесовской теории о сверхчеловеке, попирающем христианскую «мораль рабов», поднявшись в небо, приступили к свободной охоте на стратегически важные военные объекты, города с возможно большим числом населения; потом — на объекты тактического значения, скопления вооруженных людей.

С началом войны с красной Россией поклонники ницшеанства, отринув «стадный инстинкт личности» — библейскую мораль общества, возвысились до свободного промысла за отдельной личностью и с чисто собачьим упорством гонялись за одинокими людьми на полях и дорогах войны.

Однако в ноябре переломного года наступили другие времена. Выкормышам сумасбродного Ницше стало не до потехи на поле брани, и самый элитный род войск Третьего рейха придумал свободную охоту за слабо поднаторевшим в бою пополнением советских авиаторов из загашников бескрайней Сибири. И вот партийно-подначальное руководство сталинской авиации, на немцев глядя, сляпало в противовес противнику свой полк асов.

Таким образом, узаконились групповые поединки, при которых индивидуально-анархистские расценивались как

дополнительные издержки благого дела.

Картина игры менялась в зависимости от обстановки на юге. Вначале вымпелы летели от немцев, и по праву брошенной перчатки русские иваны вынуждены были драться на территории противника. Но это — тот же самый футбол. Дома, как говорится, и стены помогают. Тем не менее железная колода карт заметно снизила свою активность, а после окружения войск генерал-фельдмаршала Паулюса под Сталинградом горделивые вызовы на дуэль и вовсе прекратились.

Русские наоборот — долго, как обычно, запрягали: с проволочкой, со всеми бюрократическими уловками, партийно-политическими подкладками, застойно-централизованным недоверием к низам и выжидания готовых инструкций сверху, но быстро разогнали своих скакунов. Под руководством опального, но не сгоревшего в огне амбициозных баталий заместителя, вымпелы полетели в обратную сторону. Инициатива перешла в руки «анархиста» с привычками узурпатора. Но асам истребительной авиации фронта вроде Михаила Баранова, Андрея Боровых, Василия Зайцева, Ивана Зудилова, Федора Калугина, Григория Онуфриенко, Анатолия Решетова показалось невыгодно воевать во славу Федорова. К тому же штабы захиревших авиасоединений, оголенные опытными кадрами, подстрекали высшее командование к восстановлению былого порядка. Сглаживая остроту проблемы, Громов отстранил врио командира от руля созданного соединения, но не смог полностью отставить основателя полка от боевых вылетов на паритетных началах с другими командирами.

Немецкие асы одного за другим теряли своих товарищей, и постепенно охладели к удачно придуманной системе малыми силами удерживать господство в воздухе. Колесо фортуны начало давать сбои и грозило завалиться на бок. В помощь изрядно потрепанным «королям» и «тузам» прислали из Берлина полковника фон Берга с эмблемой Дракона. По слухам, тот длительное время занимал пост начальника истребительной авиашколы и потому лично не участвовал в боевых действиях. Вместе с титулованным авиатором на фронт прибыла группа инструкторов его школы, призванная восстановить утерянный авторитет немецких асов.

До прибытия на Восточный фронт барон фон Берг имел всего четыре победы на западном театре военных действий и не участвовал в так называемой битве за Англию, которая развернулась позже, после того, как он передал свою эскадру в руки Галланду, а сам устроился на более подобающий барону пост начальника одной из лучших авиашкол.

К этому моменту «федоровцы» обнаглели настолько, что стали шантажировать «картежников», сбрасывая вымпелы, по существу, не с приглашением, а с ультиматумом: «Вызываем вас на дуэль «девять на девять» в ничейное поле южнее Великих Лук. В случае отказа сжигаем вас на аэродроме как последних рыцарей из колоды трусливых шестерок». И подпись — Иван. Внушительно и смешно до слез. Не письмо запорожских казаков турецкому султану, но все же… все же.

Кто бы мог стерпеть такой удар по честолюбию? Нацистские прислужники — да. Но только не крестоносцы рыцарского ордена.

На это и рассчитывал Иван Евграфович, чтобы встретиться с врагом по большому счету. Иной раз находились такие немецкие командиры, которые считали дуэль ребячеством, глупостью, чудачеством, пьяным угаром, всем чем угодно, только не серьезной игрой с серьезным предупреждением, и потому не отзывались на «приглашение», не принимали на веру подобные «послания» русских Иванов и жестоко расплачивались за свое безверие, за свое барское пренебрежение к дурашливым запискам.

Барон все же оказался на высоте баронского самолюбия.

Глава 12
Барон, крапленый со всех сторон

Еще в сентябре, утвердившись в должности и приступив к формированию полка штрафников, Иван сподобился послать письмо Ане и через месяц получил от нее ответное послание с удручающим содержанием. Хотел было сразу написать, да все не находилась минута сосредоточиться. Иезуитские меры, принятые директором завода к ней в отместку за побег мужа на фронт, призваны были устранять коллектив, насолить своевольному летчику не удалось, и тогда он утолил жажду мщения на его жене: уволил с должности пилота связного самолета без права работы на заводе, лишил ее довольствия по аттестату военнослужашего-мужа, подселил в квартиру свою секретаршу.

Долго размышлял Иван над тем, что написать в утешение своей супруге, а начеркал всего две короткие фразы: «Бросай все к черту и лети ко мне».

Улететь, как ее Ваня, с Нижнего Новгорода на фронт Аня не могла: не та натура. Поэтому она прикатила к мужу на обыкновенном паровозе времен первой пятилетки, каких было в изобилии под Москвой, так как локомотивы предвоенной пятилетки близко к фронту не подпускали.

Вместе представ перед командующим и заявив о намерении воевать в одной упряжке, муж и жена замерли в ожидании принципиально значимого для них приговора. Михаил Михайлович горестно сложил руки на животе и потеребил пальцами:

— Служить вместе, в одном полку, позволить не могу. Семейственность на гражданке карается по законам партийной этики. На фронте — тем более недопустимо. Хватит с меня убийства сержанта Гали. А вот как ПэПэЖэ (походно-полевая жена) могу назначить пилотом связи. Согласны? — ничем не выдавая своего удовольствия поглумиться над партийной этикой, глубокомысленно выдал на гора свой вердикт бог фронтовой авиации.

Полковник фон Берг считал, что он на голову выше любого советского летчика, и не боялся встретиться с ним в бою, но у него вызывала отвращение нагловатая манера обращения к немецким летчикам. Мало того, что нет должной почтительности, а еще и угрозы. Не поднимал он перчатку, брошенную Иванами, еще и потому, что пытался досконально изучить тактику нападения противника. Однако товарищи по оружию… тактику

уклонения от поединка по достоинству не оценили и заподозрили в трусости. Все это и привело к встрече.

Эскадрилья на эскадрилью, точнее, девять на девять встретились, как и было условлено, южнее Ржева. Барон вел свою восьмерку со стороны солнца, чтобы лучше контролировать воздушное пространство, местами затянутое облачностью. Увиделись на высоте около двух тысяч метров. К его огорчению, девятка краснозвездных истребителей оказалась наполовину укомплектована не «ЯКами», как он предполагал, а какой-то другой конструкцией, в которой он потом признал, когда сблизились, малознакомый ему «ЛаГГ». Это озадачило его. В верхних слоях атмосферы ястребки значительно уступали «мессершмиттам» в скорости и вооружении. А «ЛаГГи»?

Покачав крыльями, девятки разошлись в разные стороны. Прекрасно понимая, что «мессершмитты» на высоте неуязвимы для «Яков», барон спокойно ушел, не озираясь, по восходящей вверх, чтобы оттуда, с вершины своего олимпийского спокойствия точно рассчитать угол и момент удара по врагу, оставленному где-то внизу. Каково же было его удивление, когда при развороте на встречный курс он увидел летящую с противоположной стороны пятерку тех самых истребителей, которые смутили его при обмене приветствиями. Он подал команду следовавшим за ним звеньям атаковать врага с ходу и довернул свой самолет для прицеливания. Дальнейшее произошло совсем не по тому плану, который он мысленно выстроил в голове перед атакой. Первый самолет противника, по которому он прицелился, неожиданно сорвался вниз и скрылся в лохматом белесом облаке. Пока барон соображал, как удобнее атаковать следующий, второй истребитель с ненавистной ему звездочкой на стабилизаторе сделал горку и с отвесным креном на крыло развернулся к нему под прямым углом.

Берг похолодел. Он понял, что невольно подставляет свой бок противнику, от которого можно увернуться, только сорвавшись в штопор, на что «мессер» на скорости не способен.

И он обреченно летел вперед, надеясь проскочить прицельную очередь огня. Взрыв прекратил этот полет по прямой, опалил жаром захлебнувшегося мотора, и машина с запозданием беспорядочно ринулась вниз, оставляя за собой шлейф густого дыма.

Еще на земле перед вылетом на свидание с фрицами Иван Евграфович договорился с Михаилом Барановым, назначенным ведомым к Андрею Боровых, при подлете к линии фронта выдвинуться вперед, как бы возглавляя группу истребителей, но при первой же атаке «нырнуть» вниз, чтобы Иван, летевший

следом, мог встретиться лицом к лицу с командиром немецких асов. Эта маленькая хитрость удалась: «мессер» с внушительным знаком командира эскадры эффектно рухнул вниз. Но сопровождавшие его два истребителя вовремя сориентировались и дружно набросились на обидчика их командира. Пули зачмокали, забарабанили по корпусу, как град по его демидовской «эмочке». То ли пулей, то ли осколком плексигласа ему зацепило нос. Солоноватая кровь запершила в горле, накапливаясь во рту.

Выключив зажигание, Иван подал рычаг управления от себя. «ЛаГГ» послушно клюнул носом вниз, втягиваясь в штопор. После третьего витка руки машинально заработали управлением подкрылков, а ноги одновременно нажали на педали прогазовки и разворота на ребро.

При выходе из штопора, когда казалось: все позади и можно принять разумное решение, один из преследователей удачно полоснул очередью из крупнокалиберного по капоту. Мотор заглох.

В кабине запахло гарью. На миг сверкнула шкурная проблема — парашют. Но куда прыгать? Чья территория под крылом?

Планируя, не столько раненый сколько выбитый из колеи пилот очередной раз сплюнул кровяную слизь под ноги, осмотрелся по сторонам и довернул самолет на восток. Высота позволяла дотянуть на свою сторону в случае, если бой сместился на вражескую территорию. Выглянувшее с утра солнце незаметно затянулось местами, заволоклось тучами. Не определить места приземления. На чьей он сейчас стороне?

До снежного поля оставалось меньше ста метров. При посадке на рыхлое поле главное — коснуться земли хвостовым костылем и на нем пахать до тех пор, пока скорость не погаснет, а задранный нос не опустится под своей тяжестью на выпущенные шасси. Удерживать вздернутый корпус воздушного корабля на бетонке — плевое дело. А на снегу, на пахоте, на сырой заросшей бурьяном земле попробуй удержать вздыбившегося стального коня, когда кровь застилает глаза, а руки дрожат от усталости и напряжения?

Как только самолет упал на передние лапы, колеса мгновенно прогрузли, уперлись во что-то неподдающееся продвижению вперед. Хвост задрался вверх, норовя совершить сальто-мортале. Стукнувшись головой о приборную доску, он на мгновение выключился, потерял сознание. Однако хвост на секунду задержался почти в вертикальном состоянии и с хрустом опустился вниз, заняв обычное, подобающее хвосту положение. Летчик тоже, причастившись теперь уже затылком к задней

стенке кабины, пришел а нормальную, осознанно-сидящую позу.

Посидев так минуту-другую, Иван с трудом отодвинул фонарь и вылез из кабины. К нему уже спешили какие-то люди в белых масхалатах с рожковым автоматом «шмайсер». Рука невольно потянулась к семизарядному нагану русско-бельгийского производства. Но масхалаты двигались уверенно, без тени предосторожности. Так на фронте люди приближаются к своей, в доску красной звезде; неважно на чем: на крыле или там на шапке, лишь звезда была бы родной, красной звездой. Серебристые, золотистые, зеленые и прочие на погонах в начале сорок третьего года вызывали недоверие и даже ненависть к носителям контрреволюционной белогвардейской атрибутики.

Бдительный летчик с оторванным носом и революционно-устремленным наклоном головы устыдился за свою ушибленную сообразительность и торопливо спрятал пугач в кобуру, когда услышал от подошедших на выстрел хозяев поля исконно русскую матерщину: «Да он, твою мать, с перепугу может перестрелять нас, твою за ногу, как доверчивых беляков».

«Ничего, мы еще повоюем», — подумал Иван Евграфович, шагнув навстречу белым халатам. Его обступили. «Твоя работа?» — показал рукой куда-то вдаль, по всему видать, главарь поисковой партии то ли трофейщиков, то ли фронтовых разведчиков.

Поодаль, метрах в семистах от приземления, дымилась груда упавшего самолета. Иван пожал плечами. Говорить с полным ртом крови и зажатым носом он не мог.

Его отвели в землянку, позади которой располагался, как выяснилось потом, командный пункт стрелковой дивизии. Прижгли йодом и забинтовали по самые глаза лицо, уложили отдыхать на хвойный настил, покрытый брезентом. Несмотря на йодистый запах и боль в носу, он все же вздремнул часок-другой после ощутимых перегрузок в самолете. Его представили командованию. С помощью карандаша и клочка бумаги он сообщил о себе и попросил нарисовать маршрут до ближайшего аэродрома. Похлопав по плечу, комдив поручил одному из красноармейцев проводить его в тыл до ближайшего санитарного пункта.

На прощание разведчики преподнесли летуну занятную саблю, извлеченную ими из сбитого самолета, в богатых ножнах с фамильной надписью, номером на рукоятке — 8+10132, и маузер с гравировкой на плоском патроннике: «Барон фон Берг». Маузер лейтенант посоветовал подарить комдиву, на что летчик охотно согласился, довольный тем, что разведчики не присвоили себе трофеи полностью. Маузер лейтенант прицепил себе на

бедро и взамен предложил взять на память о встрече курительную трубку с колоритной головой араба, выделанной из красного дерева, и… может быть, добытую из того же самолета, что и сабля-талисман: уж больно обгорелой и закопченной оказалась рукоять клинка и сама трубка.

Из санитарного эвакопункта Ивана подбросили на полуторке в расположение аэродрома, откуда он вылетал с товарищами на поединок. Коллеги встретили его широко раскрытыми глазами при сабле на поясе и с люлькой в прорези бинта на месте зева, по крайней мере, как человека, вернувшегося с того света. Все же видели, как он свалился в штопор.

Глава 13
Власть и слава

Когда Громову доложили об истории с носом, командующий только хмыкнул: «Пусть не сует свой нос, — куда не просят», и тут же позвонил Федорову:

— Есть приказ направить тебя на курсы начсостава. Срочно вылетай в Калинин. Тебя назначили командиром дивизии. Там тебе и нос подправят.

Через два дня с подшитым носом, замурованным в гипс и приклеенным к переносице, Иван Евграфович появился в штабе, чтобы передать свои полномочия заместителю. В прихожей штаба сидел рядом с краснопогонником осанистый солдат без погон, в серой поношенной шинеле без пояса и без обычной красной звездочки на лихо сдвинутой чуть-чуть набекрень шапке-ушанке.

Десять лет прошло с памятной дуэли на рапирах, а залихватское лицо секунданта лидера днепропетровского хулиганья не изгладилось в извилинах памяти. Все же Иван решил проверить свою мозговую коробку на прочность извилин. Подступил вплотную и, глядя в насмешливо-скептические складки губ в уголочке рта, как у Джоконды Леонардо да Винчи, сдержанно шепнул: «Павку Тараса знаешь? Где он?»

Солдат растерянно поднялся:

— Не знаю, товарищ подполковник.

— Федоров, — протянул руку Иван Евграфович, напоминая о себе.

— Не имею чести… А-а вспомнил, — заискрились глаза солдата. — Рапиры, дуэль… Только… это самое… Везде одно и то же: бордель и хамство правят бал, — погасли затеплившиеся зрачки солдата, потерявшего веру в объективность правосудия.

— Не понял. Почему здесь? В такой униформе? — попытался с ходу докопаться до истины владелец суррогатного носа.

— Вам не понять, товарищ подполковник. Вы, судя по звездочкам, под трибунал не попадали.

— О! Иван Евграфович! Что с вами? Кто это вам блямбу пристроил? — вошел в прихожую, разминая папиросу, начальник «СМЕРШа». — А с вами, голубчик, я даже не знаю, как быть? — обратился начальник к подтянувшемуся солдату без ремня. — Опоздали. Спецотряд штрафников у нас расформирован. Будем созваниваться с вышестоящими инстанциями. А пока самое подходящее место для вас — губа. Это что, ваш приятель? — повернул начальник свое одутловатое лицо снова к Ивану

Евграфовичу.

— Можно и так сказать. По летной школе в Луганске, — счел нужным уточнить статус-кво «приятеля» бывший инструктор авиаучилища. — Разрешите мне, пока суть да дело, покормить старого друга в столовой, Зиновий Самойлович, — навеличил своего приятеля подполковник для большей убедительности прошения.

— Только вместе с конвоиром, — погрозил тот пальцем.

Они уселись в уголке опустевшей столовой. Завидев знакомого офицера, официантка шепнула соседке, и та позвала шеф-повара. Усатый дядя уставился на незарегистрированных едоков.

— Двоих можете покормить? Хотя бы остатками, — напористо добавил Иван Евграфович, отметив испытывающий взгляд повара, скачущий с одного клиента на другого.

Официантка принесла две тарелки супа с пшенкой и горку черствого хлеба. Выверенным взглядом поставила одну тарелку перед грустным солдатом без ремня, а другую — на середину стола, не затрудняя себя проблемой: кому она достанется. Заказчик еды подвинул тарелку сержанту с красной окантовкой петлиц на шинели: — Давай, за компанию.

— Нет, нет, товарищ подполковник. Я обедал. Да и не положено на часах. Извините, — заерзал часовой на табуретке.

— Тогда кыш отсюда подальше, — махнул рукой на дверь построжавший командир.

Сержант послушно примостился на скамейке у выхода.

— Придется тебе поднатужиться и за своего «друга», — передвинул вторую тарелку неуставной благодетель ближе к первой.

— Это ваш «дружок». Мой давно в Тихвине. А то ина Ладоге, — отчужденно заметил арестант.

— Шут с ним. Рассказывай, где пропадал после Луганска? Как дошел до такой жизни? — дотронулся Иван до серой вытертой шинельки. — Авось, помогу.

— Да зачем это вам? Вы ж не прокурор, чтоб изменить приговор трибунала Балтфлота, — потупился солдат, расстегнув воротник.

«В самом деле, какой у меня резон навязываться солдату в друзья? — подумал полковник. — Я сейчас никто. Слушатель каких-то курсов. Конкретно ничем не могу ему помочь. А Костыль, — вспомнил он прозвище когда — то отчисленного курсанта из-за дурацкого поединка с Тарасовым, — похоже, был не простым летчиком. Хорошо бы копнуться в его деле».

Принесли второе блюдо — плов без единого кусочка мяса, но

жирный, пахнущий проржавевшим салом.

— Ты ешь, не спеши, — поднялся из-за стола чем-то обеспокоенный офицер с приклеенным носом. — Я сбегаю к одному начальнику, — И стремительно, как всегда, не вышел, а вылетел из столовой, из общего зала армейской едальни.

Начальник особого отдела отдавал последнее указание адъютанту, когда Иван Евграфович вошел к нему в кабинет.

— У вас что-то стряслось? — участливо спросил генерал, собираясь уходить.

— Могу я ознакомиться с делом Костылева? — соблюдая воинскую субординацию, вытянулся в струнку подполковник.

— Смотря для какой цели. Дела как такового нет. Приговор да сопроводиловка. Вам зачем? — застегивая полушубок, поинтересовался старый служитель правосудия.

— Да помочь хочется товарищу. Он же летчик. Как пройти мимо?

— Бросай привычку совать нос, куда не следует. Как тебя, анархиста, в партию приняли? Дисциплина в твоем хозяйстве вызывает тревогу… Твой приятель поднял руку на генерала. Слава Героя вскружила ему голову. Если бы не майор…

— И все же, из-за чего сыр-бор загорелся? Не может Герой, как вы говорите, так просто поднять руку.

— По пьянке — может, — безоговорочно заключил генерал. — Это на поверхности. А как там на самом деле было — в приговоре не расписано, — уже в дверях развел руками бывалый законник.

В столовой сержант и подошедший к нему лейтенант военной жандармерии тихо переговаривались между собой, изредка бросая взгляд на допивающего компот объект наблюдения. Они молча уставились на озабоченное лицо знакомого в недавнем прошлом помощника командарма.

— Куда его? — кивнул головой подполковник в сторону одинокого арестанта.

— На губу в шестой авиакорпус, — сухо, но благожелательным тоном сообщил лейтенант.

— Скажите командиру корпуса… Впрочем, я сам позвоню, — недоговорил что-то подполковник, направляясь к солдату, прикончившему две порции армейского обеда.

— Подзаправился? Как звать-то? — открыто всматриваясь в довольные, чуть смутившиеся глаза арестанта, спросил летчик.

— Георгий. Спасибо за обед, — подобрался солдат без подхалимского заискивания.

— Главное — не теряй выдержку. Все образуется. Со мной такое было, — признался подполковник, протягивая руку на

прощание. — Желаю удачи. Мы еще встретимся, — поставил точку на встрече бывший командир штрафников воздушного флота.

Раскрыв планшет, подполковник вырвал из блокнота листок, тут же, на коленке, не замечая стола, черкнул несколько слов и вручил записку подступившему к нему лейтенанту:

— Передайте командиру корпуса. Можете добавить, мол, комдив Федоров, просил придержать кадру, — при этом подполковник как бы постучал карандашом в грудь арестанта, — до моего возвращения с курсов. Но пассаран, — по-своему откланялся, так сказать, приоритетный нос, бросающийся в глаза своей наклейкой.

Теория истребительной тактики и планирование воздушных сражений на основе марксизма-ленинизиа слабо укладывалась в голову новоиспеченному комдиву, все еще находящемуся под впечатлением, связанным с отрядом штрафников и организацией поединков с немецкими асами. Мечты о создании на базе этих подразделений «дикой дивизии», наводящей страх и ужас на врага где только она появится, разумеется, по указанию Верховного Главнокомандующего, рухнули по возвращении с курсов, аки турусы на колесах в начале войны — дутые авиадивизии в приграничной полосе без пилотов и горючего. Он получил горе-дивизию, преобразованную на бумаге из бригады, общипанной со всех сторон всевозможными «покупателями товара» в связи с поворотными событиями на юге. Поэтому все мысли и чувства его по прибытии сосредоточились на формировании кадровой элиты дивизии, от которой он практически оторвался на курсах. Учеба закончилась, когда дивизия уже была сформирована из молодняка, выпущенного летными училищами, которому недоставало умения владеть самолетом в бою, не говоря уже об опыте.

Огорчило его и пренебрежительное отношение к его просьбе «придержать» Костылева. Педант и формалист Елдыкин, получивший звание Героя, как ему пояснили в штабе, «за мужественное руководство подразделениями авиации в оборонительный период Отечественной войны», все-таки дорвался до высокой должности.

То что его бригада была полностью уничтожена на аэродромах в первый же день войны, высшее руководство (не без помощи органов государственной безопасности) простило ему за «ценные показания» на «предательскую» деятельность Рычагова и Смушкевича, на которых свалило собственные ошибки по реконструкции пограничных укрепрайонов и дислокации авиационных подразделений высшее руководство Красной Армии.

Принимая корпус, Елдыкин обнаружил записку Федорова и, умело скрывая свое неприязненное отношение к любимчику Ворошилова еще с времен Луганской школы военных пилотов, приказал отправить штрафника обратно в распоряжение Балтфлота «за неимением возможности использовать осужденного по назначению». Круг замкнулся. Военные чиновники блокадного Ленинграда послали авиатора высочайшей квалификации, гордость истребительной авиации Балтики, защищать родную землю в окопы Ораниенбаумского пятачка.

Весна сорок третьего пролетела в мытарствах по обеспечению дивизии материально-техническими средствами и в подготовке «желторотиков» к боевым действиям.

К началу битвы на Курской дуге дивизию переподчинили Брянскому фронту, как наиболее боеспособную по заключению экспертов, хотя существовало негласное правило власть имущих оставлять у себя под рукой все самое лучшее, в том числе и кадры, а отдавать на сторону по принципу: на тебе, боже, что нам не тоже. Даже если есть строжайший приказ отдать лучшее из лучшего, но не указано конкретно, не расшифровано детально. В таком случае, подкрашенный, официально подправленный середнячок выставляется как эталон, идущий под грифом авторитетных подписей.

У власть имущих всегда найдутся люди, способные раздуть из мухи слона. Карлика, во всех отношениях, Ежова по указке свыше раздуть в богатыря с огромными ежовыми рукавицами. Не обстрелянную дивизию аттестовали как боеспособную лишь потому, что «партизан», «анархист», «мазунчик» Ворошилова, разъезжающий на легковой машине, полученной из рук наркома, был крайне неудобным человеком, с одной стороны, даже для Громова, давшего обещание Лавочкину и наркому Шахурину беречь летчика-испытателя как зеницу ока, не говоря уже о педанте Елдыкине. С другой стороны, сам Федоров рад был вырваться из-под плотной опеки и очутиться в эпицентре важнейших событий, на острие главного удара. С юношеским задором он рвался в бой, где чувствовал себя властелином неба, хотел доказать всему миру свое мастерство в воздухе, свою индивидуальную тактику борьбы с техничным смелым противником.

Ставка Верховного командования и Сталин настаивали на превентивном, предупредительном ударе по скопившемуся врагу под Орлом и Белгородом, но командующий Воронежским фронтом Константин Рокоссовский твердо стоял на оборонительном варианте изматывания сил противника и только за несколько минут до начала точно высчитанного наступления

немцев на рассвете пятого июля расщедрился на тридцатиминутный артиллерийский залп по изготовленным к наступлению войскам генерал-фельдмаршала Г. Клюге. Этот залп для немцев оказался настолько ошеломляющим, что они и после него целый час раздумывали: стоит ли начинать рассекреченное наступление. А когда собрались с духом и робко двинулись вперед, Рокоссовский доложил Сталину, не скрывая ликования:

— Товарищ маршал! Немцы двинулись в наступление!

Озадаченный излишне бравурным тоном командующего фронтом, Верховный недовольно спросил:

— Чего радуешься преждевременно?

— А как же? Мы победим! Мы обязательно победим, Иосиф Виссарионович, — твердо заверил Верховного ярый сторонник и заступник оборонительно-наступательного замысла Белгород-Орловского сражения на Курской дуге.

Рокоссовский не мог не заметить успешных действий истребительной авиадивизии, приданной ему для наступательного удара после завершения оборонительного этапа сражения. И когда ему представили дело Федорова о присвоении звания полковника, он его охотно подписал.

Весной сорок четвертого года комдив Федоров прибыл в только что освобожденную Нарву для установления контакта с воздушными силами Прибалтийского фронта, соседствующими с Первым Белорусским. В кулуарах штаба он столкнулся с бывшим опальным летчиком и потенциальным смертником Ораниенбаумского пятачка. С тем, с которым расстался больше года назад в столовой штаба армии.

Забыв про дела, старые знакомые уединились в чистом приморском трактирчике за кружкой чая с ромом. Слово за словом Иван тактично, не скрывая любопытства, подобрался к загадке: как Герой Советского Союза умудрился угодить на скамью трибунала? И Жора, разомлевший от крепкого чая, расстегнув синий флотский китель, поведал о своем злополучном приключении в осажденном Ленинграде.

— Пригласили меня на день рождения одной знатной дамы, шибко известной среди молодых летчиков Балтфлота. Что ее побудило познакомиться со мной в ту пору голодающего города, я до сих пор не имею понятия. То ли ее прельстила слава везучего истребителя? То ли хотела расширить богемный кружок знакомых Героем «балтийского неба», как расписала меня газета? То ли насладиться интимной близостью хотя бы за рюмкой выдержанного коньяка шикарного застолья? Не знаю. Врать не стану. В общем, я был поражен обилием изысканной снеди на столе и марками дразнящих напитков для поднятия воинского

духа и мужского самолюбия. Ошеломленный и ослепленный богатством дома среди пустующих, вымерших от голодухи помещений и дворцов северной столицы, я держался. Пил не больше, чем другие, а вот закусывал вяло. Не лезла в горло ни американская тушенка, ни беломорская севрюжинка. За два года с хвостиком, с момента осады, значит, и постоянного урезания пайка до размеров нищенского подаяния, который я, в свою очередь, уменьшал, сберегая для матери, мне и в голову не приходило пользоваться многочисленными связями ради желудка. Я отощал, обессилел от недоедания и перегрузок в воздухе до такой степени, что боялся икоты, спазма голосовых связок и пищевода. Возможно, мой угрюмый вид не понравился хозяйке. А, может быть, и ее хахалям из тыловой камарильи. Словом, собрался я уходить. Стал мне кусок балыка поперек горла. Отказался пить очередной бокал за здоровье стервы, живущей на широкую ногу среди всеобщего голода. Но из врожденного приличия пригубил, не соображая, кому же я все-таки обязан упавшим настроением: ей или ее подкаблучникам с двумя просветами на белых погонах?

И надо же было подойти ей сзади, обнять рукой за шею, а другой подставить мне под губы свой бокал с грузинским «Саперави». «Пей, не зазнавайся. А то вылью за воротник; не посмотрю, что ты бог ленинградского неба. Сегодня я — герой ночного собрания фаворитов жизни. Чтобы красиво умереть, надо уметь жить, милый».

Кровь шарахнула мне в виски, хлестнула по набухшим венам шеи, если не от ее прикосновения, то от ее наглого сопоставления правды двух житейских постулатов. Точнее — совести. Нашла, стерва, мудрость. Я вскочил, опрокинув ее бокал, с треском разлетевшийся на кусочки. Вино хлюпнуло на скатерть, на платье. Стол, само собой, колыхнулся, зазвенел повалившейся посудой, фарфором Мейсена.

Что тут началось? Стерва вопит: «Мой Фаберже!» Полковник с красными лампасами рычит: «На колени, свинья неблагодарная!» А майор-интендант с пунцовыми щечками и заплывшими от жира глазками эдак ехидно ухмыляется: «За черепки платить придется, поганец». Может, и ушел бы я, тихо огрызаясь, без шапки: не до нее, не до поисков гардероба, да уж больно кольнул меня жирный снабженец, Думаю, вот гад. Люди с голоду пухнут, а он за ворованный фаянс печется. Не стерпел, бухнул по ушам: «Вас в окопы нужно загнать, чтоб узнали цену шамовки. А за черепки не бойтесь: заплачу за все, с наваром». И дернул скатерть на себя. Рванулся к серванту с хрусталем. А он руки расставил, как пугало на огороде, и пищит: «Не смей! Вон отсюда, дрянь!» Дама визжит:

«Стреляйте в него! Чего испугались хулигана? Он же нас продаст, как миленьких».

Короче, накинулись на меня, как шакалы на добычу. Повисли на плечах, на руках, как шавки дворовые. Повалили, скрутили, еще и по ступенькам спустили. Отлежался. Случайные солдаты помогли руки освободить. Сгоряча зашелся: «Ну, сволочи! Щас вы получите от меня». Хвать за бедро, за карман, а пугалки-то нет: слямзили. Золотой медали тоже не досчитался. С мясом оторвали. Что делать? На поклон идти? Не стал ломать голову. Так и приковылял домой без доспехов. Сам посуди: люди ноги, руки, головы теряют на этой всемирной бойне, а у меня они — при мне. Все это барахлишко: шапка, наган, медаль — дело наживное.

— Не думал, что из-за какого-то Фаберже они дело состряпают.

— Как потом я понял, они испугались, что я их в окопы загоню. Решили избавиться от меня, опасного свидетеля. Спровадить меня подальше от Ленинграда им не удалось, так они сунули меня в Ораниенбаум. Самое гиблое место после Невского пятачка. Страх потерять сытную кормушку победил совесть гомо сапиенс, так, кажется, по-латыни называют разумного человека, — прервал свой рассказ несколько умиротворенный герой потасовки.

— Нет человека, которого бы худая слава миновала. Но с одних она последнюю шкуру снимает, а с тебя — как с гуся вода. Ты опять на белом коне. Кто помог? Адмиралы Балтфлота?

— От них дождешься. Это же евнухи эмоций. Простить они еще иногда могут, а взбунтоваться — никогда. Собственное благополучие для высокого чиновника — превыше всего. Свысока падать больно. Бунтуют те, кому нечего терять. Пролетариат да матросня. Когда меня упекли на «пятачок смерти», братишки прохода не давали: расскажи да расскажи. Я чуть алкашом собственной обиды не стал. Начальство «островка» убоялось, что я морально разложу весь гарнизон своими сентециями о справедливости, и спрятали меня от греха подальше в подземную баталерку боеприпасы выдавать. Братишки не смирились, стали жалобы наверх посылать, мол, сгноить решили Героя, вместо того чтобы воров и хапуг расстрелять.

— Начальство решило: дело пересмотреть. Два раза приплывал ко мне следователь. От него-то я и узнал, что та баба подала на меня заявление в суд, а свидетели пошли у нее на поводочке. «Или мы его, или он нас под трибунал подведет», — твердила она. Те сдрейфили, приложили нужные показания, шапку, пистоль. О Звездочке — ни слова. Кто-то из той кодлы

прикарманил. А трибунал — что? Ему не до восстановлении какой-то истины. Вопрос тогда стоял об индивидуальном выживании наравне с общим. Следователи, мне кажется, и во второй раз, при пересмотре моего дела не промахнулись. Знатно поживились, разматывая клубок городских мародеров под крышей тыловых крыс. Так-то, Ваня. Не против — на ТЫ?

— Да я давно уже тебе ТЫкаю, а ты все деликатничаешь, на погоны глядя. Будь здоров, — поднял стопочку Иван, — я рад твоему возвращению в большую авиацию.

— А как же? Жизнь научила. Раз замахнулся на майора: «Ах ты, гадина, тыловая крыса». И схлопотал за тыканье три года условно. Хватит. Ученый. Ходить против власти врукопашную — удел романтиков и дураков.

— Власть, как девка, разная бывает. Совестливая и бесстыжая. К сожалению, — заметил Иван.

Так они и расстались, как старые задушевные друзья в рассуждениях на отвлеченную тему, как будто война была от них за тридевять земель в тридесятом царстве.

А она грохотала над их головами разрывами зенитных снарядов и ревом пикирующих самолетов.

Глава 14
«Березина»

А дела на фронте между тем разворачивались со скоростью ночного бомбардировщика. Ориентиры и цели менялись в зависимости от просветления и скорости соображения главных закоперщиков войны и ведущих исполнителей «божьего промысла».

Обе воюющие стороны считали себя правыми в своих благородных намерениях установить мировой порядок по социально-экономическому признаку. Только одни исповедовали право вершить судьбами народов по принципам Ницше, идеальной голубизне крови, якобы изначально бушующей в жилах великогерманской касты, а другие взяли на вооружение идеи Карла Маркса, положив в основание мирового порядка равенство в материальной обеспеченности, которая тоже изначально заложена в крови плебса. Одни верили в дух, другие поклонялись плоти. Силы идеального и материального мира веками боролись с переменным успехом за свое право управлять человечеством, пока не схлестнулись в итоге на «Прохоровском поле», когда выкормыши Ницше во главе с его лучшим учеником Адольфом Гитлером не выдержали своего наступательного порыва и застряли в оборонительных сооружениях «сталинцев», намертво вставших на защиту своих амбициозных рубежей обустройства мира на принципах материального равенства.

Правда, принципиальная разница в позиции «сталинцев» и «гитлеровцев» оценивалась союзными державами той и другой стороны неоднозначно. Запад во главе с Черчиллем и Рузвельтом защищал материальное благосостояние своих народов в настоящем, а Восток во главе со Сталиным отстаивал свое материальное благополучие в будущем. Так или иначе, но Запад не спешил с открытием второго фронта на западных границах Третьего рейха, поэтому на востоке настоящие сталинцы придумали десять сталинских ударов по гитлеровцам и один из них назвали «Багратион».

К этому удару, разработанному штабом Рокоссовского и одобренному ставкой Верховного Главнокомандующего, подключались местные, второстепенные, третьестепенные и даже отдельные параллельные проекты избиения дрогнувшего и отступающего противника. Один из таких отдельных прожектов назвали «Березина». Он заключался в том, чтобы ввести немецкое командование в заблуждение относительно отдельных частей и

подразделений гитлеровцев, попавших в «Бобруйский котел» в результате успешного наступления советских войск на Первом Белорусском фронте.

В лесах западного побережья реки, вошедшей в легенду еще со времен бегства Наполеона из Москвы, скрывалось действительно много физически и морально придавленных солдат и офицеров вермахта, обреченных на пленение. Эти войска надо было как-то вызволять из окружения. Наученное горьким опытом под Сталинградом, немецкое командование решило спасать войска по воздуху. Но фронт катастрофически отодвигался все дальше и дальше от берегов Березины, поэтому решено было оказывать помощь тем подразделениям, которые не утратили радиосвязь с командованием и могли организованно продвигаться на запад, поближе к линии фронта. Таким подразделением оказался 36-й полк охранной дивизии. Но попав в безвыходное положение, полк рассеялся, а подполковник Шерхорн, возглавлявший объединенную группировку войск, сдался в плен.

Разведуправление Белорусского фронта решило воспользоваться благоразумием подполковника и его помощников, согласившихся подыграть советским разведчикам. С помощью фальшивых радиограмм Шерхорн попросил помощи от вермахта: сбросить продукты, боеприпасы, медикаменты в условленном месте. Такая помощь была оказана. Ночью тяжелый транспортный самолет сбросил на парашютах необходимый груз, который попал, разумеется, в руки армейского «СМЕРШа». Операция преследовала цель как можно больше выудить диверсантов, оставленных немцами в лесах Белоруссии.

Командование центральной группой немецких войск настолько уверовало в возможность спасения попавших в беду, что всерьез решило выручить «героический полк», согласившийся на эвакуацию.

По приказу Гитлера с южного фронта вызвали лучшего диверсанта Третьего рейха Отто Скорцени, командира особого диверсионного 502-го егерского батальона абвера. От генерала Йодля он узнал, что в лесах Белоруссии продолжает сопротивляться группировка войск, насчитывающая свыше двух тысяч солдат и офицеров, уцелевших от разгрома под Бобруйском и нуждающихся в помощи. По замыслу матерого диверсанта в советском тылу решили сколотить фиктивный стройбат из бывших советских военнопленных, прошедших обучение в диверсионных школах абвера.

К нему должны были примкнуть офицеры и солдаты Шерхорна под видом немецких военнопленных, якобы

двигающихся к линии фронта для строительства оборонительных объектов. Операцию закодировали под названием «Волшебный стрелок». Изготовили фальшивые документы и ночью сбросили на парашютах специалистов в помощь подполковнику для выбора оборудования посадочной полосы.

Намерившись без шума захватить приземлившиеся немецкие самолеты, советская сторона приняла решение задействовать на случай сопротивления ночные бомбардировщики. Подстраховать спецслужбу поручили командованию 4-й воздушной армии, рассредоточенной в этом направлении. Спланировать действия бомбардиров и подобрать место предполагаемого приземления транспортных самолетов противника приказали Федорову как наиболее смелому и опытному организатору военных экспедиций.

На аэродром ночных бомбардировщиков Иван Евграфович прикатил на своей любимой «Эмке», ознакомился с личным составом полка и устроил соревнование между летчиками: кто точнее всех сбросит вымпелы на поляну в лесу, отмеченную на карте.

Лучше всех сработали летчики эскадрильи молодого командира, чем-то напомнившего ему Анатолия Серова, сослуживца по Испании. Назначив его своим ведомым, Иван Евграфович решил проверить его в деле.

Днем они на двух бипланах облетели окрестности одинокого монастыря на взгорье и дважды заходили от излучины реки на условленный объект — полевой аэродром предполагаемого врага. Вечером молодой командир произвел контрольное бомбометание с повторным заходом на цель. Федоров, круживший над объектом где-то выше, опередив бомбардиров на обратном пути, встретил пилотов с нескрываемым восхищением:

— Здорово поработали. Пащевского ко мне. Ага, идет. Поздравляю. Глаз у тебя — первый класс. Как звать-то? Геннадий Анатольевич, говоришь? Достойная смена Анатолию Константиновичу. Браво. Это я тебе говорю, однополчанин героя испанского неба. Понял?

— А кто такой Анатолий Константинович? — осмелился задать праздный вопрос молодой командир, окрыленный похвалой загадочного полковника.

— Как кто? Разве вам в училище не говорили о нем? Какое оканчивал? Когда?

— Чкаловское, в сорок втором.

— А-а, тогда простительно. Не до имен было инструкторам. Анатолий Серов. Был такой летчик-истребитель, комбриг. Погиб при загадочных обстоятельствах, обучая Полину Осипенко полетам вслепую. Но… ближе к делу. Будьте готовы. Ваше

командование получит конкретные указания, что и как. Желаю удачи. До встречи, — и полковник, ответственный за воздушную операцию, растворился в темноте на подходе к штабной палатке.

А в это самое время Гитлер вызвал к себе Скорцени с докладом об операции «Волшебный стрелок», проводимой под патронажем гросс-адмирала Канариса.

После августовского путча вождь национал-социалистической партии чувствовал себя неважно, потому недоверчиво уставился покрасневшими глазами на подтянутого, сухощавого диверсанта, соратника по партии. Испытав сокрушительный удар по психике вследствие развала новой «голубой» оборонительной линии по Днепру и получив в придачу августовскую зуботычину в результате покушения, он разуверился в искренней преданности к нему ближайшего окружения и потому сомневался в любых начинаниях военного толка.

В душе он согласился на поражение в войне с могущественной коалицией великих держав. Ему казалось: вся планета окрысилась на его геополитические замыслы во имя мирового порядка под знаменем национал-социалистической партии, и он готов был схватиться за любую соломинку, лишь бы выиграть время для осуществления бредовой идеи любой ценой достойно выйти из кровавой игры, поссорив противников друг с другом и на обломках военного содружества демократических держав удержаться на плаву, заключить, если не коварный, коллаборационистский, то хотя бы — компромисный мир. С этих тактических позиций он все еще верил в изворотливость и способность своих спецслужб.

Выслушав предложение Скорцени заслать отряд диверсантов на базу подполковника Шерхорна и разведать место посадки транспортных самолетов для вызволения окруженной группировки, Гитлер молча посмотрел на Канариса. Руководитель абвера, сохранявший до этого полное спокойствие, оживился:

— Мне кажется, нужно сначала заслать доверенное лицо, убедиться в личности подполковника, встретиться с тайным агентом и условным сигналом доложить мне. При положительном результате можно попытаться эвакуировать хотя бы костяк группировки.

Гитлер взбодрился:

— Я не пожалею сил и средств, чтоб спасти верных сынов отечества. Непосредственно руководить операцией назначаю Скорцени. Майора Фишера, «Макса» этого, за мужество и ценные секретные сведения, разберетесь сами там, представить к награде «Железным крестом». Все. Идите, — устало махнул рукой заметно осунувшийся хозяин «волчьего логова».

Намеченная операция «Волшебный стрелою) набирала темп. Геринг выделил несколько транспортных самолетов. Скорцени заслал своих подчиненных: унтер-офицера СС Пандерса и трех диверсантов из бывших полицаев Белоруссии. Проверка наличия боеспособной части Шерхорна близилась к финишу.

Абвер подключил в подмогу легендарному майору Фишеру под именем «Макс» — Александра Демьянова, кубанского казака, перешедшего по заданию советской разведки линию фронта в начале войны и прошедшего обучение в диверсионной школе в числе пленных, проверенных на благонадежность. Оба они, Вильям Генрихович Фишер и Александр Демьянов были завербованы на Лубянке, успешно внедрились в военную разведку и своей работой на два фронта вошли в доверие как той, так и другой стороны, обманывая даже верховное командование.

В конце октября в расположение «пробирающейся на запад» группировки немцы высадили штабс-врача Ёшке и пилота Вильда, которые доставили инструкцию по приему транспортных самолетов от командующего группой армий «Центр» генерал-полковника Рейнхарда.

Разведчики Белорусского фронта начали готовиться к захвату экипажей самолетов, которые должны были вот-вот приземлиться по плану «Волшебный стрелок». Для подстраховки, на случай сопротивления экипажей, командование фронта задействовало эскадрилью ночных бомбардировщиков капитана Пащевского. Захват самолетов означал конец операции «Березина». В связи с этим разведчики при Верховной ставке решили не подрывать авторитет Демьянова и Абеля, сохранить их в качестве перспективных шпионов на будущее, даже, может быть, послевоенное.

Радисты от имени Шерхорна, произведенного к этому времени немецким командованием в полковника, сообщили в штаб Рейнхарда, что «кольцо» прорвано и группировка благополучно продвигается к Неману.

Для подтверждения реальности продвижения соединения Шерхорна к линии фронта ставка Верховного командования поручила чекистам Рокоссовского подстроить захват штабной машины с «секретными» документами относительно действий советских войск по блокированию соединения Шерхорна и дальнейшему наступлению Красной Армии по направлению к Варшаве. Выбор пал на штабную машину Четвертой воздушной армии. По указке свыше решили подставить белую «Эмку» полковника Федорова. Уж больно мозолила она глаза начальству, отвлекала, по мнению некоторых, командира дивизии от непосредственных задач руководства хозяйством.

По этому поводу в разведуправлении фронта, куда прибыли представители внешней разведки из Москвы, состоялся крупный разговор. Начальник управления, побуждаемый представителями Лубянки, согласился «обротать» Ивана Евграфовича в агенты внешней разведки — поручить Федорову доставку пакета «секретной документации» в штаб фронта, не раскрывая ему всей подноготной запланированной операции.

— Достаточно секретную папку вручить ему в штабе армии и сказать: срочно доставь ее в штаб полка ночных бомбардировщиков, — уверенно развивал план вербовки майор Копировский. — Остальное — дело техники. Главное — втянуть его в эту историю. В Германии его знают, поверят.

— Вряд ли он добровольно согласится на этот шаг, — скромно вставил Пащенко, обеспокоенный силовыми методами вербовки.

— Не согласится, так надо его загнать в тупик, подвести под статус-кво свершившегося факта. Человек, пользующийся симпатией Геринга, быстро сделает карьеру. Он же неспроста цеплял ему «Железный крест» на шею. Остальное приложится, — продолжал нести ахинею майор, не задумываясь о последствиях принудительной акции.

— Не выйдет из него шпиона, даже если он, попав в нашу ловушку, благополучно окажется в руках абвера, — энергично подытожил начальник армейского «СМЕРШа» идею лубянского карьериста. Я его знаю. Он рожден летать и совершенно лишен таланта подглядывать в замочную скважину. Не любит он штаны протирать на стуле за письменным столом, а тем более шаркать штиблетами по паркету.

— Ну, ладно. Не будем заглядывать наперед. Поручим ему отвезти пакет, а там видно будет, — заключил глава контрразведки фронта генерал Платов. — На случай провала «принудиловки» готовьте своего человека. И поставьте, пожалуйста, в известность генерала Вершинина насчет… временного использования Федорова в роли связного офицера, да так, чтобы комар носа не подточил, а Федоров не догадался.

Тут же, по телефону, связались с командующим армии. Вершинин высказался против использования боевого командира в шпионских играх. «На это дело у вас должны быть свои кадры, — отрезал он на просьбу главного чекиста фронта. — Впрочем, если он согласится, — на полтона ниже смягчил свою грубоватость командующий (все-таки резкость с чекистами — себе дороже), — то… в пределах его служебных обязанностей — пожалуйста».

Под вечер начальник штаба воздушной армии вручил Федорову засургученный пакет: «Вы опекаете полк ночных

бомбардировщиков в секретной операции. Это срочно. Там и вас касается, — ткнул он пальцами в пакет. — Будьте осторожны при ночной посадке».

Не знал начальник штаба, что полковник Федоров прибыл к нему по вызову не на связном самолете, как положено по рангу командиру дивизии, а на своей персональной автомашине, так как штабы армии и дивизии располагались в секторе хорошо сохранившейся дороги.

Выйдя из прокуренного помещения, Федоров уселся в свою верную, еще демидовскую «Эмочку», неотступно следовавшую за ним почти от самой Москвы, и поерзал на кресле, покрутил рукояткой передач.

— Ну как, Дима? — обратился он к ординарцу, восседающему на заднем сиденье с автоматом на коленях. — Домой или к ночным дракончикам покатим?

Так уважительно он называл легкие бомбардировщики, дракончившие по ночам передовые позиции противника.

— Вам виднее, Иван Евграфович, — почтительно отозвался Дима Лощинин, прикипевший душой и телом к своему кумиру еще в громовской армии, да так и остался кочующим курьером при командире и телохранителем «Эмочки».

«Да, не легкая это работа — рыскать по ночам вроде крота», — подумал летчик, проворачивая ключ зажигания и в то же время прикидывая: каким путем ему удобнее добираться до аэродрома «дракончиков». До них, как и домой, не более сотни километров. Только влево, а не вправо. Добро бы по асфальту или хотя бы по гравийке; а то ведь придется крутить баранкой и по грунтовке, да через лес, по черт знает каким колдобинам.

Подсчитав так и сяк и удостоверившись, что ехать в дивизию и пересаживаться в самолет — только время терять, Иван Евграфович не стал голову ломать, как выйти из затруднения: просить связной самолет у начальника штаба, значит нарываться на неприятности. Ехать в дивизию — тоже не резон: время не терпит проволочек. Задание срочное.

— Едем на Слоним, — ничтоже сумняшеся буркнул полковник, отбросив крамольную мысль о том, почему ему поручили это дипкурьерское дело, если по уставу на это имеется специальная команда связных, помеченных грифом «совершенно секретно».

Глава 15
Засада

При выезде из Барановичей машину застопорили патрули комендантской роты. Проверили документы, предупредили, что лучше напрямик не ехать: в лесах бродят группы недобитых фашистов. Об этом Иван Евграфович слышал почти каждый день с начала продвижения фронта от Березины до Немана, однако «Эмочка» вместе с ним, или только с Димой, благополучно продвигалась по дорогам войны вслед за линией фронта.

Когда миновали очередное село, машину остановил пост заградительного отряда военной милиции: «Дальше нельзя: запретная зона. Необходимо разрешение особоуполномоченного». Вызвали старших офицеров. В сгустившейся темноте Иван Евграфович сразу не признал знакомого чекиста.

— О! Полковник Федоров. Рад встретиться, — первым подал голос Пащенко. — Куда путь держим на ночь глядя?

— А-а, чекисты на путях продвижения народа к победе. Здравствуйте, я — ваша тетя, — полушутя, полусерьезно хмыкнул полковник. — Еду к своим. Надеюсь, пропустите через свою зону без волокиты.

— Пропустить-то пропустим, но безопасность не гарантирую. Сами понимаете — зона. В лесу прячутся звери. Не ровен час наскочить на мину, — точно таким же слогом полузагадочно, полушутейно заговорил чекист. — Если вы не боитесь бродячих собак, похвально. За храбрость не судят.

— Раз зона под вашим колпаком, так в чем дело? Вы даете мне Аусвайзе или пароль? — пытаясь уточнить обстановку, перешел на официальный тон полковник, задетый намеком на трусость при встрече с бродячими немцами.

— Пропуск и пароль вам ни к чему. Зона для вас открыта, — тоже казенным голосом ответил чекист. — Боюсь, вас подставили, товарищ полковник, наши зубры из Беловежской пущи, — осекся вдруг подполковник, споткнувшись на слове, строго засекреченном с началом операции «Березина». — Проваливай. Счастливого пути, — добавил он более проникновенно, осерчав то ли на свою неосведомленность в деталях операции, то ли на тупость полковника, не посвященного в эти детали.

Лес проехали без каких-либо происшествий. Но в конце предполагаемого выхода из лесного массива вышли два красноармейца с пистолет-пулеметом Шпагина и рукой показали: стой, мол, проверка.

Федоров замедлил бег автомобиля, как бы намериваясь остановиться, а сам шепнул ординарцу: «Приготовь пушку».

Стекла в машине были опущены в самом начале темноты, и теперь Дима высунул в окошко кончик ствола своего автомата, снятого с предохранителя.

Приблизившись к патрулям, Иван Евграфович включил дальний свет, ослепил вышедших навстречу солдат. Луч света скользнул в сторону и выхватил из темноты офицера с красной повязкой на рукаве. Машина с ревом набросилась на патруль, отпрянувший в разные стороны. «Не стрелять!» — отчетливо прозвучало в темноте, видимо, от притаившегося офицера под деревом. Когда проскочили заслон, ординарец все-таки выпустил две короткие очереди по верхушкам деревьев; так, больше для души, чем для устрашения.

— Порядок. Пусть знают наших, — похвалил действия ординарца командир. — Как думаешь? Наши или переодетые диверсанты?

— Как будто наши, а там — кто их знает, — отозвался ординарец. Впереди угадывались просветы открытого поля. Но у самой опушки леса машина уперлась в завал. Шофер вырубил свет, чутко прислушиваясь к подозрительной тишине. Ни звука постороннего, ни движения.

Машина остановилась, тихо урча мотором. Что делать? Разбирать завал или искать объезд между деревьев? В машине есть и топор, и пила, и лопата, да нет ясности, за что хвататься.

Вылезая из машины, водитель тихо прошипел подручному:

— Выходи и следи. Чуть что — огонь. Понял?

— Есть, — прошептал ординарец, бесшумно покидая сиденье.

Поправив пакет за пазухой, Федоров выпрямился, все еще держась правой рукой за распахнутую дверцу. За преградой мелькнули силуэты людей. Справа выступил человек: «Не двигаться! Милиция». Рука машинально потянулась к рычагу переключателя света. В лучах прожекторов четко вырисовались люди в гражданском с белыми повязками на рукавах.

Выхватив пистолет, Федоров крикнул вполголоса «Дима, за мной» и, выстрелив наугад по движущимся теням, бросился в лес. Дима понял выстрел командира как сигнал к нападению и открыл огонь веером по завалу, пятясь под прикрытие деревьев. В ответ прозвучали винтовочные выстрелы и призыв все того же голоса с придыханием: «Не стрелять! Взять живым!» Но Дима кучно ударил теперь по голосу и ринулся, как ему показалось, вслед за командиром, зацепился за корягу и потерял ориентир, пытаясь вывернуть на бегу заарканенную ногу. Прямо раздавались приглушенные команды. Слева — топот бегущих людей. Справа

— треск и шум дерущихся мужчин.

Прилипнув к земле и прислушиваясь к шорохам. Дима понял: слева — дорога, справа — возня с пойманным зверем, когда медведь, попавший в расставленные сети, уже не страшен, а ловцы помогают друг другу, не суетясь, лучше справиться с добычей. Чувство самосохранения подсказало: не выдавать себя, притихнуть на время. Поэтому незадачливый телохранитель полковника осторожно заполз вглубь кустарника и притаился как заяц в траве, надеясь на его величество случай — авось пронесет.

Через некоторое время шум вокруг поутих и по громкой команде «Шабаш! Все к машине!» стало ясно: дело сделано. Можно не волноваться. Тем более что двое, проходившие мимо, вдруг остановились, спокойно перекидываясь фразами.

1-й голос: — Куда же подевался щенок?

2-й голос: — Щенок щенком, а шороху наделал больше, чем надо.

1-й голос: — Да черт с ним. Он никому не нужен. Задание выполнено, полковник в мешке. Что нам еще треба? Сто грамм да корка хлеба. Жаль ребят, пострадавших за понюшку табака.

2-й голос: — Дай Бог дожить нам до свадьбы-женитьбы, а там — хоть трава не расти. Пошли. А то сдуру и нас подкосит, если прижух где-то поблизости.

Тем временем возле машины завал разобрали. Спутанного по рукам и ногам полковника втолкнули на заднее сиденье «Эмочки», не снимая мешка с головы. Два стража молча уселись по бокам. Еще два молчуна заняли место впереди, завели мотор, подали машину взад-вперед и повезли пленника в обратную сторону. Долго кружили по лесным прогалинам и наконец остановились, как потом выяснилось, возле избушки лесника. Сняли с головы мешок, включили свет в салоне, и всю дорогу сопевший полковник воочию убедился, что попал в руки дебелых прислужников немчуры. Подошел немецкий офицер с крылышками в петлицах, и допрос тут же в машине принял частный характер.

— Значит так, Иван, — начал впереди сидящий «немец» чисто по-русски, развернувшись лицом к допрашиваемому. — Слушай внимательно, что будет говорить немецкий офицер, а я переводить. И не заносись, будь вежлив. Теперь твоя жизнь зависит от него, от новых хозяев, — пояснил ситуацию переводчик, показывая рукой на офицера, как бы отмежевываясь тем самым от немца. — Он хочет сделать тебе лестное предложение.

Немец, стоя у раскрытой передней дверцы, представился: — Обер-лейтенант Люфтваффе Вильде. Гер полковник, говорите ли

вы по-немецки? Можете ли объясниться со мной без переводчика?

— Нет, — замотал головой полковник, решив притвориться полным профаном в чужом наречии.

— Гут, хорошо. Я буду краток. Развяжите ему руки. Я только что прибыл сюда, в расположение немецкой части, с важным заданием. Завтра я улетаю обратно. Вы можете полететь со мной, если согласитесь помогать германскому рейху.

— Нет. Вы окружены, и вам не выбраться отсюда живьем, — сквозь зубы процедил полковник, еще не опомнившийся от такого странного предложения. Он приготовился, что от него начнут вытягивать военные сведения, так или иначе связанные с его служебным положением или секретным пакетом, а тут эдакий разворот с интригующим началом. Лихорадочная мысль: правильно ли он выбрал линию поведения? Стоит ли их запугивать и склонять к добровольной сдаче оружия? — мешала ему сосредоточится.

— Вы плохо знаете возможности Люфтваффе. Если вы не согласитесь лететь со мной, пеняйте на себя. Вас передадут в руки гестапо. Там с вами будут разговаривать по другому. Я вам гарантирую свободу выбора профессии в немецких воздушных силах, хорошо оплачиваемую, и тайну состояния на службе германского рейха, если вы пожелаете.

— Нет. Я не могу положиться на лейтенанта, — неуверенно заявил допрашиваемый, сменив грубый шантаж на более реальную позицию разговора. — Покажите меня командиру соединения. Я хочу объясниться с равным по званию.

— Да, да — закивал головой лейтенант — Если командир захочет с тобой разговаривать, — недовольно фыркнул допрашивающий, переходя на фамильярный тон беседы. — Бросьте его в погреб. Пусть набирается ума, как нужно обращаться с немецким офицером, — лейтенант в летчицкой пилотке отдал честь, скорее по-привычке, чем из уважения, и скрылся в избушке.

— Да-а, осложнил ты себе положение, — отвернулся посредник, больше смахивающий на матерого предателя, чем на скромного переводчика бродячей шайки солдат, оказавшихся в тылу Красной Армии под сенью Беловежской Пущи.

Из машины пленника отвели в чулан избушки, предупредили: «Не вздумай ломиться, получишь по башке».

Прошло час или два, а снаружи ничего существенно не изменилось. Шелест ног и голоса за дверью поутихли. Может статься, и часовые задремали. В самый раз не спеша ощупать темницу на крепость. Облапав стены и потолок пальцами, затворник пришел к выводу, что избушка сложена на совесть и

голыми руками устроить лазейку — пустое дело. Остается проверить запор. Неудачливый дипкурьер легонько постучал в дверь.

Снаружи — ни звука. Тогда он сильно нажал плечом. Дверь не поддалась даже на мизер, упираясь во что-то твердое, судя по всему, в добротный засов. Впрочем, если толкнуть сильно да еще с разгона, без шума и треска не обойтись. Для проверки: есть ли кто поблизости, он забарабанил кулаком по двери. Тотчас послышались шаги.

— Воды. Пить, — достаточно громко прохрипел узник.

— Не велено открывать, пока начальство не придет. Потерпи, не велика птица, — послышалось из-за двери.

«Что за начальство? Уговаривать будут или выпытывать? В каком разрезе я им нужен? В качестве предателя, помощника или податливой губки, из которой все сведения выжмут, а потом, в лучшем случае, расстреляют?» — подобные вопросы терзали голову полковника, избравшего тактику оттягивания окончательного решения, уповая на новые превратности судьбы. В конце концов придя к заключению, что нечего гадать на кофейной гуще, когда кофе отсутствует, а разумнее — выспаться, пленник целиком доверился мудрости русской пословицы: утро вечера мудренее. Однако мешала жажда, не давала сладко окунуться в забытье. Но все же усталость и вечное недосыпание взяли верх.

Проснулся он от стука и скрежета дверного запора. Сел поудобнее, разминая затекшую ногу. Дверь приоткрылась. Убедившись, что пленник на месте, охранники тут же каморку захлопнули, взяли на засов, не дав узнику опомниться, прибегнуть к нехитрой уловке затеять разговор, попросить воды, справить нужду по-человечески. И снова потянулись долгие томительные часы ожидания неизвестно чего.

Начальство пришло ночью на вторые сутки. Пленного вывели из чулана и представили немецкому офицеру в зеленом френче с серебристыми завитушками на погонах.

— Напрасно упираетесь, гер полковник, — с ходу пошел в атаку свежевыбритый начальник, сидя за столом, покрытым холстиной. — Старший офицер Люфтваффе улетает ночью. Вы тоже можете улететь с ним, если дадите согласие работать на Германию. Я могу написать рекомендацию.

— Со мной плохо обращались ваши солдаты. Держали в конуре без воды и еды больше суток, — ринулся в контратаку обиженный пленник. — Я тоже могу посодействовать вам выгодно выбраться из ловушки. Вы обречены на уничтожение.

— Вы плохо понимаете свое положение. Вас поймали не мои солдаты. Вы в плену у партизан национальной гвардии

независимой Белоруссии, с которой мы сотрудничаем в борьбе против сталинских большевиков. Немецкие солдаты — культурные. Вы сразу убедитесь в этом, как только дадите согласие работать с нами. Принесите ему воды, — приказал начальник рядом стоящему фельдфебелю с блуждающим взглядом, выражающим тоску смертную по сну без задних ног.

— Яволь! Гер полковник, — услужливо встрепенулся долговязый помощник, направляясь в угол, где стояла кадка с водой.

Когда перед допрашивающим поставили на стол деревянный ковш с водой, зеленый френч вежливо осклабился:

— Битте, пожалуйста. Могу и шнапс предложить. Водка будешь? — добавил он по-русски, бравируя знанием языка.

Опустошив ковш, невольный гость лесной сторожки молча покрутил головой.

— Хорошо. Трезвая голова лучше пьяной, — с показным удовлетворением заметил немец. — Ваше решение?

— Я советую вам сложить оружие. Подумайте, — упрямо твердил летчик, пытаясь предугадать последствия своей позиции.

Немец недоуменно перекинулся несколькими фразами с окружающими соратниками в гражданской и военной одежде, решительно встал из-за стола, сердито приказывая:

— Арестованного связать и передать охранному подразделению.

Уже связанного и грубо подталкиваемого прикладами несостоявшегося предателя и шантажиста повели вглубь чащобы, остановились возле болотца, потом поднялись на пригорок и направились к развесистому дубу. Окрик на русском языке с примесью украинского наречия заставил конвой замедлить шаг. Обменявшись паролем, часовой попросил подождать на месте и скрылся в темноте. Вернувшись через некоторое время, он подвел пришедших к землянке, замаскированной снаружи; поочередно пропустил всех в убежище и прикрыл дверь.

Подвешенный под потолок хозяйственный фонарь тускло освещал нехитрый скарб убежища: грубый стол, деревянные нары с тряпьем и две низкорослые лавки. На одной сидел молодой щеголеватый офицер в эсесовской форме, рассматривая с рядом сидящим гражданином в кепке топографическую карту какой-то местности.

— Садись, — показал щеголеватый эсесовец арестанту на лавку с противоположной стороны. — Всем остальным покинуть помещение.

И то, как он это сказал: буднично и чисто по-русски, насторожило пленника, побывавшего в лапах бодрящихся немцев.

«Этих уговаривать не придется, — подумал он, холодея от мысли, что попал в логово махровых предателей-националистов, пляшущих под дудочку военной жандармерии Третьего рейха. — Эти бездомные псы точно пустят в расход, как проговорился один полицай, если не проглочу их приманку».

— Мы будем откровенны с тобой, Федоров, — почти дружески заговорило гражданское лицо, прекрасно владея русским языком. — Не пытайся водить нас за нос. Наша секретная монархическая организация «Престол», насчитывающая тысячу сотрудников и миллион сочувствующих в Советском Союзе, раскинула свои сети по всей России. Наша цель: свергнуть сталинское руководство и восстановить монархию. В этом помогает нам сейчас Германия. Выбор для тебя в данной ситуации строго ограничен: или — или, да или нет, жизнь или смерть. Третьего не дано. Командир соединения по некоторым обстоятельствам не может с тобой возиться. Он передал тебя в наше распоряжение. Мы предлагаем тебе единственный разумный вариант: работать с нами против сталинского режима. Пока за рубежом, конечно. Согласен?

Федоров заторможенно, теряя контроль над собой, мысленно покачал головой в том плане, что правды от него не дождутся, но в игру подключиться придется. Однако офицер понял размышляющее покачивание головой как отказ от сотрудничества и потому сгоряча оглушил медитирующего пленника замечанием:

— Упрямство — сродни тупости. На кон поставлена молодая цветущая жизнь, а он еще кочевряжится. Не иначе как большевик замороженный. Расстрелять — и концы в воду.

— Шпионить я не сумею, — испуганно выдавил вмиг почерневший полковник, огорошенный резким выпадом эсесовца.

— А шпионить и не нужно, — спокойно сказал штатский. — Суть в том, чтоб завоевать доверие немцев. Они тебя знают, ценят как испытателя. Макс тебе поможет. Он возьмет шефство над тобой. Так, Макс?

— По силе возможности, по силе возможности, — замурлыкал эсесовец, вытряхивая из пачки ароматную сигарету.

— Дайте подумать, — набычился кандидат в агенты тайной организации «Престол».

— Кончай волынить с ним, Конон. У нас нет времени нянчиться с ним, — поднялся самоуверенный капитан эсесовских войск.

Неожиданно запипикала переносная рация в углу. Штатский, по кличке Конон, вскочил, надел наушники и включил зуммер.

— «Монастырь» слушает. Хорошо. Записываю. Секундочку. — косолапо замахал рукой радист, как бы выметая посторонних из-

за спины.

— Дежурный! — подошел к двери офицер. — Убрать пленного.

— Вошло сразу четверо. Подхватили добычу под руки и вышли наружу. Люди в гражданской одежде, некоторые с белой повязкой на рукаве, входили и выходили из землянки, а пригорюнившийся полковник сидел под открытым небом с перевязанными руками за спиной, тяжело размышляя о своей участи. Краем уха он уловил от одного сторожа, бросившего другому многозначительное слово на войне: «Тревога».

— Оправиться можно? Развяжите, — поднимаясь, проронил тщательно охраняемый арестант.

— Нельзя, сидеть! Валяй прямо в штаны, — строго отозвался один из конвоиров.

— Нет уж, — кротко буркнул арестованный, решив перетерпеть нужду.

А время, судя по склонившемуся на запад созвездию Волопас, перевалило далеко за полночь. Из тайного убежища вылез радист, негромко приказал: «Балевич и Стецько, отведите пленного в болото».

Когда кепка скрылась в подземелье, конвоиры обвязали полковника длинной веревкой. Рослый Стецько взялся за один конец и потянул за собой арестанта. Другой конец подхватил второй охранник и пошел следом за приговоренным к расправе у болота.

Странно. Осознав свое безвыходное положение, наполовину сдавшийся патриот коммунистической политики Сталина не стал «кочевряжиться», как выразился эсесовский щеголь, униженно просить, буйствовать или там оскорблять палачей перед четко обозначенным концом. За то время, как он вышел из машины и услышал приговор какого-то Конона «отведите в болото», он столько передумал, перенервничал и перечувствовал за двое суток с хвостиком, как говорится, не спавши, не евши, не пивши, что вконец ослаб — хоть ложись и помирай. Ступая ватными ногами, он лишь вяло поинтересовался:

— Куда ведете, хлопцы?

Тот, что шел сзади, вполголоса ответил: «Сам знаешь. Поди слыхал от старшого».

Шагов через двести конвой уперся в болотце. Сопровождающие сошлись, не выпуская веревку из рук, о чем-то потолковали между собой. Помолчали. Потом тот, что шел сзади, сказал:

— Ты вот что, браток. Садись, пожуй, подкрепись чуток, пока мы перекурим. — При этих словах он достал из кармана яблоко,

шматок сала. Другой страж протянул кусок хлеба. Удивленный таким милосердием, пленник послушно сел.

Ему развязали руки. Хлеб и сало ой машинально сунул в карман, а яблоко принялся жадно кромсать молодыми здоровыми зубами, так как от волнения во рту пересохло. Ощутив прилив сил и прелесть вкуса, смертник решился на побег. Руки развязаны, оба охранника — на веревке. Чего еще надо? Неожиданно дернуть к себе: одному ногой в пах, другому вцепиться в горло, а там… будь что будет. Помирать, так с музыкой.

Но задний, пониже ростом, повыше чином неосмотрительно вдруг сел рядом и доверительно заговорил:

— Послушай, что мы тут решили. Наше дело — тоже швах. Мы повязаны одной веревкой — войной. Треба развязать ее. Нам приказано срочно двигаться к фронту, к польской границе. Поверь, не хочется на чужбину. Кому мы там нужны? Пусть двигаются туда, у кого руки в крови. А за мной и Стецько тяжкого греха нет. Мы решили остаться. Придем в комендатуру Красной Армии с повинной и сдадим оружие. Мы тебя отпустим с одним условием. В случае чего, мы сошлемся на тебя, и ты подтвердишь, что и как. По рукам?

— По рукам, — обрадовался полковник, почуяв правду в словах исполнителя заключительного акта экзекуции.

Конвоиры размотали веревку. Подавая руку на прощанье, Балевич перешел на «Вы»:

— Болото обойдете слева. Как подниметесь повыше, шагайте на юг. Доберетесь до опушки леса, там разберетесь, куда вам надо. Счастливого пути.

Стецько тоже подал руку, держа винтовку за спиной. Все еще не веря в чудо, отпускник сделал несколько шагов, чутко прислушиваясь к тому, что делается за спиной. Не подвох ли это? Ведь каждый развлекается по-своему. Палачи забавляются своеобразно. От такой предательской мысли он даже съежился, ожидая выстрела, и потому, пригнувшись, метнулся в сторону. Поняв, что он уже слился в темноте с очертаниями стволов вековых деревьев, обрадовался как дитя, нашедшее красивую игрушку. И в этот ликующий миг грохнул выстрел.

Все. Прощай, батя.

Беглец остановился как вкопанный, зашатался, напрягаясь удержаться на ногах и готовясь к худшему.

Второй контрольный выстрел сверкнул в сознании предвестником на пути к освобождению от всех мук, как сострадательный вскрик потусторонней ритуальной смерти.

Не чувствуя ног под собой и чуть не заорав от раздирающей

радости в груди, заново родившийся человек не побежал, а полетел, как на крыльях, вдоль хмурого болота, пока не промок до нитки от предрассветной росы и пота.

«Ребята замели следы: пора и мне подумать о том, как выйти сухим из трясины и предстать перед командованием», выйдя на опушку леса — начал прокручивать в больших полушариях разные варианты появления в родной дивизии несчастный полковник, потерявший ординарца, пакет и дорогую «Эмочку».

Справа в конце поля угадывались жилые дома, влево тянулся перелесок, за которым виднелись столбы электронной связи.

Столбы не люди, но о чем-то расскажут, рассудил измотанный полковник, не пожелав встретиться с обитателями деревушки. Действительно, за столбовой линией связи оказалась железная дорога, а за ней и гравийка. На шоссе грязного мокрого полковника подхватила такая же видавшая виды полуторка, на которой он благополучно добрался до городской комендатуры Слонима. Указав в рапорте о нападении в лесу на штабную машину и выразив надежду, что комендантская служба подключится к поиску бандитов и автомашины, Иван Евграфович добрался на попутках до аэродрома ночных бомбардировщиков, а оттуда уже на связном самолете командира полка — в штаб родной дивизии.

В докладных командующему армией и начальнику «СМЕРШа» фронта Федоров указал только о факте нападения диверсантов на машину в лесу, не указывая на обстоятельство пленения и последующие события, считая неразумным распространяться о них без существенных доказательств. Нет свидетелей, значит, и факта пленения не было. Зачем же навлекать на себя подозрения и неприятности? Даже ординарец Дима Лощинин, объявившийся в дивизии через две недели, ничего не мог рассказать о своем командире, кроме факта перестрелки.

Глава 16
Конец игры

Провалив операцию по захвату видного офицера штаба на глазах немецких диверсантов, прилетевших вместе с пилотом Вильде и врачом Ёшке, руководство советской контрразведки сделало все, чтобы инцидент с Федоровым похоронить без следа.

Его заявление в комендатуру Слонима положили под сукно.

Однако майор Копировский, спасая честь своего прожекта, предложил привлечь полковника Федорова к ответственности за неподчинение органам правопорядка на посту в лесу и оказание сопротивления с применением огнестрельного оружия. Прибывший на место происшествия Александр Демьянов, по кличке «Макс», посоветовал скрыть непросчитанную игру с Федоровым, а пилоту Вильде подставить другого «офицера штаба» из агентов Лубянки.

Таким образом, в штаб Центральной группы немецких войск генерал-полковника Рейнхарда от имени Шерхорна ушло подтверждение того, что Вильде готовится к возвращению вместе с пленным офицером советского штаба.

Между тем линия фронта продолжала отодвигаться к берегам Западного Буга и Вислы. Войсковая операция «Багратион» под командованием Рокоссовского увенчалась освобождением Белоруссии, и перед руководством тайной операцией «Березина» естественно встал вопрос: как быть? Завершить ее захватом транспортных самолетов или попытаться все-таки внедрить своего человека в армию противника с перспективой на послевоенное устройство. Вильде выбрал площадку для приема целой эскадры транспортных самолетов. Контрразведчики фронта приготовились к захвату экипажей, но генералы с Лубянки не захотели довольствоваться синицей в руках, надеясь поймать журавля в небе. Поэтому соединение, а по существу — команда Шерхорна продолжала успешно продвигаться к фронту, теперь уже в Померанию.

Отто Скорцени, обеспокоенный отказом Шерхорна эвакуироваться воздушным транспортом, заподозрил неладное и послал для уточнения обстановки в лагере Шерхорна личного представителя, начальника абверкоманды обер-лейтенанта фон Барфельда. При посадке самолет потерпел аварию и фон Барфельд «случайно» погиб, не без помощи спасателей, естественно. Таким образом, радиоигру удалось продолжить и даже накалить эфир до такой степени, что немецкое

командование удостоило Вильяма Генриховича Фишера и его двойника «Макса» «Железного креста с мечами», вероятно, с учетом того, что «Железный крест с дубовыми листьями» получил его двойник по другую сторону линии фронта — Александр Демьянов.

«Железный крест с мечами» приравнивается к двум Золотым звездам Героя Советского Союза. Получая награду, Рудольф Иванович Абель (он же — Вильям Генрихович Фишер) стал перебирать варианты выхода из игры. На его счастье, и лучший диверсант Германии Скорцени, догадываясь о провале, тоже решил достойно завершить операцию «Волшебный стрелок». Для поддержания немецкого духа в тылу Красной Армии секретного связиста «Макса», то бишь Александра Демьянова, тоже наградили Железным крестом первой степени, но сама операция «Монастырь» по эвакуации из окружения осколка Бобруйского котла — подразделения Шернхорна потеряла к этому времени всякий смысл, так как пламя войны перекинулось на немецкую землю.

К слову, и тайная операция «Престол», после неудачной попытки насильно внедрить полковника Федорова в германскую авиацию, тоже закончилась ничем. Засланный дублер Федорова так и не смог стать журавлем, то есть перспективным шпионом после войны. Разведка не афиширует свои неудачи, всячески заметает следы поражения, а порой обыкновенный провал раздувает в блестящую победу. Ну, да это уж свойственно каждой мало-мальской фирме и почти каждому человеку.

Все же фискальное донесение на Федорова, обработанное «в приемлемой форме», легло на стол командующего фронтом с просьбой освободить комдива от обязанностей в связи с вооруженным сопротивлением органам безопасности и «неквалифицированным руководством соединением».

— В чем конкретно заключается эта неквалифицированность? — спросил Константин Константинович, подписывая приказ о завершении операции «Багратион». Командующий воздушной армии вразумительного ответа не дал.

— Дело в том, что мы не можем без вашего согласия отдать под суд командира дивизии. А надо бы — за вооруженное сопротивление, в результате которого погибли сотрудники милиции из заградительного отряда, — прояснил ситуацию командарм.

— Не можете — не отдавайте. Почему я должен покрывать беспомощность органов правосудия, жертвуя строевым офицером высокой квалификации? Он что, плохой специалист или

трусливый командир? — возмущенно допытывался до истины бывший комдив, тоже пострадавший в недавнем прошлом от конъюнктурных игр военного руководства с правилом дышла: «куда повернул — туда и вышло».

— Этого нельзя сказать. Летчик он своеобразный, неповторимый в бою. Но лучше бы он занимался больше делами дивизии, чем персональными боевыми полетами, которые ему строго-настрого запрещены по договоренности с высшими руководителями страны, — как бы оправдываясь за личную противоречивость в характеристике подопечного офицера, высказал свое мнение генерал.

— Ах, вот как? Идите и подумайте, как защитить такого командира, а не отдавать его на произвол крючкотворам, — жестко заключил командующий фронтом.

Чтобы оградить себя от не безопасных трений с военной контрразведкой, командарм вызвал Федорова и грубо указал на недочеты в дивизии по дислокации подразделений, за которую прямую ответственность несет начальник тыла. Если раньше упреки о том, что он много летает «без надобности», его не раздражали, то теперь, после нервотрепки в лесу, обида захлестнула его сдержанность, затмила здравомыслие.

— Если так, переведите меня в ранг летающего командира эскадрильи, только оградите меня от штабной работы, — в сердцах слетело у него с языка.

— Добро. Мы подумаем об этом, — чересчур миролюбиво заметил командарм, давая знать подчиненному, что взбучка не останется без последствий.

И действительно. При первой же возможности он передвинул неудобного подчиненного на должность заместителя командира дивизии, предназначенной для передачи в другую армию, развернувшуюся в сторону Балтики. Готовилось наступление по блокированию Восточной Пруссии. Таким образом, и овцы остались целыми, и волки сытыми. И командующему фронтом угодил, и могущественным органам препону поставил. Федорова наказал и в то же время защитил от жандармского наскока. Не стали его мытарить за утерянный пакет инструкций по дальнейшей дислокации авиаполка не потому, что документы утратили свою секретность в связи с дальнейшим развитием наступления советских войск в Померании, а потому, что командующий воздушной армией, частично посвященный в историю вербовки своих подчиненных в агентуру осведомителей, догадывался о грязной работе госбезопасности, и потому не придал должного значения ни временному отсутствию старшего офицера на служебном посту, ни домоганиям влиятельных

спецслужб.

С досады чекисты отказались искать машину Федорова, что безусловно подорвало авторитет офицера, претендующего на объективную оценку его заслуг на фронте, и укрепило мнение о нем, как о легкомысленном командире и разухабистом летчике, попирающем истины, зафиксированные в дисциплинарном уставе.

Поэтому очередное представление на него как боевого летчика, заслуживающего высокой награды, было отклонено нелетающим начальством под предлогом упущений в работе. Командарм Вершинин сочувствовал ему и по отечески не раз утешал:

— Не горюй по «эмке». Я дарю тебе в личное пользование любой самолет. Выбирай, какой нравится.

Федоров выбрал трофейный истребитель новейшей марки «Фокке Вульф 190-Д». Закрасил опознавательные знаки ее: кресты и свастику. Оснащенная четырьмя пушками, «Дора» представляла серьезную угрозу в бою. Король индивидуальной тактики знал об этом и мечтал апробировать ее в бою. Однако командующему армией, люто ненавидевшему космополитов, этот выбор не понравился. Об этом Федоров не знал, но чувствовал сдержанное отношение Константина Андреевича к себе при встречах.

Прямой открытый характер не позволял ему раздваиваться, вести игру на два фронта, врать чужим и своим, как это делали иные. Это прекрасно поняли все, кто наблюдал церемонию награждения Ивана Евграфовича Железным крестом перед войной в учебном центре Люфтваффе. Рожденный летать не может стать шпионом в узком смысле. Он им становится в самом широком смысле, благодаря высоким патриотическим чувствам, как продемонстрировал он это в том же центре, воруя диапозитивные карточки самолетов. Майор Копировский и его единомышленники этого не понимали.

Глава 17
Ящик Пандоры

Получив в подарок трофейную «Дору», Иван Евграфович редко использовал ее в боевых вылетах, отнюдь не потому, что она была специально предназначена для уничтожения тяжелых бомбардировщиков типа американских четырехмоторных Б-17 и Б-24, производивших опустошительные налеты на города западной Германии, а потому, что совершать боевые вылеты заместителю командира дивизии было сподручнее на любом свободном истребителе полка, в расположении которого он в то время находился. Командир дивизии жестко ограничивал его право непосредственно участвовать в бою. Он обязан был обучать молодых летчиков технике пилотирования. Не раз и не два ему еще командир авиакорпуса Елдыкин выговаривал за самовольные вылеты.

Командуя дивизией, он перекладывал общее руководство на своих заместителей, чьи действия не всегда оказывались квалифицированными. Получал нагоняй, вместо благодарности, за лично сбитые самолеты и от командующих Руденко, Новикова, в подчинение которых дивизия попадала для усиления удара на стратегических направлениях от Курской дуги до Балтики.

Теперь вот попал в немилость к Вершинину за то, что взлетел на своей «Доре» навстречу немецким бомбардировщикам и сбил «юнкерса». Их бы больше упало (все-таки четыре пушки и два пулемета — страшная сила. А тут еще и немцы растерялись, увидев «Дору»), да свои помешали. Разворачиваясь для новой атаки, он неожиданно попал под огонь своей же зенитной батареи, не обозначенной на карте. Одно удачное попадание — и Федорову пришлось выброситься из горящего «Фокке Вульфа» на парашюте. Спустившись в расположение польской Армии Людово, Иван Евграфович вынужден был пройти долгую нудную процедуру выяснения: каким это образом он очутился в немецком самолете? В конце концов поляки передали советского полковника в руки контрразведчиков Четвертой воздушной армии, которые и согласились препроводить его в штаб дивизии. На вопрос: «Какая же это батарея подстерегла меня на водной глади реки?» — ему сообщили: «Плавучая батарея Днепровской флотилии». Как человек крайне экспрессивный и к тому же любопытный, если не сказать — дотошный, Иван захотел познакомиться с зенитчиками, уготовившими ему участь быть сбитым ни за что. Ни одной зенитки на реке сверху он не видел и

вдруг — на тебе в рыло.

Зенитки, тщательно замаскированные ветками, размещались на небольших речных баржах, причаленных к берегу. Наметанным глазом летчика Иван определил ключевое суденышко и подошел к трапу. Дневальный, при полном наборе принадлежностей к морскому воинству, преградил дорогу незнакомому офицеру и поинтересовался, что ему нужно.

— Кто сбил самолет на днях в этом месте? — спросил полковник.

— Ну, э-э… мля, военная тайна, — замялся матрос. — Я тут человек маленький, мелко плаваю в этом деле.

— В каком деле? Зови самого старшего, раз на то пошло.

Позвали командира. Из трюма вылез лейтенант, на ходу застегивая китель.

— Забодали нас краснопогонники, — застенчиво пожаловался командир, окидывая взглядом посетителя. — Теперь вы пришли тянуть жилы. Арестовали мы его, на губу посадили. Неужели под трибунал подведут? Кто ж его знал, что…

— Кого посадили? Какой трибунал? — оборвал несуразные нарекания летчик, смутно догадываясь о подоплеке какого-то скрытого несчастья.

— Расчет, товарищ… — остановился лейтенант, не обнаружив знаков воинского звания на кожаной куртке летуна, — что… что самолет сбили с каким-то командиром дивизии. Краснопогонники посоветовали. Пока суд да дело, мол, арестуйте, чтобы деру не дали. Выясним кое-что, тогда и сообщим.

— Покажите мне наводчика орудия, — сдерживая улыбку, попросил летчик тоном добродушного следователя, дабы поставить последнюю точку в расстрельном деле. — Я как раз и пришел для того, чтоб выяснить это «кое-что».

Летчика провели на баржу. Слух о том, что пришел какой-то дознаватель разбираться с виновниками гибели то ли английского, то ли американского самолета, облетел все баржи. Старшины и матросы кучковались на берегу, перемывая косточки всем проверяющим несчастную батарею, уничтожившую по ошибке свой самолет. На палубу поднялся и старший комендор бригады бронекатеров, оказавшийся поблизости и прибежавший на помощь артиллеристам. Представился. Предложил гостю посредничество.

— Может быть, стоит построить весь расчет? — обратился он одновременно к летчику и к командиру плавбатареи.

— Идея. Давай, что ли? — свысока посмотрел летчик на щуплого лейтенанта. Тот кивнул головой и распорядился вывести

на палубу всех трех «именинников» злополучного дня.

Все трое в черных шинелишках без пояса один за другим вылезли из откинутого люка артиллерийского погреба и предстали перед начальством.

— Кто наводчик? Кто сбил самолет? — напустив строгость, вопросил представитель «крылышек», вглядываясь в хмурые лица.

— Я, — в развалку шагнул вперед кряжистый старшина с тремя лычками на погонах.

— Как фамилия? — вплотную подступил летун, улыбаясь глазами.

— Старшина первой статьи… С-Седышев, — стушевался комендор.

— Молодец! Поздравляю с победой. Так стрелять и впредь, — отстегнул свой гвардейский знак летчик и пришпилил его на отворот комендорской шинели. — Быть тебе гвардейцем морской бригады. Это я вам говорю, пилот сбитого самолета, полковник Федоров, не командир дивизии, как вам сказали, а его заместитель. Награждать их надо, а не наказывать, — оборотился он к морякам. — Они же не знали, кто летит в трофейном истребителе. Так и передайте спецам из контрразведки, — поверг в смущение всех присутствующих своим оборотом высокий начальник, направляясь к трапу.

— Ну, летун. Ну, молодчина полковник. Браво! Теперь к Игорю и на козе не подплыть. Пойдем поздравим его с днем рождения, с удачей, — загалдели, зашевелились моряки на берегу, когда полковник показал им спину.

Глава 18
Неосуществимое

Война двигалась к финишу. Многие летчики-истребители были отмечены высшей правительственной наградой. Федорову тоже хотелось заслужить внимание и почет среди сослуживцев, родных и знакомых. Особенно остро он осознавал свою некомфортность среди Героев Советского Союза после случайно услышанной реплики в свой адрес. Был перерыв между занятиями с молодыми летчиками по стратегии и тактике воздушного боя.

— Ему легко расписывать нам у доски с мелом в руках, а показать в бою — кишка тонка, — сорвалось с языка у молодого штурмовика, прибывшего в дивизию на пополнение.

— Ну ты даешь, Козел. Он же, говорят, герой Испании. Секешь? — возмутился другой.

— Был бы Герой — было бы видно, — ощетинился Козлов за неприятное прозвище.

Теоретик и знаток воздушного боя не стал вникать в суть разговора, но напоминание об испанской корриде всколыхнуло его неуемное сердце прирожденного хулигана. Узнав об очередном вылете этой группы учеников на боевое задание, он напросился сопровождать штурмовики… в качестве наглядного пособия по тактике прикрытия группы при встрече с противником.

Штурмовики летели на высоте не более двух тысяч метров.

Федоров со своим ведомым и группа прикрытия находились выше, когда внизу сквозь редкие облака открылась цель: темные расплывчатые пятна на фоне пробивающейся зелени обширной луговины, примыкающей к лесу. По данным разведки эту луговину оседлали тяжелые гаубицы и шестиствольные минометы, прозванные солдатами «Ванюшей», вроде бы влюбленного в «Катюшу».

Солнечные лучи ранней весны нежно золотили кучевые облака.

Радиолокационные станции наведения на цель молчали. Ничто не предвещало беды, выходящей за рамки боевой повседневности.

Вдруг при выходе из пикирования первого звена «илов» невесть откуда-то взявшиеся «мессеры», подкравшись из-за леса к месту встречи, снизу атаковали отбомбившихся штурмовиков.

Один самолет загорелся и врезался в землю, но первый штурмовик успел набрать высоту, уходя в сторону.

Худые на бреющем полете слева. Отсекаем», — передал Федоров по радио и ринулся сквозь облако вниз. «Мессершмитты» начали выстраиваться в круг от налетевших на них «яков». Тем временем первый штурмовик напоролся на заградительный огонь зенитных установок и потому вынужденно резко отвернулся в сторону противника. Теперь уже слева и справа стервятники стали заходить штурмовику в хвост, намереваясь добить одинокий, оторвавшийся от своих самолет. Уступая в скорости, штурмовик снова бросился в пикирование, чтобы прижаться к земле и уйти от атаки снизу. Но и этот маневр не спасал от насевших «мессеров», изрядно изрешетивших кабину. Впереди показался глубокий овраг, на дне которого блестел ручеек, и пилот нырнул в расщелину.

Федоров на миг только упустил из виду ведущего первого звена. Взмыв после атаки вверх, он осмотрелся и увидел, как «мессеры» взяли в клещи и плотоядно расстреливают «Илюшина».

«Сава! Попробуй клюнуть «худого» сверху, а я постараюсь долбануть второго снизу», — передал он своему ведомому, сваливаясь почти в отвесное пикирование.

«Мессер» побоялся оврага и настойчиво сопровождал штурмовик с притихшим пулеметом сверху, выжидая, когда овраг кончится и противник окажется у него на прицеле. Поэтому он никак не ожидал соколиного удара снизу и безропотно грохнулся на землю так, что пилот штурмовика невольно оглянулся назад и увидел стрелой пронесшийся на вираже «Як», качнувший на прощание крыльями. «Слава Богу. Кто-то помог мне с носом уйти от безносой. Значит, еще повоюем. Лишь бы дотянуть до своих», — потянул рычаг на себя израненный пилот, увидев конец оврага. Вдруг страшный удар обрушился на правое крыло. Летчик чуть было не выпустил рычаги из рук. Самолет резко накренился вправо, как будто черпая крылом о край оврага. Рука явно не справлялась с рычагом горизонтального полета; и пилот, напрягая последние силы, интуитивно ухватился обеими руками за дрожащий поручень балансировки самолета.

Так и дотянул он, взмокший от пота и крови, до своего аэродрома. Через красную пелену стекающей со лба крови увидел полосу приземления, но регулировщик движения замахал флажками — на второй круг. На поле выскочил командир полка, показывая руками крен влево. Мол, заходи на посадку с креном на левое крыло. Пришлось зайти на третий круг.

Убрав газ и вцепившись из последних сил за рукоять поворота, летчик сумел все же удариться левым шасси об утрамбованную полосу и прокатиться несколько метров на одном колесе. Но как только самолет потерял равновесие и накренился

на правое крыло, машину понесло вправо, чуть ли не развернув на сто восемьдесят градусов. При ударе о что-то твердое силы окончательно покинули летчика, и только побелевшие пальцы мертвой хваткой сжимали рычаг управления.

Истребители поочередно сели вслед за «илами» и зарулили на свою сторону. Федоров подошел к командиру полка, объясняющему техникам методику удаления какой-то занозы вручную. Ничего не поняв из услышанной фразы, заместитель командира смешанной дивизии спросил:

— Кто у вас ведущий первого звена эскадрильи?

— Козлов Владимир Васильевич. А что?

— Молодчина ваш Козел. Вел стадо на штурмовку по всем правилам, но потом вдруг нарушил весь распорядок потасовки, сел не в свои сани и один напал на «худых». Он что? Псих или желторотик, не знает азбуки боя?

— Он больше, чем молодчина. Он герой, — выставил большой палец штурман эскадрильи Сергей Крамаренко.

— Посмотрите, какой трофей он приволок, нигде не зацепившись, — восхищенно разливался соловьем штурман, вышагивая рядом с наставником молодежи по направлению к самолету, вокруг которого копошилась целая дюжина аэродромной прислуги.

— Товарищ майор! Бревно не поддается. Хорошо бы дернуть его газончиком, — доложил командиру полка механик.

— Ничего себе, бревно. Самый заправдашний телеграфный столб. Как он смог его подцепить? — в свою очередь пришел в восторг полковник из штаба дивизии, разглядывая столб, наполовину вонзившийся в плоскость крыла. — Покажите мне этого героя.

— Его отправили вместе со стрелком в санбат, — ответил молодой штурман, взявший на себя роль экскурсовода по территории аэродрома.

Так и не познакомился Иван Евграфович с летчиком, которого опекал в бою. А очень хотелось ему взглянуть на парнишку, как ему доложили, совершившего нечто неосуществимое.

Второй раз он встретился с этим неординарным летчиком при еще более необычайных обстоятельствах.

Часть истребительной и штурмовой авиации командование повернуло на Восточную Пруссию, отрезанную фронтом по так называемому Познаньскому коридору. Гитлеровцы защищали колыбель военщины с ожесточением обреченных.

Во-первых, огромное количество войск и военной техники надо было вывезти морским путем куда-то на запад, хотя бы в

северную Германию. Нельзя было допустить, чтобы все это добро: люди и техника, досталось русским. Пусть оно достанется кому угодно, хоть морскому чёрту, лишь бы не большевикам, рассуждали генералы в ставке Гитлера. К тому же эти войска и технику руководители рейха надеялись использовать для укрепления новой «непреодолимой» «голубой линии» по Одеру.

Во-вторых, честолюбивые правители «тысячелетнего рейха», понимая, что война проиграна, решили увековечить свои имена, не считаясь с потерями «пушечного мяса» и самих пушек. Ведь чем больше крови, тем значительнее герои. А Пруссия веками славилась своими воинственными амбициями. Немецкое командование без стыда и совести сыграло на патриотических чувствах своих солдат и офицеров, точно рассчитало, что одурманенные пропагандой люди будут защищать гнездо германской военщины с яростью смертников.

На этот раз истребители 269-й дивизии прикрывали «Илюшиных» в районе Принцлау. Серьезного наличия авиации противника в этой зоне не наблюдалось.

На подходе к городу Федоров снизился к штурмовикам до параллельного курса и с расстояния сорока метров показал ведущему большой палец, мол, отлично вышли на заданный рубеж, а сам поднялся выше, откуда четко просматривалась панорама линии фронта. Наблюдая сверху позиции воюющих сторон, подумал дерзко: «Эх! Если бы я был командующим фронтом, или хотя бы армией, — быстро снизил свой стратегический статус заместитель комдива, — я руководил бы наступлением не с высотки или какой-то вышки, а с высоты птичьего полета. Но нету чудес и мечтать о них нечего», — тут же оборвал себя летчик, взглянув под крыло.

Внизу по курсу над вражеским мостом выстроилась в круг группа немецких истребителей. «Не иначе, как приготовились встретить штурмовиков», — определил стратег наступления, автоматически бросив взгляд и назад. Ведомый Савельев строго следовал за ним в каких-то ста метрах от хвоста. «Сава!

Впереди засада. Атакуй сверху. Я захожу снизу», — передал по радио вмиг преобразившийся мечтатель искусства побеждать с высоты птичьего полета.

Уже по тому, как противник заранее стал выстраивать круговую оборону по заученной схеме, опытный летчик заключил, что перед ним школяры, в лучшем случае — наскоро обученные и выпущенные в бой юнцы. Так бросало в бой после года обучения девятнадцатилетних курсантов авиашкол в 1942 кризисном году советское командование. Тогда немецкие летчики, прошедшие боевую стажировку в Польше, во Франции, в Англии, в Алжире,

просто тешились на советском фронте, издевались над неопытными пилотами Красной Армии. Теперь настал их черед пожинать плоды нехватки кадровых летчиков.

Разогнав самолет по наклонной, старый дуэлянт «змейкой» подлетел к образовавшемуся кругу, «горкой» ворвался в центр карусели и на вираже против движения замкнутой цепочки «Хейнкелей-51» скосил одним росчерком пушек трех стареньких «толстяков», давно уступивших первенство по техническим показателям тонким «мессерам». Видимо немцы за неимением лучших решили использовать для прикрытия своих войск законсервированные или учебные истребители авиаучилищ.

Несмотря на ощутимый удар, круг не разорвался. Страх нарушить оборонительную схему и юнкерская дисциплинированность помогли сохранить боевой порядок еще и потому, что в воздухе находились всего два советских истребителя, осмелившихся напасть на целую эскадрилью прусаков.

Осмотревшись и убедившись, что перед ним действительно желторотые птенцы Люфтваффе, обнаглевший пират голубого океана снова вскочил внутрь круга и на вираже полоснул из всех стволов по немцам, сконцентрировавших свое внимание на штурмовиках, перешедших к бомбометанию. Два «хейнкеля» рухнуло на землю, третий отвалил в сторону, волоча за собой шлейф дыма. Сверху, беспомощно барахтаясь в штопоре, упал новенький свежевыкрашенный «ХЕ-160», сваленный Савельевым.

Тщательно построенный круг прилежных учеников Люфтваффе дрогнул, заметался в беспорядке, потеряв, очевидно, своего главного строителя. Ожившие «эрликоны» зенитных установок на подступах к переправе тоже внесли свой вклад в ералаш вокруг моста, в результате чего еще два самолета с черной свастикой на хвосте рухнули вниз, и «Илюшины» прицельно сбросили свой смертоносный груз на голову прусакам.

Ведущий первого звена штурмовиков и на этот раз при развороте попал под огонь притаившихся зениток. Досталось ему и сверху от «хейнкеля». У стрелка загорелся парашют. Едкий дым просочился в кабину пилота. Снаряд, разорвавшийся под брюхом самолета, поранил ноги летчика, но Ил-2 удержался «на плаву» и даже пристроился к группе штурмовиков, повернувших домой. Свою подопечную колонну штурмовиков «Як» Федорова настиг у самой линии фронта. У последнего, явно отстающего самолета под животом болтался какой — то обломок шасси или стойка без колеса. По рации Федоров запросил пилота:

— «Тридцатый», что у тебя висит под брюхом?

«Тридцатый» ответил: «Не вижу».

— Убери шасси, — последовал приказ сопровождающего.

Пилот «Илюшина» проверил рукоятку управления колесами. Она работала исправно. Приборы тоже не вызывали тревогу.

— Перебьемся. Спасибо, — передал по радио.

— Ну, ну. Будь здоров, — помычал в микрофон видавший виды авиатор, прибавив газу. Догнав головной самолет, передал:

— «Третий». У «тридцатки» что-то болтается под брюхом. Проверь. Похоже на бомбу.

Третий отвернул в сторону, поджидая последнего. Подлетев вплотную к едва ковыляющему «Илу», ужаснулся: из люка на тросе свисала бомба. Командир занял удобную позицию и спокойно, безоговорочно приказал: «Володя, у тебя под корпусом висит бомба. Посадку запрещаю. Экипажу покинуть самолет».

Не успела «тридцатка» сообразить, что ответить, как Третий помчался в голову эскадрильи. Наступал самый ответственный и самый сложный момент в полете каждого летчика — приземление.

Профессия летчика опирается на три составные части вождения самолета: взлет, полет, посадка. Меньше всего летчику грозит профессиональная оплошность во время полета. Взлет нуждается в более тщательной отработке навыков пилотирования. Посадка — это венец победы, это — жизнь. Она требует максимальных усилий ума, рук, внимания, и ответственности за дело. Русская пословица: «конец — всему делу венец» — должна высвечиваться красными буквами на табло летчика перед заходом на посадку. Как моряка-подводника предупреждает сигнал боевой тревоги перед заходом в бухту в подводном положении, так и пилот должен мобилизовать себя на приземление.

Володя, с некоторых пор, а точнее, после посадки с телеграфным столбом на борту, награжденный уважительным именем Владимир Васильевич, еще раз попытался связаться со стрелком по переговорному устройству. Ничего не получилось. Выключив мотор и перейдя в планирование, пилот проломил набалдашником от рукоятки управления переборку и заорал:

— Приказано покинуть самолет. Под нами висит бомба. Прыгай!

— Не могу. У меня перебиты руки, прогорел парашют. Прыгай сам, — натужно ответил стрелок.

Что делать? А аэродром, до которого с таким напряжением дотянул пилот, уже показался. Пора готовиться к посадке. Да и высота уже не позволяла воспользоваться парашютом на все сто процентов. А главное — как же товарищ? Не раз и не два пожилой Грызодуб помогал ему в бою отражать наскоки врага своим УБТ. Как обрекать товарища, который стал тебе за два совместных года

войны старшим братом, отцом, телохранителем и верным другом на верную гибель?

И «тридцатый», выпустив шасси, зашел на посадку.

На аэродроме горячая пора. Один за другим садятся штурмовики. Эфир забит отрывистыми командами диспетчера, запросами командира, отзывами пилотов, очередными откликами идущих на посадку. Вдруг в наушниках прозвучал голос: «Тридцатый, Садиться нельзя. Уходи. Экипажу покинуть самолет». «Поздно», — шевельнулось в мозгах, занятых расчетом координат снижающегося самолета. Под крылом показалась аварийная полоса. А в наушниках загремел сердитый голос командира полка Тимошенко, получившего негласное прозвище «родственничек» с намеком на грозного маршала: «Тридцатый! Посадку запрещаю. Приказываю набрать высоту и покинуть самолет».

— Поздно. Держись покрепче за штурвал, герой, — о себе, как о постороннем, подумал Владимир Васильевич, полностью отключив электропитание и двигатель.

Еле отвернув в сторону, самолет несколько раз ударился колесами о грунт резервной полосы и побежал к стартовой площадке, за которой располагался командный пункт и штабной блиндаж. «Все Победа», — успел возрадоваться пилот под звон мощного взрыва за спиной.

По версии технического расследования по горячим следам этой аварии полковые эксперты сошлись на том, что последняя бомба не соскользнула с тросика благодаря крутому виражу самолета, закрутившему смертельную болванку в обратную сторону. Прихваченная створками люка, бомба мирно болталась под корпусом до тех пор, пока самолет не начало трясти при соприкосновении с землей. Ударяясь о землю, бомба сорвалась с тросика и рванула прямо на стартовой линии посадочной полосы. Взрыв разворотил хвост самолета и воздушная волна подтолкнула крылышки аккуратно на блиндаж командира полка. К счастью, самолет не перевернулся через голову, хотя пилот и ощутил в момент взрыва подъем задней части корпуса до опасной черты.

Прибежавшие технари и пожарные быстро ликвидировали очаги загорания на корпусе, вытащив из задымленной кабины стрелка и пилота.

Федоров, совершив посадку последним, подошел к месту катастрофы уже после того, как пострадавших увезли в медсанбат, а командир полка дал указание замполиту обсудить этот случай на общем собрании летчиков под девизом: «Недисциплинированность — родная сестра смертельной опасности». На вопрос: кто пилот, ему ответили не по-военному:

«Козлов».

— В следующий раз он приволочет на аэродром если не бревно с блиндажа Гитлера, то его походную кухню, — не к месту съехидничал механик, заглядывая в развороченный бомбовой отсек.

— Представьте его к награде. Я поддержу, — повернулся к майору полковник истребительной авиации.

— За что? — вскинул брови майор. — За пренебрежение к приказам командира? Ведь он мог бы взорвать блиндаж. Вы можете вообразить последствия от той катастрофы, если б я не вмешался? — преувеличил командир полка значение своего вмешательства в действия раненого пилота.

— Воображение — не лучший способ воздать должное тому, что с трудом втискивается в воображение, — резонно восстал против однобоких домыслов пилот, изведавший на собственной шкуре не одну чрезвычайную ситуацию с летательным аппаратом на земле и в воздухе.

— Вы хотите, чтобы я погладил по головке? — умолк майор на слове, увидев спину полковника, не пожелавшего выслушать до конца его аргументы.

Глава 19
Козлы отпущения

Отданное командиром полка распоряжение обсудить случившееся на собрании летчиков набирало обороты не по дням, а по часам. Комиссар полка, присланный из штаба фронта, не был авиатором и потому безоговорочно доверял командиру, чье имя невольно сопоставлялось с именем влиятельного маршала. Не вникая в особенности летного дела и профессиональные качества авиаторов, он зациклился на политическом воспитании личного состава полка, всячески выпячивая свои знания в области коммунистического воспитания молодежи.

Набросав план проведения общего собрания и заменив слово «сестра» на «мать» в идейной реплике начальства, он показал подредактированную фразу командиру полка.

— Это ты хорошо придумал, «мать». Давай, жми. Важно, чтобы все поняли: приказ командира — закон для подчиненного. Подбери выступающих, чтобы… «Все под одну дудочку пели», — хотел сказать командир по-свойски, но воздержался. — Чтобы все не уходили от заданной темы. Понял?

И колесо подготовки общего собрания закрутилось. После ужина комиссар пошел к летчикам в землянку подбирать выступающих. Летчики согласились с темой, но высказали недоумение по поводу того, что в центр внимания взят неординарный случай. Комиссар и сам понимал, что для разговора о дисциплине командир выбрал не совсем удачный пример, но и откладывать до удобного, более яркого случая, тоже не резон: впереди чужая, вражеская земля. Тут необходимо держать ухо востро, не отпускать вожжи, не дать разгуляться широкой русской натуре, особенно молодых воинов, четыре года сдерживаемых напряжением боя, нравственными законами, сочувствием к мирному населению и уставными положениями. В итоге удалось уговорить и внести в список выступающих политрука второй эскадрильи и представителя Особого отдела дивизии.

Утром перед завтраком комиссар поделился своими сомнениями с командиром полка:

— Может, отложим собрание и пригласим на него Козлова? Неудобно без него, говорят некоторые.

— Мы не Козлова должны осудить, а сам факт недисциплинированности и его последствия. Куй железо — пока горячо, гласит народная мудрость, а от Козлова потребуйте, на

всякий случай, объяснительную записку.

Во время ужина все эскадрильи и вспомогательные службы оповестили, что в девять часов вечера состоится общее собрание в бывшем коровнике, временно превращенном в клуб. Командирам подразделений поручалось обеспечить явку не менее пяти человек, свободных от вахты.

Зайдя за стол, покрытый красным полотнищем и освещаемый единственной электролампочкой от динамомашины, комиссар предложил избрать президиум из пяти человек.

— Слово имеет комсомолец Глухаренко, — возвестил комиссар, закончив свое вводное выступление.

Глухаренко отклеился от стены, которую подпирал плечом у входа, подошел к столу и прочитал по бумажке:

— Предлагаю избрать в президиум следующих товарищей: командира полка Георгия Семеновича Тимошенко, комиссара полка Бэ Бэ Полкан, командира эскадрильи Макарова, техника Важнецкого, уполовинумоченного (оживление в помещении)… Нет… уполномоченного (смех в темноте) Давишвили. Все.

— Как будем голосовать? Поименно или списком? — взял бразды правления в свои руки Бенислав Борисович Полкан.

— Списком, — раздалось несколько голосов.

— Хорошо. Возражений нет? Отводов нет, принимаем единогласно. Прошу президиум занять свои места, — почти на одном дыхании выстрелил заученные фразы председатель собрания.

Комиссар и командир полка сели за стол в центре, справа — уполномоченный, слева — летчики. Командир полка взял листок бумаги из рук комиссара и объявил:

— Собрание считаю продолженным. На повестке дня стоят два вопроса. Первый: Дисциплина — залог успеха. Второй: Разное. Кто за это, поднять руки. Прошу опустить. Против нет, воздержавшихся нет: принимается единогласно. Слово для доклада по первому вопросу предоставляю комиссару полка, — выдал заготовленную по шаблону фразу председатель президиума.

— Доклад рассчитан на сорок минут, выступающим — пять. Достаточно?

— Много! Покороче, — прозвучали реплики с задних рядов. Председатель повернулся налево, направо. Обмолвился с одним соседом, потом — с другим и твердо отчеканил:

— Договорились так: докладчику — двадцать, остальным — три минуты. Полетели. Только не сбиваться с избранного курса.

Комиссар просеменил к маленькой трибуне, поставленной на ящики, положил листы перед собой и уверенно зачастил:

— Эпиграфом к докладу и повестке дня я написал слова, выхваченные из гущи воинской доблести и славы наших предков, ходивших на врага под девизом: Дисциплина — мать порядка. Многие наши беды и несчастья происходят от недисциплинированности бойцов и командиров, забывающих, что недисциплинированность — мать беспорядка, родная сестра смертельной опасности. Партия учит…

В такой общей трансляции чьих-то фраз и тезисов, наподобие: Верховный главнокомандующий… Коммунистическая идеология… Сталинские соколы… Долг патриота… Партия большевиков… и так далее докладчик протараторил более двадцати минут, не замечая нарастающегося ропота и шума аудитории.

— Козлов не подчинился командиру и тем самым чуть не взорвал командный пункт, а мог бы взорвать черт знает что, если бы вздумал сесть на основную полосу. Мог стрелка погубить, самолет товарища повредить, аэродромную прислугу прибить… Да мало ли еще какой беды натворить?

— Тише! — прервал гвалт поднявшийся председатель. — Докладчик просит две минуты для закругления.

Когда оратор наконец покинул трибуну, первым выступил, как было условлено, политрук эскадрильи, который закидал слушателей общими фразами о необходимости соблюдать дисциплину и порядок в воздухе. После него попросил слово командир эскадрильи Макаров. Он с места, не выходя к трибуне, как бы дополнил к тому, что сказано было в докладе:

— Я хоть и приказал покинуть самолет, но пилот имеет право и не подчиниться такому приказу. Яне в обиде за такое неподчинение.

Вызванный по списку Глухаренко поспешил к трибуне выправить наметившийся крен:

— Командир эскадрильи прав, да. Но, одно дело не подчиниться там, в воздухе, — ткнул пальцем вверх комсорг, — ставя ни во что свою жизнь. Другое дело — не выполнить приказ командира полка на земле, где бомба могла наделать рикошета такого, что в голову не влезает. Комсомольцы так не поступают. Тут командует интуиция.

Как не поступают, так никто и не понял: то ли не подчиняться интуиции, то ли по интуиции не повиноваться командиру.

Дальше собрание пошло и вовсе наперекосяк. Одни с места предлагали заслушать Козлова, когда возвратится в полк; другие с трибуны требовали осудить недисциплинированность без Козлова; третьи — представить виновника аварии к правительственной награде за спасение стрелка Грызодуба. Но

результативнее других оказалось выступление старшего штурмана полка капитана Компанийца. Он внес предложение создать комиссию по расследованию аварии. Оно и было принято единогласно под любимый сигнал: «Отбой».

Собрание как бы исчерпало на этом свой идеологический ресурс, отметая попытку начальства принять заранее подготовленный проект решения за основу. Утомленные пустословием докладчика и большинства выступающих, летчики не захотели даже дослушать дежурного пустозвона, ссылаясь на сигнал отхода ко сиу.

Необычайное происшествие в полку быстро стало достоянием гласности в армии, а собрание летчиков породило массу кривотолков. Командование армией вынужденно назначило свою комиссию из специалистов других полков, а председателем утвердили Федорова как непосредственного свидетеля происшедшего. Помимо бытующей в полку версии о зависании бомбы, комиссия установила, что спусковой тросик поврежден зенитным огнем. Значит, нет вины летчика, якобы производившего бомбежку не по инструкции.

Выводы по расследованию причин аварии были заслушаны на военном совете авиакорпуса с присутствием командира полка, которому тоже дали возможность высказаться по поводу примечания в акте. В нем действия командира полка оценивались как неправомочные с моральной точки зрения. В лучшем случае, как непрофессиональные. Зато поведение летчика Козлова — как героическое, заслуживающее поощрения, а не осуждения, как это пытались сделать на общем собрании по указанию Тимошенко.

— Почему вы считаете действия командира полка неправомочными? — обратился командир корпуса к председателю комиссии.

— Командир полка знал, что самолет Козлова в тяжелом аварийном состоянии, но не принял должных мер для аварийной посадки. Свои ошибки он пытался замазать надуманной недисциплинированностью летчика, который будто бы самовольно, наперекор приказу, принял решение спасти боевого товарища и машину. Он герой, товарищ генерал, настоящий. Без прикрас.

Военный совет учел выводы комиссии, и распоряжением по корпусу рекомендовано новому командиру полка представить двадцатидвухлетнего паренька к правительственной награде.

Приказом по корпусу майора Тимошенко от греха подальше (а вдруг он действительно какой-то родственник маршалу) перевели на ту же должность в другую дивизию, а штурмана Компанийца назначили временно исполняющим обязанности

командира полка.

Война приближалась к концу. Мощные клещи протянулись к Берлину с юга и севера. Войска Конева и Рокоссовского с ходу форсировали Одер южнее Фюрстенберга и севернее Шведта. «Голубая линия» по Одеру затрещала по швам. Наиболее ожесточенное сопротивление немцы оказали на участке маршала Жукова в районе Зееловских высот. Но когда и эти сильно укрепленные позиции были преодолены и войска маршала подошли к окраинам столицы «тысячелетнего рейха», город оказался в полной осаде со всех сторон, а сопротивление — бессмысленным. Однако глубоко под землей, в бункерах Рейхсканцелярии, верхушка Третьего Рейха отклонила условия маршала Жукова о полной капитуляции, хотя на западном фронте немецкие войска по келейному указанию сверху прекратили сопротивление и начали организованно сдаваться в плен.

В это время в ставку Жукова для координации действия трех фронтов по окружению и уничтожению берлинской группировки войск были вызваны начальники штабов армий и корпусов, нацеленных на штурм агонизирующего города. Собираясь отбыть на важное совещание, начальник штаба Четвертой воздушной армии поинтересовался: все ли полки и дивизии перебазировались из Пруссии, где очаг сопротивления гитлеровцев сократился до границ княжества Габсбургов.

— Все, — доложил адъютант. — Осталось подписать Вам представление в штаб фронта на присвоение звания Героя Советского Союза, и можно улетать.

— Давай, кто там отличился в Пруссии? — подвинул к себе чернильницу начальник штаба, — Те-кс, Евгений Савицкий. Этому подпишу. Не каждый из тыла рвется на фронт, теряя уютное место, высокую должность и безопасную работу, чтобы лично сразиться с врагом. А вот Козлова Владимира что-то не помню. Кто рекомендует?

— Комиссия по расследованию ЧэПэ на аэродроме. Здесь можете не беспокоиться: все ступени представления соблюдены.

— Какое отношение имеет комиссия к представлению?

— Новый командир полка, опираясь на выводы комиссии, дает блестящую характеристику молодому штурмовику, вступившему в бой с истребителями врага. Да и мужество принятых решений в аварийной ситуации с висячей бомбой о многом свидетельствует.

— Постой, постой. Я что-то слышал об этом. Не тот ли это летчик, что телеграфный столб утащил с узла связи немецкого командования?

— Он самый. В последнем бою под Принцлау сбил

«хейнкеля».

— А здесь записано два, — потыкал карандашом по наградному листу начальник штаба.

— Один, подтвержденный участниками боя. Второй записал ему Федоров из числа своих, уничтоженных в этом бою, чтобы только спасти парнишку от трибунала, которым угрожал ему Тимошенко, спасая свою честь.

— Ясно. А третий лист на кого вы мне под клад ываете? По разнарядке нам разрешили двоих представить: истребителя и штурмовика. Что тут неясно кадровикам?

— Кадровики, можно сказать, спасовали. Все-таки сбить семь самолетов в одном бою ни одному асу не удавалось.

— А подтверждения имеются?

— Насчет подтверждений туговато. Это же за линией фронта произошло. Свидетельствует ведомый Савельев, а штурмовики удостоверить точно не могут. Они видели бой, а кто и сколько одержал побед указать не могут. Мы оттуда ушли. Если сам летчик или его командир об этом не беспокоятся, то кому это нужно? Не велика беда.

Родина от этого не пострадает.

— Да-а какого же хрена представлять к Герою человека с недостоверными фактами? — возмутился начальник штаба.

— Командир корпуса настаивает.

— Понятно. Отложите его дело до уточнения. Ему пора хвоста накрутить. Опять своевольничает. Совсем забросил свои прямые обязанности по воспитанию молодежи. Колошматить юнцов — не геройство. С разнарядкой надо считаться.

Глава 20
Осада

В перерыве между заседаниями группа генералов и старших офицеров обступила начальника штаба фронта Малинина. Командующий армией генерал-лейтенант Берзарин и писатель Константин Симонов завели разговор о капитуляции немцев.

— Я бы на месте Гитлера пожалел население и город бы давно объявил открытым, а сейчас бы просто сдал, как французы сберегли Париж после прорыва оборонительной линии «Мажино», — открывая коробку «Казбека» и предлагая окружающим расслабиться табачком, раздумчиво проговорил генерал, приглашенный на совещание лично Жуковым.

— Для самолюбивых фанатиков народ — быдло. Чего его жалеть? — заметил начальник штаба. — Чем грандиознее конец, тем монументальнее венец.

— По-моему, венчать зачинщиков войны никто не собирается, — отозвался Симонов, раскручивая вояк на откровенность. — Народ их проклянет, как зарвавшихся псов кровавой бойни. После войны парижане первый памятник в городе поставят маршалу Петену за предотвращение разрушений в городе и неминуемой гибели невинного населения, — с вызывающей смелостью суждений закончил свою мысль собственный корреспондент главной газеты Красной Армии.

— Они его, скорее всего, расстреляют за предательство, за сотрудничество с немцами, — рассудил начальник штаба.

— Может статься и повесят, как итальянцы Муссолини, за ноги вниз головой, но памятник за спасенный город он заслужил. Тут, хоть стой, хоть падай, но кесарю — кесарево, а Богу — Богово отдай. Иначе человечество лишится человечности, превратится в скопище псевдопатриотических варваров. Мы и так… — осекся вдруг один из кандидатов на почётную должность коменданта осажденного города, завидев проходящего мимо «гориллу» из центра разведуправления.

— Памятники ставят по гражданским заслугам и совершенно мирными людьми, а не военными, — смягчил свое высказывание военный корреспондент «Красной Звезды», как только заплечных дел мастер скрылся в курительной комнате.

В этот момент прозвучала воздушная тревога. Командующий ударной армии поспешил во двор, чтобы лично удостовериться в степени опасности. Совещание проходило в секторе расположения его армии, и потому он чувствовал некоторую

ответственность за безопасность проводимого мероприятия, хотя данное совещание при штабе фронта прикрывалось с воздуха Девятнадцатым, так называемым «маршальским» авиаполком особого подчинения. Этот полк сопровождал Жукова и обеспечивал безопасность с воздуха во всех его полетах по фронтам и армиям, начиная с 1943 года, и находился в распоряжении ставки Верховного Главнокомандования с одной стороны, а с другой — под патронажем Лаврентия Берии, маршала могущественного аппарата устрашения внутренних и внешних врагов.

Глава 21
Маршальский полк

«Маршальский» полк истребителей, сопровождавший Жукова в полетах по горячим точкам от Балтики до Черного моря, редко вступал в бой. Задача у него была иная, чем у обычных истребителей. А летчики отбирались в него первоклассные, чаще молодые, жаждущие заслонить собой тяжелый бомбардировщик с маршалом на борту. Некоторые годами вынашивали мечту встретиться в бою с хваленными «мессершмиттами», томясь незамысловатой работой по охране высокой персоны, совершающей полеты вдали от фронта. В момент же нахождения правительственного лица на командном пункте армии, дивизии или фронта, летчики защищали участок от налета вражеской авиации и часто вступали в бой с превосходящими силами.

Желанный час настоящей работы для полка настал тогда, когда Жуков взял на себя командование Первым Белорусским фронтом. С этого момента полк особого подчинения постоянно находился в боевой готовности.

Подвижка Рокоссовского на второстепенное направление вызвала частичную перетасовку командиров на отдельных участках численно разросшейся группировки войск. Новая метла мела по-своему не только в области стратегии и тактики, но и в кадровой перестановке ключевых фигур войсковых соединений и подразделений. Командир полка особого подчинения ушел на повышение в должности, и на его место стали подыскивать другого человека. Учитывая недовольство командира дивизии своим заместителем, командующий воздушной армией предложил на почетный и, в общем-то, интересный пост полковника Федорова, надеясь таким образом с одной стороны удовлетворить его желание — отличиться в бою под занавес битвы народов, а с другой — избавиться от личной ответственности за безопасность легкомысленного гения воздушной акробатики, оберегаемого видными людьми. Сам Федоров, постоянно испытывая ограничения на боевые вылеты, не против был показать себя в новой ипостаси на фоне горящего Берлина. Он понимал, что другого случая засветиться в небе над столицей фашистов может и не представиться.

Естественно, не только он один горел желанием показать себя на завершающей стадии войны. Многие летчики были заряжены инстинктом мщения, считали благороднейшим делом, светлейшим порывом души сбить самолет или сбросить бомбу

над центром «тысячелетнего рейха», перешедшего к этому времени от панацеи единой Европы в проклятие народов всего мира.

Летчики Люфтваффе, бесспорно, охотились за маршалом Жуковым, и потому на подступах к его командному пункту или штабу предугадывались интересные стычки в воздухе. Поэтому Федоров был не прочь принять такое активное подразделение под свою ответственность, лишь бы оказаться в гуще воздушных сражений.

Он прилетел на место базирования маршальского полка под Кюстрин, чтобы ознакомиться с положением дел в этом элитном подразделении, а потом уж дать согласие… на очередное понижение в должности. Не успел он свой Як-3 поставить в сторонку, как прозвучала тревога. Первая эскадрилья поднялась навстречу «фоккевульфам» последней модификации с литерной буквой «Д», означавшей, что тяжелый истребитель с четырьмя пушками является одновременно и штурмовиком с определенным запасом бомб. На когда-то подаренной ему «Доре» он на практике изучил ее тактические возможности в бою. Тяжеловесная степенная «Дора» превосходила «Яка» в скорости и вооружении, но уступала в подвижности, вертлявости. Особенно легчайшему в весе — Як-3, на котором любил выделывать он воздушные кренделя. Не удержавшись показать преимущество «Яка» над «Дорой» в маневренном бою, он без ведомого, без подстраховщика поднялся в воздух в роли свободного охотника на немецкого кабана.

К действиям эскадрильи он не стал приспосабливаться, а вознамерился сверху, кружась над клубком стальных птиц, наброситься на первый же отбившийся в сторону «фоккер». Наблюдая с высоты за боем, он поразился мастерству своих потенциальных подчиненных, храбро встретивших превосходящего противника как численно (шесть «яков» против десяти «фоккеров») так и в огневой мощи. Особенно его зачаровал удар, который нанес врагу «25-й», разогнавший самолет в пикировании сверху и клюнувший «фоккера» по-соколиному, снизу, на крутом вираже.

Приземлившись на аэродром, видавший виды ас воздушных потасовок подозвал к себе пилота «25-го» и поздравил с блестящей победой. Молодой человек, смущенно представший перед полковником в шлемофоне, отрапортовал:

— Старший лейтенант Крамаренко.

— Поздравляю с победой, — протянул руку, как равному, представительный полковник, прибывший в полк с неизвестной миссией. — Ваш неотразимый удар снизу заслуживает высшей

оценки. Так держать. Как звать?

— Сергей. Сергей Макарович, товарищ полковник, — совсем стушевался старший лейтенант, чувствуя неуместность самовозвеличивающего ответа. — Есть, так держать, — поправился летчик, вытягиваясь по стойке «смирно».

— Давно воюешь? У кого учился бить фашиста по-сталински? — вглядываясь в юное лицо, полюбопытствовал полковник.

— Я-то что? — польщенный вниманием полковника, улыбнулся молодой человек. — Просто техника одержала верх над вооружением. А вот мой ведущий капитан Куманичкин завалил двух «фоккеров». Представляете? Это все равно, как боксер в легком весе, а посылает в нокаут мастодонта тяжелее себя в два раза. Да еще на встречном курсе. Не каждый на такое пойдет. Для такого дела нужна сноровка, выдержка, нервы и черт знает что в придачу к смелости.

— Вот именно: черт знает что. Твой ведущий, наверное, красивый психолог. Сразу уловил неопытность или чрезмерную наглость боша. Вот и поплатились фрицы. Запомни, Серега: всему голова — техника пилотирования. А смелость… тоже нужна. Да, ведь на одной храбрости далеко не улетишь. Сколько вас, отважных, погибло за войну из-за плохой подготовки, знаешь?

— Много. А вы, случайно, не к нам? Старшим инспектором пли начальником каким?

— Пока нет. А-а… стоп. Вижу: по мою душу соскучились.

Не дают оттянуться ни в воздухе, ни на земле. Извини, желаю удачи, — заторопился полковник, завидев адъютанта командира дивизии, примчавшегося на аэродром на американском «иллисе».

Николай Эрастович, выскочивший наружу по воздушной тревоге, не мог оторвать глаз от неба, завороженный динамикой боя. Шестерка «яков» разыграла с десяткой «фоккеров» воздушный спектакль с печальным концом для немцев. Повернувшись к помощнику, он продиктовал телеграмму: «По мастерству, красоте, спаянности этот бой является триумфом нашей авиации. Поражен мастерством и отвагой летчиков. Берзарин».

Как всегда, на войне, на фронте, в армии ежедневно, ежечасно образуются дыры, которые необходимо срочно затыкать, заделывать, чтобы не сбиться с рабочего ритма, удержать «на плаву» вверенный тебе корабль. Такая дыра показалась командующему армией — отсутствие толкового специалиста по приему новой партии истребителей американского производства. Это мог сделать только Федоров.

Скрипя зубами, что ему опять уготована участь военного

чиновника, а не счастье одаренного летуна, не состоявшийся командир полка нехотя принял из рук вестового радиограмму по экстренной, не терпящей отлагательства приемке «мустангов» и неизбежном в таком случае переучивании пилотов по обузданию новой техники. Не в характере его было, привыкшего десять лет безоговорочно подчиняться, постоять за себя, за свои интересы, позаботиться о присвоении очередного воинского звания или оформлении очередной победы над врагом, как об этом пеклись сплошь и рядом елдыкины. Воспитанный в духе преданности партии большевиков и вождю, он с молодых лет без оглядки полагался на своих учителей и священные принципы, заложенные в призыве прорабов коммунистического общества: «Если партия скажет — надо, комсомол ответит — есть». К тому же он недооценивал свой творческий потенциал, хотя интуитивно верил, что выкрутится из любого положения, связанного с пилотированием, потому что любил технику, предназначенную ему судьбой, и обращался с ней как с невестой, которая должна платить ему тем же: любовью и преданностью. Одним словом, маршальский полк ему улыбнулся. Но и только.

Глава 22
Домой

Авиадивизия, выведенная после битвы на Курской дуге в резерв главного командования, под конец войны прописалась в Четвертой воздушной армии и сосредоточилась на правом фланге основного удара по Берлинской группировке немецких войск. Таким образом, каждый летчик мог надеяться на прямое участие в штурме зловещей столицы «тысячелетнего рейха». Взвалив на его плечи обязанности чиновника по приему и освоению американских самолетов, Федорова лишили возможности и права расписаться в небе над Берлином, поставить, так сказать, последнюю точку в послужном списке одержанных побед. Его вновь отодвинули от пекла войны. Поэтому и трофеи делили, и списки для наград составляли, и звания хватали по случаю общей победы над врагом без него.

Но он все равно был счастлив без этой победно-праздничной мишуры, как были счастливы все незаслуженно забытые труженики войны тем, что остались живы, дотянули до последнего дня этой жесточайшей в истории народов бойни за призрачные идеи мирового господства.

Как он ни пытался засветиться над рейхстагом, хотя бы в собственной памяти, ему это не удалось. Как ни старался он покружить над Берлином, когда прилетал по вызову к начальству, но то ли время не совпадало с проявлением активности Люфтваффе, то ли прославленные воздушные асы рейха настолько поредели и присмирели, что пути Ивана Евграфовича и его потенциальных соперников так и не пересеклись.

Но он все же побывал по горячим следам войны как победитель и в рейхстаге, и в рейхсканцелярии, и в памятном по сорок первому году Центре переподготовки летных кадров, и даже в кабинете рейхсмаршала Геринга, но это была уже не та радость победителя. Он как бы наступал пятой на свастику после того, как кто-то, а не он, низвергнул ее с фронтона партийной цитадели фашизма. А ведь могло с ним статься и такое.

После завершения Потсдамской конференции глав победивших держав время для молодого, полного энергии и сил полковника остановилось. Напряженный период активной деятельности улетучился вместе с отбытием Сталина в Москву. Взамен оживленного труда и жажды подвига наступила пора всеобщей расслабленности и семейного счастья, которая быстро сменилась душевной пустотой и горькими раздумьями. Многие

товарищи по службе, с которыми он делил добытые победы и радость боя, исчезли из поля зрения с новыми звездами на погонах и золотом на груди, а он как был командиром полка с началом финской кампании, так и остался полковником, несмотря на то, что всю войну провоевал на генеральском посту. Правда, может быть, потому, что весь свой талант, смекалку и любовь он отдавал рядовой должности летчика-истребителя. Но и великий этот труд, благодаря таким завистникам, как Волков и Елдыкин вкупе с пуританами из Особого управления «Смерш» и политическими перестраховщиками, высокими инстанциями остался не отмеченным.

Как-то в коридоре штаба Вершинин встретил постную мину полковника, когда-то восторгавшегося огневой мощью «Фокке-Вульфа 190-Д»; сочувственно поинтересовался «космополитом», забыв про свой ультрапатриотический нагоняй:

— Как дела, герой? Чем огорчен? Учиться хочешь? Можем послать в академию.

— Академик с меня — что с козла молока, товарищ генерал, — замялся кадровый авиатор, краснея от проявленного внимания. — Скучновато стало. Душа просит настоящего дела.

— Добро, подумаем. Отдыхай пока. Приглашение на концерт Руслановой дали тебе? Нет? Зайди в политуправление, не пропусти случая. Королева! Залихватски поет.

Через месяц командарм вызвал посвежевшего пополневшего авиатора:

— Есть приказ Сталина: всех летчиков-испытателей немедленно отправить в распоряжение министерства авиапромышленности. Завтра нужно вылетать.

— На чем, товарищ генерал-полковник?

— Как на чем? А «Дора»? Ты же восхищался ею.

— Я с ней расстался еще в Польше. Моряки подкузьмили. Приняли меня за фрица и сбили.

— Тогда забирай любую трофейную: хотя бы «Зибель-204». Отличная машина, представительная.

— Спасибо. Лишь паспорт и свидетельство дайте такое, чтоб я мог сесть и заправиться на любом аэродроме.

— Ну, на любом… Это может дать только Верховный или главный маршал авиации. Обойдешься рядовыми площадками. Свободен. Счастливого пути. Привет Москве.

В Шведте, где базировалась дивизия, друзья и сослуживцы, узнав об отъезде товарища в Москву, приволокли со склада две канистры трофейного спирта, два бочонка селедки, рулон атласной ткани для Ани, радиоприемник большого размера и пачку всевозможных адресов, записок, открыток и швейных

иголок. Все это богатство втиснули в грузовой отсек «зибеля» и помахали ручкой на взлете. Сделав прощальный круг над аэродромом и покачав крыльями, самолет устремился на восток.

Москва, холодно и голодно, хмуро встретила парочку влюбленных авиаторов. Так что спирт и селедка оказались как нельзя кстати и согревали душу тем москвичам, кто по законам гостеприимства приютил на пару дней перелетных вояжеров военного ведомства. Получив предписание, сухой паек на три дня, Иван Евграфович и его неизменная спутница уже на следующий день приземлились на аэродроме в Нижнем Новгороде. Спустя некоторое время Иван Евграфович доложил директору авиазавода о своем прибытии на место прежней должности летчика-испытателя.

Так началась для него мирная работа чернорабочего-экспериментатора, полная смертельных опасностей и непредсказуемых последствий. Ибо экспериментировать ему приходилось не просто с секретными какими-то моторами, пушками, приборами, узлами боевых самолетов, но и сверхсекретными технологиями, методиками, операциями, связанными с траспортировкой и применением трижды секретной атомной бомбы или звукофиксирующей трубки сверхзвуковой скорости летательного аппарата. Кроме того его совали во всякую неисследованную дыру чисто бытового характера на государственном уровне, как, например, сопровождение и охрана маршала Берии на Дальний Восток в район американо-корейского конфликта, перехват воздушного шпиона Пауэрса в небе над Москвой или традиционных полетов на праздниках в Тушино.

Даже по состоянию здоровья распрощавшись с крыльями и перейдя на работу в Министерство иностранных дел на сугубо чиновничью должность инструктора по зарубежным связям, он постоянно летал, правда, не как пилот, а как специалист по обследованию условий перелета и приземления правительственных лайнеров на незнакомые аэродромы.

Но и эта послевоенная жизнь великосветского денди пролетарского происхождения была так же скрыта от огласки, как и секретная деятельность его до войны.

Иллюстрации

Иван Евграфович Федоров

Иван Евграфович Федоров

Иван Евграфович Федоров

Иван Евграфович Федоров